

Высшее профессиональное образование

С. В. Кондратьев

АНГЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVII века

Учебник

История

С. В. КОНДРАТЪЕВ

АНГЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVII века

УЧЕБНИК

*Допущено
Учебно-методическим объединением
по классическому университетскому образованию в качестве учебника
для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности и направлению «История»*

Москва
Издательский центр «Академия»
2010

УДК 93/99:420(075.8)

ББК 65.3(4)я73

К642

Рецензент —

кандидат исторических наук, доцент исторического факультета
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Д. Ю. Бовыкин

Кондратьев С. В.

К642 Английская революция XVII века : учебник для студ. высш.
учеб. заведений / С. В. Кондратьев. — М. : Издательский центр
«Академия», 2010. — 192 с.

ISBN 978-5-7695-6683-7

В учебнике освещаются события британской истории предреволюционного и революционного времени. Значительное внимание уделено современному состоянию историографии Английской революции XVII в., обозначены контуры социально-экономических процессов и политической истории правления первых Стюартов, рассмотрены деятельность Долгого парламента, борьба парламентских, армейских и религиозных группировок, а также история взаимоотношений Англии, Шотландии и Ирландии.

Учебник адресован студентам исторических факультетов университетов и всем интересующимся историей Британии XVII в.

УДК 93/99:420(075.8)

ББК 65.3(4)я73

*Оригинал-макет данного издания является собственностью
Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым способом
без согласия правообладателя запрещается*

© Кондратьев С. В., 2010

© Образовательно-издательский центр «Академия», 2010

ISBN 978-5-7695-6683-7

Бытует мнение, что британцы дорожат своими традициями и не любят перемен. Это действительно так. И сегодня тысячи жителей Кента, Уэльса, Эссекса, Шотландии живут в домах, построенных их предками в XVI или XVII в. Модернизировать такие помещения, не разрушая фасадов и интерьера, весьма затратное дело. Историческая среда, традиции и стабильность дорогого стоят. И все-таки в расхожем мнении о консерватизме британцев есть изрядная доля преувеличения. Присмотримся и увидим, с какой готовностью они снимались и снимаются с мест, отправляясь осваивать новые языки, сферы и территории. Их внутренняя история кажется относительно бесконфликтной. Но и Британии приходилось переживать исторические катаклизмы. Английская революция, пожалуй, была самым крупным из них.

В начале XX в., начиная свои «Лекции по истории Английской революции», выдающийся российский историк Александр Николаевич Савин писал: «*Правильное* (курсив мой. — С. К.) понимание важнейших событий в истории Англии XVII в. установилось не сразу» [1]. Это заявление кажется странным, если не сказать курьезным, уже хотя бы потому, что и во времена А. Н. Савина шли дискуссии о причинах и характере Английской революции. Продолжаются они с большей или меньшей страстью и по сию пору. Кроме того, каждому новому поколению историков свойственно желание переписывать своих предшественников, «оживлять» иных исторических персонажей, извлекать из архивов новые комплексы источников, по-другому прочитывать давно уже известные документы. Меняются еще установки сознания и речевые конструкции описания прошлого. Иначе говоря, проходит время, приходят новые люди, и они садятся писать *свою* «правильную» историю.

В кратком эссе, предваряющем учебное пособие, остановимся только на самых значимых фигурах и тенденциях в историографии Английской революции.

Понятно, что первыми историками революции, или гражданской войны, как она еще называется, были ее непосредственные участники и действующие лица. Они постоянно задавались вопросом: почему таковое случилось? Революция вольно или невольно стала их жизнью. Поэтому в своей рефлексии по поводу

пережитого они были весьма и весьма пристрастны. Начало той- рийской, или консервативной, интерпретации революции положила работа соратника Карла I, главы правительства при Карле II. Э. Кларендона «История мятежа и гражданских войн в Англии» [2], к которой автор приступил в 1646 г. Следуя примеру античных классиков, Кларендон создал обширный нарратив, т. е. описание политических событий, случившихся в Англии после 1625 г. Он отказался от поиска причин гражданской войны, сводя ее происхождение к случайным нелепостям и человеческим амбициям. До созыва Долгого парламента, утверждал Кларендон, в королевстве царили «покой» и «счастье». Даже в 1640 г. немисливо было вообразить, что страна вскоре «изменит курс». Гражданская война была порождена небольшой группой, или кликой, радикалов. Не на высоте оказались и советники короля, подсказывавшие ему «плохие» решения.

У истоков либеральной, или вигской, трактовки революции оказался республиканец Дж. Гаррингтон со своей «Республикой Океанией» [3], опубликованной в 1656 г. Произведение Дж. Гаррингтона по жанровой принадлежности являлось политико-философским трактатом, где он, среди прочего, попытался набросать схему исторического развития Англии и обрисовать движущие революционерами мотивы. Ему казалось, что свойственная Англии и другим европейским государствам система монархического правления установилась после разрушения варварами античных политических устоев. В результате возник порядок («готическое государство»), внутри которого две силы — знать и корона — соучаствовали в управлении и постоянно соперничали друг с другом. Династия Тюдоров, по мнению автора, начала разрушать этот порядок. В конце XV в. Генрих VII запретил знати набирать вооруженные отряды, лишил ее былой независимости и привязал к трону. Одновременно свободу от военных обязанностей по отношению к аристократии обрели дворяне (джентри) и йомены, составившие вместе с некоторыми другими категориями населения «средний класс». Еще больше «готический баланс» подорвали Генрих VIII, отнявший богатства и земли у церкви и передавший их джентри, йоменам и «среднему классу», и Елизавета I, опиравшаяся в правлении на большинство населения. Дж. Гаррингтон, таким образом, подводил читателя к мысли, что гражданская война к началу правления Карла I стала неизбежной. Она была подготовлена причинами, вызревавшими уже в течение полутора веков. За это время степень свободы, независимости и богатства «среднего класса» собственников значительно выросла. Наконец «средний класс» решил конвертировать их в политическую власть, а революция показала, что самой своевременной формой реализации его прав может быть республика.

Традиция Гаррингтона позднее хорошо совместилась с идеями Джона Локка и других английских просветителей, которым казалось, что общество движется к прогрессу, т. е. от примитивных общественных и государственных форм, предполагающих ограничение индивидуальных свобод, к более совершенным, признающим широкий объем прав личности и соучастие населения в управлении. Революция в этой схеме рисовалась решающим этапом борьбы за свободу. Для эпохи Просвещения история была не столько наукой, сколько литературным способом воспитания людей в определенном духе. В литературных сочинениях читатель должен был постоянно наткнуться на аллюзии с привычной ему современностью.

В XVIII в. самой известной работой, определяющей историческую ситуацию в течение столетия, стало шеститомное произведение Давида Юма «История Великобритании от завоевания Цезаря до революции 1688 г.» (1754) [4], где автор попытался примирить торийскую и вигскую точки зрения. Два последних и очень обширных тома сочинения Юма повествуют о событиях XVII в. Хотя Юм был защитником традиционных английских вольностей, он, однако, полагал, что главная обязанность власти — поддерживать не свободу, а справедливость. Юм не возражал против того, что Карл I иногда шел вразрез с общепринятыми представлениями о свободе, но главную вину за гражданскую войну возлагал все же на религиозных радикалов, которые ее развязали. Несмотря на критику со стороны вигских историков Джеймса Фокса, Генри Галлама, англичане вплоть до середины XIX в. преимущественно по Юму знакомились со своим прошлым.

Славу Юма через сто лет сумел превзойти вигский писатель Томас Маколей. В «Истории Англии» (1848—1861) [5] он доказывал, что государственное устройство королевства постоянно развивалось. Английские свободы уходят корнями в XIII в., когда появляется Великая хартия вольностей, и значительно расширяются ко времени первых Стюартов. Последние, по мнению Маколея, напротив, пытались навязать Англии абсолютистскую форму правления, чему был вынужден сопротивляться Долгий парламент. Революция была, таким образом, конфликтом между абсолютизмом и защитниками свободы в парламенте. Здесь следует заметить, что у Маколея и его современников представления об абсолютизме складывались под влиянием результатов Французской революции и возникшего впоследствии либерального течения общественной мысли. Либералы противопоставляли собственные государства, появившиеся после революций, политическим системам Франции и некоторых других европейских стран XVII—XVIII вв. («старый порядок»), где власть монархов была якобы безграничной.

На рубеже XIX — XX вв. история постепенно перестала восприниматься только как наставница жизни, превращаясь в объект деятельности профессионалов. Школы историков-профессионалов, наконец-то, появились в Кембридже и Оксфорде. У. Стеббс, основавший в 1870-х гг. такую школу в Оксфорде, говорил о своих предшественниках как о людях, которые в университетах просто «догружались» историческими штудиями [6]. Доказательством тому, что во второй половине XIX в. история из просто литературного занятия становится родом профессиональной деятельности, служит появление серии изданий архивных документов. Многие из начавшего издаваться тогда продолжает издаваться под теми же названиями по сию пору и в современных библиотеках занимает уже не полки, а стеллажи. Пожалуй, самым показательным стало учреждение в 1869 г. Исторической комиссии по изданию рукописей (Historical Manuscripts Commission).

Во второй половине XIX в. главным событием в изучении Английской революции стало 18-томное сочинение Самуэля Гардинера [7], который в хронологическом порядке педантично, сухо и фактологично описал события XVII в. Столь обширный нарратив сам по себе исключал какой-либо глубокий анализ причин и характера гражданской войны. Работа содержала значительное число неточностей, к которым автор, сочинявший без устали том за томом, уже не возвращался. В поле его внимания не попали обширные комплексы источников, в частности парламентские дневники. Кроме того, Гардинер остался в русле вигской интерпретации революции. Правда, ему она рисовалась как революция «пуританская», т. е. как борьба пуритан за религиозную и индивидуальную свободу против королевской власти. Ратуя за объективность и научность, Гардинер в своих построениях без всяких определений использовал такие понятия, как «нация» и «религиозная оппозиция».

Схема «пуританской революции» была полностью поддержана в работе о последних годах протектората друга С. Гардинера Чарльза Ферса [8]. Ученик Ферса Годфри Дэвис [9], идя по дороге, вымощенной вигами, несколько изменил понятия и акценты. Он предпочитал использовать термин «великий мятеж» вместо слов «пуританская революция». Но прогрессивный характер революции как борьбы «среднего класса» с «персональным правлением» и ее предопределенность были для него очевидны. Вигской трактовки придерживался и племянник Маколея Джордж Тревельян [10]. Он писал, что начавшийся в Европе монархический и абсолютистский «прилив» имел шанс захлестнуть и Англию. И только деятельность Долгого парламента «спасла британскую свободу».

С начала XX в. в историографии происходили не только методологические и теоретические сдвиги. Можно говорить также о

появлении сюжетного разнообразия при изучении Английской революции. Это коснулось истории представительного органа. Участие парламента в политической борьбе постоянно декларировали, но о нем самом почему-то не писали. В 1910 г. выходит монография Чарльза Макилвейна «Высокий суд парламента и его супрематия», который нарисовал картину возрастающего влияния парламента при Тюдорах и Стюартах [11]. В 1916 г. американские исследователи Уоллес Нотстейн и Роберт Ашер, согласные с тем, что Английская революция была борьбой парламента за права подданных, выступают с призывом более детального изучения истории островного права, государственных институтов и парламента. Первым шагом на этом пути должны стать, по их мнению, архивные публикации. У. Нотстейн затем подготовил фундаментальные издания дебатов палаты общин за 1621 и 1629 гг. [12].

До XX в. история Английской революции, или гражданской войны, писалась как политическая история. Но в XX в. произошла смена вех. Большинство исследователей увидели перспективу в поиске социальных и экономических объяснений Английской революции. В методологическом отношении на них оказали сильное влияние марксизм и теоретические установки Макса Вебера. Еще во второй половине XIX в. Карл Маркс и Фридрих Энгельс предложили «материалистическое» понимание истории, которую они рассматривали как «борьбу классов». С их точки зрения, люди отличаются друг от друга по месту, занимаемому в системе производства, и по наличию или отсутствию собственности на средства производства. Гарантом сложившихся отношений собственности, экономического и социального порядка выступает политическая система. Классовая борьба, высшим проявлением которой является революция, приводит к захвату власти, перераспределению собственности и установлению нового социально-экономического порядка, или новой формации. Марксизм настаивал на детерминированности любых политических, ментальных, культурных сдвигов экономическими, социальными, материальными факторами. Материальными они назывались еще и потому, что действуют независимо от воли и желания людей [13]. Макс Вебер связывал рост капитализма с особенностями протестантской религии и этики, которые накладывали на буржуа раннего Нового времени ограничения и побуждали к продуктивной деятельности [14].

В 1940 г. Кристофер Хилл опубликовал свое эссе «Английская революция» [15], где в марксистском духе представил гражданскую войну середины XVII в. классовым конфликтом, в ходе которого буржуазия в союзе с прогрессивными, ведущими хозяйством по-капиталистически лендлордами, опрокинула «феодальную» власть короля и «реакционной» знати и обеспечила победу капитализма и грядущей спустя век индустриализации.

Наиболее влиятельным британским историком первой половины XX в., использующим марксистский и веберовский инструментарий, был Ричард Тоуни. Уже в своих ранних работах он отмечал социальные сдвиги, происходившие в английской деревне XVI в., и связь между пуританизмом и становлением капиталистических отношений в предреволюционном обществе [16]. В 1941 г. Р. Тоуни читает в Британской академии знаменитую лекцию, которая одновременно печатается в виде программной статьи «Подъем джентри, 1558 — 1640 гг.» [17]. Он говорит, что Английскую революцию следует объяснять экономическими и социальными причинами. В основу его построений лег постулат Гаррингтона о «возвышении джентри». Р. Тоуни казалось, что в XVI — начале XVII в. английское пэрство деградировало, тогда как джентри и средние классы богатели. Хотя схему Гаррингтона Р. Тоуни считал слишком простой, он настаивал на том, что следствием произошедшего в период правления Тюдоров перераспределения собственности в пользу джентри стало его стремление к радикальному перераспределению политической власти.

Построения Р. Тоуни вызвали острую дискуссию в англо-американской историографии, растянувшуюся на четверть века. Ученик Р. Тоуни Лоренс Стоун дополнил концепцию наставника о возвышении джентри своей концепцией кризиса аристократии. Упадок знати, по мнению Л. Стоуна, стал следствием инфляции, неспособности адаптироваться к новым экономическим реалиям, необходимости увеличивать расходы и залезать в долги для поддержания статуса при реальном сокращении традиционных доходов. Концепция Л. Стоуна была достаточно уязвима, но его 800-страничная книга, содержащая богатейший статистический и просопографический материал (который собирался и обрабатывался еще в докомпьютерную эпоху), может считаться настоящим исследовательским подвигом [18].

Изъяны в подсчетах и построениях Р. Тоуни и Л. Стоуна отметил Хью Трево-Ропер [19]. Он нарисовал иную социально-политическую картину. Водораздел, по его мнению, проходил не между преуспевающим джентри и неспособной к адаптации аристократией, а внутри благородного сословия. Одна часть — держатели должностей при дворе и юристы — преуспевала благодаря своему положению, другая, бо́льшая, оставалась в провинции, обреченная жить на снижающиеся в условиях инфляции традиционные доходы. Раскол внутри правящего класса, настаивал Х. Трево-Ропер, стал главной причиной революции.

Все 1950 — 1960-е годы главные участники дискуссии и их последователи уточняли собственные количественные выкладки и искали ошибки в социальных и экономических исследованиях оппонентов. Мэри Киллер, Дуглас Брантон и Дональд Пеннинг-

тон [20] изучили биографии членов Долгого парламента и выяснили, что в ходе революции парламентарии обеих палат приблизительно в одинаковых соотношениях поддерживали короля и парламент. Перец Загорин пошел еще дальше и показал, что в лагерях противоборствующих сторон можно встретить и аристократов, и равных по статусу дворян, и даже держателей правительственных и придворных должностей. По его мнению, революция была не столько конфликтом классов, или сословий, — по принципу «джентри против короля и знати», — сколько конфликтом внутри правящей элиты [21]. Джерард Эйлмер, изучив прослойку держателей придворных должностей, выяснил, что это был особый мир, где политика носила персонифицированный характер. Движение людей и принятие решений зависели от покровительства, родства, личных отношений и подношений [22]. К. Хилл в блистательной работе «Революционный век» (1961) [23] уже не утверждал, что буржуазия была лидером Английской революции, хотя по-прежнему считал ее «буржуазной» с точки зрения исторической перспективы развития капитализма. Вместе с тем К. Хилл в этой и более поздних работах все больше и больше выступает приверженцем комплексного изучения предреволюционной и революционной эпохи. Он пишет о ментальных и культурных сдвигах, радикализме, пуританских сектах и деятелях, определяющих поведение современников [24]. Из авторитетных историков во второй половине XX в. только К. Хилл и его ученик Бриан Мэннинг повествуют о буржуазном происхождении революции и ее социальных корнях [25]. Б. Мэннинг и в своих последних работах настаивал на том, что Английская революция была классовой борьбой, т. е. борьбой за переустройство мира, в которой народные массы, движимые радикальными идеями, играли самостоятельную роль [26]. В более мягкой форме о социальных аспектах революции писал Дэвид Андердаун, который связывал сдвиги в социальной сфере с культурными изменениями [27].

Вигская интерпретация революции была несколько оттеснена на периферию [28], но вскоре нашла своего защитника в лице американского историка Джека Хекстера. Именно Дж. Хекстер придумал остроумное название спорам, вводимым вокруг джентри, назвав их «штормом». Он упрекал сторонников и Р. Тоуни, и Х. Трево-Ропера в узком социальном детерминизме, который ограничивает исследовательское поле поиска причин революции. Большую часть депутатов палаты общин составляли влиятельные сельские магнаты и богатые провинциальные дворяне, у которых отсутствовали резоны начинать смуту. Они постоянно соучаствовали в управлении на уровне графств и не имели какого-либо выраженного «собственного» интереса. По мнению Дж. Хекстера, ответ на вопрос, почему столь ответственные люди, привыкшие

соучаствовать в организации жизни и поддержании общественного порядка, решились оказать сопротивление короне, можно найти, изучив их базовые ценности и установки. Главной такой ценностью Дж. Хекстер считал традиционные вольности и права, ради которых «ответственные люди» в конечном счете решились на восстание [29]. Отметим, что Дж. Хекстер не любил генерализаций и часто за это упрекал марксистских историков, в частности К. Хилла. Общим для марксистов и виггов, однако, оставалась вера в прогресс и в то, что революция как важный этап в истории была закономерна и неизбежна.

Важные коррективы в картину предреволюционной и революционной Англии внесли исследования по локальной истории. Особую роль сыграли работы лейстерского историка Алана Эверитта о Кенте и Суффолке, в которых он сформулировал концепцию «локальной автономии» [30]. У него, конечно же, были предшественники [31]. Но они оставались в рамках, обозначенных их маститыми менторами, т. е. с бóльшим или меньшим успехом иллюстрировали на местном материале выкладки С. Гардинера или Р. Тоуни. А. Эверитт же увидел в каждом графстве «осознающее себя особым образом и соединенное узами сообщество». А вся предреволюционная Англия казалась ему объединением таких в определенном смысле отчужденных от центра и аполитичных графств и сообществ. Утверждение А. Эверитта было заострено против вигской интерпретации революции, носители которой продолжали писать о бунте «нации» против тирании. Кроме того, он указывал, что политический горизонт для большинства провинциального джентри заканчивался границами собственного графства или даже округа. По мнению А. Эверитта, провинциальное джентри в годы революции сохраняло свою локальную приземленность. Война в графствах была инициирована политически активными радикалами и экстремистами. В построениях А. Эверитта потом также нашли много недостатков, но его выкладки спровоцировали новые исследования. Представители идущего следом поколения исследователей увидели в локальной истории привлекательность и перспективу [32]. В 1976 г. вышла работа Джона Моррилла «Бунт провинций» [33], которая суммировала собранные другими исследователями данные о ценностном и политическом локализме английских провинциальных элит. Автор нарисовал более сложную картину провинциализма в предреволюционной и революционной Англии. По его мнению, инициативы центральной власти (особенно фискальные) напрямую касались провинциальных элит. Уже одно это обстоятельство предполагает наличие у провинциального дворянства интереса к общекоролевским проблемам. В целом революция не разрушила локализм и местный патриотизм провинциалов, хотя отдельные,

тесно связанные между собой группировки дворянства принимали участие в войне. Стремление сохранить автономию политизировало графства по-своему: давление со стороны парламента («парламентская тирания») вызывало активную политическую реакцию, сопротивление и в ряде случаев бунты провинциалов («радикальный консерватизм»), стремящихся сохранить традиционный порядок.

Еще одна послевоенная работа активно побуждала переписывать вигскую и марксистскую историю предреволюционной Англии как периода глубоких политических разногласий и борьбы «за суверенитет», или политическую власть. Это монография Джона Покока «Старинная конституция и феодальное право» [34], в которой было показано, что политическая и правовая культура Англии XVII в. базировалась на принципах общего права. Мышление, обусловленное установками права, свойственное англичанам, означало наличие у них общих ориентаций сознания, мифов и предубеждений. Англичане верили, что их правовая и государственная система лучшая в мире. Она существует с незапамятных времен, досталась от предков и должна оставаться неизменной. Они все оперировали одними и теми же речевыми конструкциями и метафорами. Разногласия и споры, подчеркивал Дж. Покок, имели место, но идеал их участников лежал в прошлом. Они не имели цели сконструировать собственное суверенное будущее. Оппоненты находились в одном и том же политическом дискурсе, политическом речевом пространстве, ориентирующем на лечение болезней или устранение недостатков, но не на переустройство (прогресс) политического или социального миропорядка.

К середине 1970-х гг. стало ясно, что социальная и экономическая история обогатила представления о предреволюционной и революционной эпохе, но предлагаемые ею объяснения событий и процессов XVII в. стали казаться недостаточными или слишком простыми. Так или иначе необходимо было встроить в общую историческую канву те данные, которые привнесли локальные исследования, работы по общественной мысли, ценностным ориентациям, месту в общественной жизни социальных и социопрофессиональных групп и т. п. Именно к этому призвал историков в своей книге «Причины Английской революции» (1972) Лоренс Стоун [35]. По его мнению, начиная с Кларендона, все работы о революции содержали «зерна истины», но они концентрировались на каком-то одном объяснении, на одной стороне многогранника. Истина, по его словам, не может быть односторонней. Поэтому нужен комплексный подход, позволяющий вычленить разнообразные факторы, действующие длительный период, и увидеть связь между долговременными фундаментальными причинами, кратковременными политическими поводами и «спу-

сковыми крючками». На основе таких факторов историку затем надлежит выстраивать долговременные причинно-следственные связи между эпохой ранних Тюдоров и Английской революцией. Надо сказать, что именно так (комплексно и мультифакторно в подходе) за год до этого была написана работа будущего лидера «ревизионистского» направления Конрада Рассела [36].

В середине 1960-х гг. с критикой марксистской и либеральной концепций Английской революции выступил Джеффри Элтон. Его не устраивал присущий им детерминизм. По мнению ученого, предшествующая революции история правления Тюдоров не содержит доказательств «неизбежности» будущего вооруженного конфликта, или, как он писал, «прямой дороги к гражданской войне». Революция не была следствием фундаментальных социальных сдвигов, произошедших в английском обществе [37].

Во второй половине 1970—1980-х гг. о необходимости переписать вигскую и марксистскую историю революции заявляет уже целая группа англо-американских историков, названных потом «ревизионистами». Началось все с изданного под редакцией Конрада Рассела сборника статей «Истоки гражданской войны в Англии» (1973) [38], где он призвал отвергнуть два основных постулата предшественников: веру в «неизбежность» революции и веру в парламент как прогрессивный инструмент конструирования будущего. В 1976 г. К. Рассел напечатал острую статью «Парламентская история в перспективе, 1604—1629» [39]. Его не устраивал подход предшественников к изучаемому материалу. По его мнению, сознание профессиональных историков оказывается под гипнотическим воздействием эпохальных событий. Для Англии XVI—XVII вв. таким событием стала Английская революция, по отношению к которой историческое сознание стремится поставить все другие факты и явления в причинно-следственные ряды и связи. Поэтому история взаимоотношений парламента и монархии Тюдоров и Стюартов предстает в исторических сочинениях как (вспоминает он метафору Дж. Элтона) «прямая дорога к гражданской войне». Историк здесь напоминает К. Расселу романиста, ибо им обоим известен финал произведения. Но писатель является творцом и господином персонажей и событий. Уподобляясь ему и помня только о финале, историк, по сути, отказывает реально имевшим место событиям, существовавшим людям и практикам в имманентности и самостоятельной ценности [40]. Именно логика финального действия, «вера в его неизбежность» (belief in inevitability) и побуждали предшественников, подчеркивает К. Рассел, видеть в истории предреволюционных парламентов наличие «конституционной борьбы между двумя “сторонами”, правительством и оппозицией, или двором и страной. Вся предшествующая историография уверяла, что, во-первых, парла-

мент был органом, обладавшим властью, и что, во-вторых, внутри он был разделен на сторонников «правительства» и «оппозиции». К. Рассел безапелляционно называет обе посылки «ложными» и заявляет: «До 1640 г. парламент не обладал властью и не имел оппозиции» [41].

Первоначальная концентрация усилий ревизионистов на парламентской истории была обусловлена тем, что в построениях вигов депутаты часто выступали защитниками свободы и творцами прогресса. Ревизионисты перевели дискуссию из области широких генерализаций в сферу политической истории. Исследования ревизионистов не отличались какими-либо методологическими или инструментальными находками. Вся их методология строилась на противопоставлении массового архивного материала, к которому они преимущественно обращались, изданным и давно введенным в оборот источникам. Действительно, ревизионисты предприняли значительные архивные изыскания, дабы прояснить историю парламента, и инициировали появление целой серии работ о нем [42]. К. Рассел и его последователи полагали, что процесс конституирования парламента в начале XVI в. еще не был завершен, поскольку парламент тогда не являлся постоянно действующим органом и регулярно собирающимся институтом. Сами парламента становились событиями политики только после того, как их собирала корона. За кулисами политической жизни Англии можно наблюдать «клиентельно-патронатные» отношения, реальным проявлением которых были административные, кадровые и экономические решения. При королевском дворе существовали фракции, соперничавшие друг с другом за влияние на монарха и правительственных чиновников. В провинциальных городах и местечках, имевших право посылать своих представителей в нижнюю палату, доминировали либо отдельные семьи, либо могущественные придворные, являвшиеся патронами этих городов и местечек. Выборы в парламент поэтому, как правило, были простым подтверждением доминирующего влияния отдельных семей или лиц в провинциальных графствах [43]. На вопрос о том, происходила ли борьба внутри парламента, К. Рассел отвечает утвердительно. Однако это была и не политическая, и не идеологическая борьба. Соперничество придворных и правительственных фракций, настороженность провинциальных элит, не представленных при дворе, по отношению к элитам, там представленным, находили свое отражение в парламенте, в пылких речах и гневных инвективах депутатов. Политическое напряжение создавалось также по линии противостояния между пресвитерианскими общинами и индипендентскими конгрегациями и официальной англиканской церковью, пытавшейся утвердить религиозное единообразие. К. Рассел в значительной степени разделял представление

А. Эверитта о единстве провинциальных обществ и об их враждебном отношении к столичным инициативам и нововведениям. В годы гражданской войны, полагал он, провинции относились отрицательно к действиям Долгого парламента.

Общим для всех ревизионистов базовым принципом остаются отрицание «закономерного» (по марксистской), «телеологического» (по ревизионистской терминологии) характера Английской революции и наличие у нее долговременных причин. Следует признать, что на избранном пути им удалось получить значительные результаты. Они далеко продвинулись в деле восстановления точной картины событий кануна и самой гражданской войны и в определении роли отдельных персонажей в этих событиях.

Начав с истории парламента, ревизионисты в дальнейшем подняли целый ряд тем. Кэвин Шарп, самый продуктивный из плеяды ревизионистов, посвятил несколько работ изучению ментальных установок и ценностных ориентаций английской политической элиты, в которых пришел к заключению, что политический класс предреволюционной Англии придерживался единых базовых принципов. Будущие противники короля и сторонники парламента существовали в условиях политического консенсуса и общей политической культуры [44].

По-прежнему значительное внимание исследователи уделяют религиозному фактору, влиявшему на причины и ход революции. Кристофер Хилл в книге «Мир, перевернутый вверх дном» (1972) [45] показал, что религиозные нововведения Долгого парламента стали питательной почвой обильно выросшему следом радикальному религиозному сектантству, которое, в свою очередь, толкало революцию дальше и дальше. Видный историк пуританизма Патрик Коллинсон своей первой книгой подтверждал вигский тезис о том, что в предреволюционной Англии существовало модернизирующее, конфликтующее с короной пуританское движение [46]. Но позднее он и ревизионист Николас Тэк, не отрицая существования в церкви группировок и наличия в обществе неконформистских религиозных общин, стали говорить о кальвинистском консенсусе, имевшем место, по крайней мере, до 1620-х гг. [47]. Н. Тэк пришел к выводу, что новаторские порядки в церковь внесли инициированные архиепископом Лодом решения Карла I, которым стали настойчиво сопротивляться пуритане. Последние у него, таким образом, выступают уже не носителями прогресса, а консерваторами [48]. Тезис о том, что до правления Карла I в стране сохранялся протестантский консенсус, разделяют К. Шарп, Питер Уайт, Питер Лейк, Энтони Милтон и Джон МакКэффerti. Первые двое вообще отрицают наличие каких-либо серьезных религиозно-политических новаций в годы правления Карла I [49]. Вторые полагают, что при Елизавете Тюдор и Яковс I выра-

боталась компромиссная конфессиональная модель, удовлетворяющая большинство. Но поддержка Карлом I Лода и его последователей стала причиной радикализации пуритан, превращая их в оппозицию церковной политике короны [50]. Все эти историки подчеркивают желание большинства англичан оставаться в рамках англиканской церкви, их неприятие пуританского экстремизма. Именно этот религиозный экстремизм и радикализм двигали революцию вперед, особенно в 1647 — 1649 гг. Кристофер Хэйг, Джон Морил и Джуди Молтби отмечают, что предположение С. Гардинера о популярности пуританизма не соответствует действительности. Основная масса провинциального населения уже адаптировалась к англиканству и принятому в официальной церкви стилю богослужения. Он больше подходил не искушенным в конфессиональных и библейских тонкостях, малообразованным городским и сельским прихожанам, чем глубоко отрефлексированные проповеди пуритан. Большинство населения готово было удовлетвориться отстранением от управления церковью Лода и его последователей. В годы революции провинциальные сообщества крайне негативно относились к деятельности сектантов [51].

Первыми критиками ревизионизма были маститые современники. Л. Стоун и К. Хилл, отдающие предпочтение построениям и генерализациям, обвинили ревизионистов в «узком антикварном эмпиризме», возврате к нарративу и стремлении лишить историю смысла [52]. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. в науку пришло новое поколение ученых, которое увидело в работах ревизионистов собственные объекты для критики. Они заявили, что поднятая К. Расселом парламентская проблематика не является новой, а терминологически вообще восходит к XIX в. [53]. По их мнению, в предреволюционной Англии достаточно свидетельств глубокого политического и идейного конфликта. Дж. Соммервилл, изучая общественную мысль, говорит о наличии в Англии двух видов политического мышления: носители одного («абсолютисты») выступали за расширение королевских прерогатив, носители другого ратовали за их ограничение нормами общего права и за необходимость считаться с мнением подданных при определении государственной политики [54]. При изучении политической культуры, пишут критики ревизионизма, следует сфокусировать усилия на появлении в годы революции новых речевых конструкций и форм объяснения поведения участников гражданской войны и происходящих процессов [55].

Томас Когсуэлл подчеркивает наличие фундаментальных разногласий между монархией и палатой общин в 1620-х гг. Он пишет, что депутаты действительно стремились исправить недостатки управленческих решений, критиковали монархию и вступали с ней в конфликт. По его мнению, если виги утверждали, что Англия

шла «прямой дорогой к гражданской войне», то в сочинениях ревизионистов история взаимоотношений парламента и королевской власти превратилась в «извилистую заупокойную тропу» [56].

Ричард Каст, Клайв Холмс и Энн Хьюз отмечают, что А. Эверитт и ревизионисты сильно преувеличивали локализм провинциалов и единство внутри провинциальных сообществ. Изучение коммуникативных практик и распространения новостей и слухов позволило им прийти к выводу, что провинциальные элиты достаточно хорошо были осведомлены о решениях центральной власти, имели по отношению к ним собственное представление, а в моменты политического реагирования на инициативы двора и правительства провинциальное сообщество делилось и фрагментизировалось [57]. В ходе гражданской войны, пишет Энн Хьюз, Долгий парламент смог победить во многом благодаря тому, что умел не только навязывать графствам все новые и новые поборы, но и наладить с ними обратную связь. Во-первых, интересы провинций были представлены в парламенте депутатами, и, во-вторых, нижняя палата постоянно принимала петиции и обращения, идущие со всей страны [58].

Критики ревизионизма не отрицают того, что у Английской революции могли быть долговременные и социальные причины. По их мнению, не следует игнорировать острых социальных проблем, возникших еще в XVI столетии. Напротив, говорят они, нужно пытаться нащупать связь между ними и гражданской войной. К таким проблемам постревизионисты относят явную пауперизацию деревни, вызванную демографическим ростом и следовавшей за ним инфляцией и повышением цен. Они обращают внимание на довольно быструю модернизацию английского общества XVI — первой половины XVII в., сопровождавшуюся повышением и понижением статуса значительного числа представителей джентри и знати. Отмеченные современниками ощущение обрушения привычного порядка, чувство страха, досады и неуверенности заставляли искать объяснения и выхода. И часто вина за эти объективные процессы возлагалась в массовом сознании на монархию, двор и королевскую администрацию. Элиты надеялись, что корона наведет порядок и восстановит «гармонию», которая якобы имела место в годы правления Елизаветы Тюдор. Стюарты, особенно Карл I, не доверяли населению и боялись того, что сегодня бы именовалось «популярностью». Постревизионисты отказываются искать лиц, персонально ответственных за революцию. Причины революции, говорят они, следует усматривать не в ошибках или злом умысле отдельных людей. Дискомфорт, который ощущали многие, был настолько непереносим, насколько надежды, возлагаемые на монархию, оказывались нереалистичными. Никакая отдельная личность, по их мнению, не могла ни приблизить революцию, ни отсрочить ее [59].

Критика постревизионистов принесла результаты. К началу 1990-х гг. Конрад Рассел уже перестал утверждать, что у Английской революции не было долговременных причин. К таковым он относил структурную деградацию фискальной системы, пост-реформационную напряженность внутри церкви и нахождение «трех королевств» под скипетром Стюартов. Но от этого революция не делалась неизбежной. Ее объяснение, на его взгляд, может быть найдено при комплексном рассмотрении долговременных факторов, кратковременных поводов и персональных неудач. Изучение Английской революции может получить новый импульс и перспективу, особенно настаивал К. Рассел, если ее рассматривать в контексте британской истории. По его мнению, британский контекст делает невозможным объяснение гражданской войны экономическими и социальными причинами, поскольку Англия, Шотландия и Ирландия существенно отличались друг от друга в социальном, экономическом и культурном плане. Общим для трех королевств было то, что они находились под скипетром Карла I. Неспособность Карла I как политика справиться с разнородными проблемами трех королевств находится в центре объяснений К. Рассела причин революции. Он полагает, что в основе политики Карла I, Лода и Страффорда лежало стремление к быстрой унификации общественной и религиозной жизни трех королевств. Ответом стало нарастающее сопротивление, вылившееся в открытый мятеж в Шотландии (1638), перекатившееся затем «как бильярдный шар» в Ирландию (1641) и Англию (1642) [60]. На трудности контролировать из Лондона иноязычную, подозрительную или даже враждебную периферию и неизбежные конфликты между элитами указывает Дж. Моррил. Он принимает расселовскую метафору «бильярдного шара» и возлагает ответственность за гражданскую войну на ошибочные решения Карла I [61].

Относительно недавно К. Шарп, второй, вероятно, по академическому весу среди ревизионистов, дал ответ на критику своих более молодых коллег. К. Шарп отметил, что она во многих отношениях конструктивна. Хотя, на его взгляд, в любви к деталям и архивам постревизионисты просто идут по следам ревизионистов [62]. Ему представляется, что совершенно неправильно в любом написанном тексте о власти или важных событиях XVII в. усматривать политический или идеологический смысл. Он призывает сосредоточить усилия на изучении поведенческих практик и стереотипов мышления людей предреволюционного и революционного времени. Из исследований ревизионистов и постревизионистов логически вытекает вопрос, на который ни первые, ни вторые не могут предложить внятный ответ. Вопрос этот в зависимости от принадлежности может звучать так: если был консенсус, то почему он столь быстро разрушился, или если был политический и

идейный раскол, то почему столь долго сохранялся мир? К. Шарпу кажется, что такая постановка является ложной, поскольку в каждом написанном современниками событий тексте потенциально присутствуют аргументы, которые, условно говоря, могли лить воду и на мельницу единства, и на мельницу раскола. Здесь важна готовность аудиторий акцентироваться на чем-то одном. Вот эти сдвиги единичного и массового интереса, или акцентирования, должны, по мнению ученого, стать в ближайшей перспективе объектом изучения историков Британии XVII в. [63].

После демонстративного отказа ревизионистов от теории вновь начинает возрождаться стремление к теоретическому осмыслению прошлого [64]. Привлекает своими построениями работа Джека Голдстоуна «Революция и восстание в начале Нового времени» (1991) [65]. В ней автор предлагает свою типологию социальных и политических причин революций вообще. Но Английской революции в монографии посвящено центральное место, и во многом его схема опирается именно на английский материал. Дж. Голдстоун полагает, что основной причиной всех революций являлся непропорционально быстрый рост населения. Демографический бум оборачивался для государства и общества, во-первых, инфляцией, ростом цен и увеличением государственных расходов, которые власть пыталась компенсировать различными налогами и поборами. В результате избежать банкротства все равно не удавалось, а сотрудничество между элитой и властью оказывалось существенно подорванным. Во-вторых, очень скоро следствием роста популяции становились внутриэлитные конфликты. Значительной части элиты не удавалось поддерживать доходы на уровне прошлых десятилетий, и одновременно возникали, поднимались и богатели новые элитные группировки. Растущая внутриэлитная фракционность во время революции выливалась в вооруженную борьбу за власть. В-третьих, в результате демографического роста драматически падали реальные доходы тех групп населения, которые находились ниже элиты. Эти группы оказывались готовы к разным формам социального и народного протеста в виде голодных бунтов, захвата земель, нападений на лендлордов и т. п.

В Англии XVII в. Дж. Голдстоун находит массу доказательств своей теории. Он пишет, что более чем двукратный рост населения, начиная с 1500 г., почти трехкратное увеличение численности джентри создавали напряженность. Недостаточное число вертикальных социальных лифтов для младших сыновей джентри превращало многих из них в «маргинальную элиту». Тяжелая ситуация в экономике привела к тому, что депутаты Долгого парламента всегда имели под рукой массу недовольных подмастерьев и ремесленников, которых в любой момент можно было призвать и подтолкнуть к волнениям.

Нора Карлин в последние годы настойчиво указывает, что Английская революция имела экономические и социальные причины, которые лежали в основе ее драматических политических событий [66]. Через тридцать лет после издания работы Лоренса Стоуна о причинах революции она пытается определить взаимосвязи между долгодействующими сдвигами в экономике и социальной сфере, более заметными и быстрыми политическими изменениями и «спусковыми крючками» гражданской войны. По ее мнению, такие взаимосвязи могут возникнуть только в виде теории, которая одна способна «заделать брешь между историей общества и историей государства».

Поскольку социальная проблематика реабилитируется и возвращается в исследования по предреволюционной и революционной Англии, дадим краткую характеристику книге Кэйта Райтсона, вероятно, лучшей на сегодняшний день работе по экономической и социальной истории Британии в раннее Новое время. Он называет период с середины XV в. по середину XVIII в. временем «транзита», или «трансформации», от экономики в основном аграрной и локальной, которая оставалась либо натуральной, либо ориентированной только на региональный рынок, к экономике интегрированной в рамках всего острова, имеющей высокий уровень коммерциализации, осуществляющей самые большие в мире экспортно-импортные операции. Этот процесс был начат демографическим ростом и повышением спроса на продукцию сельского хозяйства и привел к изменениям не только экономики, но и социальных отношений, системы жизненных ориентиров и ценностных установок. Под воздействием рыночных отношений наблюдались «коррозия» патриархальных связей, распад традиционных общностей в деревне и городе и поляризация населения. Одни категории — джентри, предприимчивые крестьяне, верхи купеческих гильдий и ремесленных корпораций, юристы — получили новые возможности и богатели, тогда как основная масса держателей утрачивала землю, теряла былой статус и все больше жила продажей рабочей силы. Описывая ситуацию в эпоху правления Тюдоров и ранних Стюартов, К. Райтсон отмечает, что в сознании укоренялись важность собственности, что практически выражалось в виде появления оград на полях («огораживание»), ориентация на личный успех, ощущение перемен, нестабильности и конфликтности. Эти процессы охватывали весь остров, хотя в Шотландии они шли с некоторым запозданием [67]. Много о «транзите» традиционной экономики в сторону коммерциализации и капитализма пишет Дж. А. Шарп, акцентируя на трагических последствиях гражданской войны для ирландских католиков-землевладельцев, у которых в массовом порядке земельные владения подверглись насильственному изъятию [68].

Таким образом, история предреволюционной и революционной Британии в работах современных авторов выглядит все более сложной, комплексной и композиционной. Очень часто подчеркивается то, с каким трудом каждый раз приходится находить баланс между описательным понятийным аппаратом и исторической фактурой. Большое число речевых инструментов превращает историю в схему, громадьё фактов — в подобие анналов. От десятилетия к десятилетию диверсификация сюжетов возрастает. Сегодня на Западе, видимо, уже невозможно выпустить обобщающую работу об Англии XVII в., в которой не учитываются британский контекст [69] и стремление предреволюционных и постреволюционных монархов обеспечить взаимную интеграцию (универсализацию) трех королевств [70], не затрагиваются демографические, экономические и социальные сюжеты, история двора и его специфической атмосферы [71], органы центрального и местного управления [72], локализм, церковь и религиозная ситуация, ценностные и ментальные установки населения [73], становление социопрофессиональных групп [74].

Именно с учетом последних достижений на этих направлениях написаны книги Марка Кишлэнски и Остина Вулрича [75]. 800-страничная работа О. Вулрича самая подробная из тех, которые выходили, наверное, со времен С. Гаррингтона. Однако, сочиняя обширный нарратив, автор почти полностью сосредоточился на роли отдельных персоналий и политических групп в революции, сознательно лишь вскользь касаясь других факторов.

Историков постоянно привлекает фигура главного героя революции — Оливера Кромвеля. В Британии в 1999 г. отмечали 400 лет со дня его рождения, а в 2008 г. — 350 лет со дня смерти. В преддверии этих юбилеев и между ними прошло немало конференций и было издано несколько десятков книг. В результате оказались значительно пересмотрены старые трактовки, которые рисовали Кромвеля то лицемерным честолюбцем, умело использующим религиозную риторику для захвата власти, то предвестником либерализма, героически сражающимся за интересы народа и его политическую и религиозную свободу, то создателем реакционного диктаторского режима, предающим идеалы свободы, приверженность которым сохраняли его бывшие соратники — индепенденты, левеллеры и диссентеры [76]. Сегодня историки перестали трактовать созданный Кромвелем режим как отказ от идеалов революции и движение в сторону политической реакции и социального консерватизма. Кромвеля чаще всего рисуют искренним религиозным прозелитом, уверовавшим в провиденциальную миссию преобразовать жизнь людей в соответствии с божественным замыслом [77]. Такова была центральная установка сознания генерала, которой он никогда не

изменял. Всем остальным не возбранялось пренебрегать. Считая себя инструментом Господа, он был готов страдать сам и заставлять страдать других. Вот почему при необходимости Кромвель не считался с законами и привычными процедурами. Благодаря провиденциализму, который подкреплялся военными победами, он легко менял идеологемы и расставался с недавними приверженцами и союзниками.

Современное состояние англо-американской историографии Английской революции лучше всего изложено в книге Рональда Хаттона. Она полна иронии и самоиронии. Автор, начинавший академическую карьеру в 1970-х гг., описывает направления академических поисков и накал ученых дебатов через призму научной судьбы своего поколения. Развитие исторических исследований стимулировалось вызовом ревизионистов, которые вскрыли новые, неизведанные исследовательские сферы и поля. Одна из главных заслуг ревизионизма, по его словам, состоит в популяризации истории. Историки с их легкой руки стали активно принимать участие в написании не только академических работ, но и статей в газетах и глянцевых журналах, а также в создании фильмов и телевизионных передач [78].

Предреволюционная и революционная Англия давно привлекает отечественных историков. Известно, что многие представители русской либеральной интеллигенции XIX — начала XX в. были не то чтобы «англицкого клуба верные сыны до гроба», т. е. англофилами, но людьми, которым нравились конституционное устройство и политические порядки Британии и которые противопоставляли их российскому самодержавию. Они считали опыт Британии поучительным и продуктивным для России, поскольку там уровень политической свободы и степень соучастия граждан в управлении росли постепенно. В истории Британии и Английской революции они надеялись найти рецепт, который мог бы помочь России модернизировать свою общественную жизнь и политическое устройство без больших потрясений. Дореволюционные отечественные историки М. М. Ковалевский, Н. И. Кареев, А. Н. Савин, Е. Н. Щепкин, А. С. Яценко [79] в той или иной мере отдавали дань социальному и экономическому детерминизму, объясняя причины, ход и последствия революции. Они видели в ней борьбу сторонников абсолютизма с представителями более передовых и экономически развитых классов и слоев. Свою роль в революции сыграли народные массы, выдвинувшие собственные лозунги «общественного переустройства». В итоге, указывал Н. И. Кареев, «упрочилось господство в Англии тех общественных классов — землевладельческого в графствах и торгово-промышленного в городах, — которые были представлены в парламенте» [80]. Вместе с тем отмечалось, что идеология оппозиции

была устремлена не столько вперед, сколько назад. Оппоненты Стюартов, создавая конституционную монархию, апеллировали к старинным правым принципам, Библии и устройству религиозных общин первых веков христианства. В трактовке радикальных кругов революции эти идеи причудливо трансформировались в демократию, т. е. представления о народе как об источнике государственной власти. В ходе революции политические силы выражали интересы различных социальных слоев, постоянно дробились и размежевывались.

А. Н. Савин, с цитаты из которого началось это повествование, долго изучал аграрную историю Англии XVI—XVII вв., отмечая сокращение крестьянских держаний при одновременном росте дворянского землевладения [81]. Обращаясь к Английской революции, он полагал, что невозможно дать ей «правильную» трактовку, не уяснив «социальную почву всего революционного движения», поскольку лидеры и идеологи революции формулировали «мнения и потребности больших и влиятельных групп населения». Он считал, что Английская революция была классовой борьбой, в ходе которой дворянство и пэрство раскололись. Подавляющая их часть осталась на стороне абсолютизма, другая вместе с горожанами и «простонародьем» встала на сторону парламента. Вместе с тем А. Н. Савин предлагал исследователям не впадать в упрощения и не вульгаризировать исторический процесс [82]. Сам он давал характеристики разным сторонам общественной жизни, не забывая про Ирландию и Шотландию. Описание хозяйственной жизни широких слоев соседствует у него с повествованием о жизни отдельных семей, рассмотрение религиозных и политических верований сменяется картинками парламентских дебатов и военных столкновений. Он готов был насытить свои лекции еще большим материалом и искренне сожалел, что исследователи пока не описали в достаточной мере «жизнь простого трудового человека», «лавку скупщика» и «просторный сарай», которые он мог бы тоже представить аудитории [83].

Кроме генерализирующих книг, претендующих на концептуальность, дореволюционная наука оставила исследовательские работы высочайшего качества по отдельным сюжетам. Здесь выделяется монография К. А. Кузнецова о палате общин при Тюдорах и Стюартах. Она вся была результатом архивных разысканий автора, произведенных в Англии. Русский ученый начал осуществлять то, что в это же время по другую сторону океана еще только призывал делать У. Нотстейн. В теоретическом плане позиция К. А. Кузнецова была близка вигской историографии Англии. Он приходил к выводу, что после Реформации палата общин обрела все большее влияние и ее депутаты противостояли королевскому произволу [84]. К. А. Кузнецов был известен также своими иссле-

дованиями в области общественной мысли предреволюционного и революционного времени [85].

Религиозные разногласия и религиозная политика короны нашли отражение в фундаментальном исследовании А. А. Потехина [86]. Ученый отмечал, что королевская власть стремилась ограничить деятельность пуритан и установить единообразие в стране. А. Ф. Фортунатов оставил содержательное исследование о деятельности одного из лидеров индипендентов и оппонента Оливера Кромвеля Генри Вена [87].

После Октября 1917 г. проблематикой Английской революции занимались в Москве (РАНИОН) А. Н. Савин (ум. в 1923 г.), В. М. Лавровский, И. Л. Попов-Ленский, В. Ф. Семенов, В. А. Стальный, в Ленинграде — А. Е. Кудрявцев и в Горьком — С. И. Архангельский. В соответствии с тогдашними приоритетами историки сосредоточились на двух сюжетах — аграрных отношениях в предреволюционную и революционную эпохи с упором на крестьянское землепользование (В. М. Лавровский, И. Л. Попов-Ленский, С. И. Архангельский) [88] и взглядах и деятельности лидеров маргинальных и радикальных групп в революции (В. А. Стальный, В. Ф. Семенов, И. Л. Попов-Ленский) [89]. Единственным обобщающим изданием в довоенное время по Английской революции стала работа А. Е. Кудрявцева, в которой автор полагал, что революция была осуществлена в интересах «торгового капитала» [90].

В довоенную эпоху окончательно в советской исторической науке утвердилось положение о том, что Новая история должна начинаться с Английской революции, которая якобы сделала утверждение капитализма и буржуазных отношений в Европе и мире необратимым.

Победивший в Советском Союзе марксизм побуждал историков концентрировать внимание на экономических, хозяйственных и социальных аспектах истории. В середине XX в. в советской исторической науке была сформулирована чеканная формула, согласно которой Английская революция является революцией «буржуазной». Ее совершила «буржуазия в союзе с новым дворянством». Классы-союзники, как их стали называть, восстали против абсолютизма, ведя за собой народные массы. Народ не был самостоятельной силой в революции. Классы-союзники использовали его в своих целях [91]. Идеологией поднявшихся на борьбу классов-союзников стал последовательный кальвинизм пуритан. В результате дворянство получило землю в частную собственность, но крестьянству этого сделать не удалось [92]. После победы Славной революции 1688 г. монархия была уже не феодально-абсолютистской, а буржуазной. Эта формула в обязательном порядке содержалась во всех работах по английской истории XVI—XVII вв. вне зависимости от поднимаемых в них про-

блем [93] и просуществовала до середины 1990-х гг. [94]. Конечно, социально-экономический подход доминировал, как мы видели, и до революции, но он не исключал другие, не заставлял под любое слово или движение исторических персонажей подводить социально-экономическое обоснование. В случившемся повинны навязанный сверху изоляционизм, а также замешанные на страхе установки. Советские историки обладали собственной методологической и идеологической идентичностью и дорожили ею.

Вместе с тем в 1960 — 1980-е гг. умножилась номенклатура изучаемых тем и сюжетов. Помимо экономики и социальных отношений [95] стали вновь писать о пуританизме, англо-шотландских отношениях, экономической и политической мысли, парламенте, вписывать революцию в европейский контекст [96]. Было издано первое монографическое исследование об английской историографии революции преимущественно послевоенного времени [97].

В 1990 — 2000-х гг. отечественная историческая наука успешно преодолела былой изоляционизм. Новая генерация отечественных историков-англоведов быстро усвоила новые исследовательские практики и инструменты. Ученые обрели возможность подолгу работать в западных архивах и библиотеках, стажироваться в известных исследовательских центрах, контактировать и консультироваться со своими зарубежными коллегами. Однако сама революционная тематика оказалась на периферии исследовательского интереса. Приоритет был отдан предреволюционной Англии. В результате появились исследования, показывающие те стороны предреволюционной Англии, которые вообще не были известны отечественному читателю. О. В. Дмитриева представила целый ряд работ о елизаветинском дворянстве, тюдоровском дворе, английской культуре XVI в., парламентских, административных и бытовых практиках джентри [98]. В отличие от предшественников, выделявших общественные и социальные противоречия, она, отмечая новшества, повествует об институтах, традициях и практиках, которые связывали воедино елизаветинскую Англию [99].

С. Е. Федоров выпустил обширное исследование по раннестюартовской аристократии, в котором постарался просчитать динамику возвышения знати в Англии, Ирландии и Шотландии, а также определить степень напряженности между «знатью династии» (стюартовскими выдвигенцами) и «додинастической знатью» (креатурами Тюдоров). Он считает все предреволюционное общество «этакратическим», т. е. ориентированным на соприкосновение с государем как символом власти и источником успеха. Он называет это «сферой политического». Здесь же С. Е. Федоров отмечает важность социального фактора и сдвигов «в политическом классе» при объяснении последующей революции [100].

Политическая мысль и общественная активность английских католиков были описаны А. Ю. Серegiной [101]. Исторические и правовые воззрения и деятельность представителей антикварного сообщества (любителей национальной старины) нашли отражение в работах А. А. Паламарчук [102]. Автору этих строк принадлежат две работы о юристах общего права в предреволюционной Англии, в которых проводится мысль о том, что юристы были весьма влиятельным профессиональным сообществом и что в спорах с монархией к праву апеллировали не реже, чем к религии [103]. Важное социальное исследование было выпущено М. В. Винокуровой, которая показала, как сложно и небыстро развивался «аграрный капитализм» в Юго-Западных и Северо-Западных регионах Англии [104]. Современное состояние зарубежной историографии истории Англии XVII в. изложено в исследованиях Л. П. Репиной [105].

Теперь, подводя итог, можно подчеркнуть, что в современных работах не принято выделять какой-либо один аспект революции (гражданской войны) и объявлять его главным, определяющим ход событий, поведение и поступки людей. Она давно уже перестала казаться закономерной, но и случайной, на наш взгляд, ее назвать нельзя. Мы увидим далее, что в 1640 г. люди пришли в возбуждение в общем-то из-за долго копившегося чувства ущемленности и недовольства. Причины этого недовольства были самыми разными. Нам представляется, что при объяснении и освещении революции необходимо выделять демографию, социальный и экономический аспекты, религиозное и политическое напряжение, проблему «трех королевств», локализм, двор и центральные органы управления, базовые ценностные установки. Эти сюжеты будут нам ориентирами на пути. Двинемся по нему.

Библиография

1. *Савин А. Н.* Лекции по истории Английской революции. — Л., 1924. — С. 1.
2. *Clarendon H.* The History of the Rebellion and Civil Wars in England, begun in the year 1641. — Oxford, 1888. — Vol. I—VI.
3. *Harrington J.* The Commonwealth of Oceana. — London, 1656.
4. *Hume D.* The History of England from the Invasion of Julius Ceasar to the revolution in 1688. — London, 1786. — Vol. I—VIII.
5. *Macaulay Th.* The History of England from the Accession of James the Second. — London, 1848—1861. — Vol. I—V.
6. Цит. по: *Tomlinson H.* The Causes of War: A Historiography Survey// Before the English Civil War. Essays on Early English Politics and Government / ed. by H. Tomlinson. — London, 1983. — P. 10.
7. *Gardiner S. R.* History of England from the Accession of James I to the Outbreak of the Civil War, 1603—1642. — London, 1894—1896. — Vol. I—X; *Idem.* History of the Great Civil War, 1642—1649. — London, 1886—1891. — Vol. I—IV; *Idem.* History of the Commonwealth and Protectorate, 1649—1656. — London, 1903. — Vol. I—IV; *Гардинер С. Р.* Пуритане и Стюарты (1603—1660). — СПб., 1896.

8. *Firth C. H.* The Last Years of the Protectorate, 1656 — 1658. — London, 1909. — Vol. I — II.

9. *Davies G.* The Early Stuarts. 1603 — 1660. — Oxford, 1937.

10. *Trevelyan G. H.* England under the Stuarts. — London, 1937.

11. *McIlwain C. H.* The High Court of Parliament and Its Supremacy. An Historical Essay on the Boundaries between Legislation and Adjudication in England. — New Haven: Yale University Press, 1910.

12. *Notestein W., Usher R.* The Stuart period: unsolved problems // Annual Reports of the American Historical Association for the year 1916. — Washington, 1919. — P. 389 — 409; Commons Debates for 1629 / ed. by W. Notestein, F. H. Relf. — Minneapolis, 1921; Commons Debates, 1621 / ed. by W. Notestein, F. H. Relf., H. Simpson. — New Haven, 1635. — Vol. I — VII. См. также исследования У. Нотстейна, из которых видно, что он остался приверженцем либерального взгляда на Английскую революцию. *Notestein* The Winning of the Initiative by the House of Commons // Proceedings of the British Academy. — 1924. — Vol. 11. — P. 125 — 176; *Idem.* The House of Commons, 1604 — 1610. — New Haven, 1971.

13. Кратко излагая постулаты марксизма, которые когда-то в больших объемах пришлось постигать на занятиях по истории КПСС, историческому материализму и научному коммунизму, я не имею в виду какую-то конкретную работу. Тем, у кого возникнет к этому интерес, можно порекомендовать начать знакомство с марксизмом по «Манифесту коммунистической партии» или работе Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» или с 24-й главы «Капитала» Маркса.

14. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. — М., 1990. — С. 44 — 344.

15. *Хилл К.* Английская революция. — М., 1947. — С. 13 — 113.

16. *Tawney R. H.* The Agrarian Problems in the Sixteenth Century. — London, 1912; *Idem.* Religion and the Rise of Capitalism. — Murray, 1926.

17. *Tawney R. H.* The Rise of the Gentry. 1558 — 1640 // Economic History Review. — 2nd ser. — 1941. — Vol. XI. — P. 45 — 83.

18. *Stone L.* The Anatomy of Elizabethan Aristocracy // Economic History Review. — 1948. — Vol. 18. — № 1 — 2; *Idem.* The Crises of the Aristocracy, 1558 — 1641. — Oxford, 1965.

19. *Trevor-Roper H.* The Gentry, 1540 — 1640 // Economic History Review. Supplement. — London, 1953.

20. *Keeler M. F.* The Long Parliament, 1640 — 1640: A Biographical Study of Its members. — Philadelphia, The American Philosophical Society, 1954; *Brunton D. and Pennington D. H.* Members of the Long Parliament. — Cambridge, 1954.

21. *Zagorin P.* The Court and the Country. The Beginning of the English Revolution. — New York, 1970.

22. *Aylmer G. E.* The King's servants: the civil service of Charles I, 1625 — 1642. — New York, 1961.

23. *Hill C.* The Century of Revolution, 1603 — 1714. — Edinburgh, 1962.

24. См., например: *Hill C.* The Intellectual Origins of the English Revolution. — Oxford, 1965; *Idem.* The World Turned Upset Down: Radical Ideas during the English Revolution. — New York, 1972.

25. *Hill C.* From Reformation to Industrial Revolution. A Social and Economic History of Britain, 1590 — 1780. — London, 1968; *Manning B.* The English People and the English Revolution. — London, 1976.

26. *Manning B.* Aristocrats, Plebeians and Revolution in England 1640 — 1660. — London, 1996; *Idem.* The Far Left in the English Revolution. — London, 1999; *Idem.* Revolution and Counter-Revolution in England, Ireland, and Scotland, 1658 — 1660. — London, 2003.

27. *Underdown D.* *Revel, Riot and rebellion: Popular Politics and Culture in England, 1603 — 1660.* — Oxford, 1985.

28. Самым заметным явлением либеральной историографии после Второй мировой войны стало издание в 1949 г. монографии Маргарет Джадсон «Кризис конституции, 1603 — 1645», которая трактовала революцию как конфликт между королем и народом, вспыхнувший из-за недостаточных правовых гарантий собственности и свобод подданных в условиях проявления королевского произвола. См.: *Judson M.* *The Crises of the Constitution.* — New Brunswick, 1949.

29. *Hexter J. H.* *Storm over the Gentry. The Tawney — Trevor-Roper Controversy // Encounter.* — May 1958. — №5; *Idem.* *Reappraisals in History.* — London, 1961; *Idem.* *Power Struggle, Parliament and Liberty in Early Stuart England // Journal Modern History.* — 1978. — №50.

30. *Suffolk and the Great Rebellion 1640 — 1660 / ed. by A. Everitt; Suffolk Records Society, 1960; Everitt A.* *The Community of Kent and the Great Rebellion, 1600 — 1660.* — Leicester, 1966; *Idem.* *The Local Community and the Great Rebellion.* — London, 1969.

31. *Broxap E.* *The Great Civil War in Lancashire.* — Manchester, 1910; *Wood A. C.* *Nottinghamshire in the Civil War.* — Oxford, 1937.

32. *Underdown D.* *Somerset in the Civil War and Interregnum.* — Newton Abbot, 1973; *Morrill J. S.* *Cheshire 1630 — 1660: County Government and Society during the “English Revolution.”* — Oxford, 1974; *Fletcher A.* *A County Community in Peace and War: Sussex 1600 — 1660.* — London, 1975; *Holmes C.* *Seventeenth-century Lincolnshire.* — Lincoln, 1980.

33. *Morrill J.* *Revolt of the Provinces: Conservatives and Radicals in the English Civil War: 1630 — 1650.* — London, 1976.

34. *Pockok J. G. A.* *The Ancient Constitution and the Feudal Law. A Study of English Historical Thought in the seventeenth century.* — Cambridge, 1957; *Idem.* *The Ancient Constitution and the Feudal Law. A Reissue with a Retrospect.* — Cambridge, 1987. Из современных авторов, развивающих и корректирующих построения Дж. Покока, можно порекомендовать работы Д. Вульф, Г. Берджиса, Дж. Гринберг, П. Кристиансона. См.: *Wolf D. R.* *The Idea of History in Early Stuart England: Erudition, Ideology, and “The Light of Truth” from the Accession of James I to the Civil War.* — Toronto, 1990; *Burgess G.* *The Politics of the Ancient Constitution. An Introduction to the Political Thought, 1603 — 1642.* — London, 1992; *Idem.* *Absolute Monarchy and the Stuart Constitution.* — New Haven, 1996; *Greenberg J.* *The Radical face of the Ancient Constitution. St Edwards “Laws” in Early Modern Political Thought.* — Cambridge, 2001; *Christianson P.* *Discourse on History, Law, and Governance in the Public Career of John Selden, 1610 — 1635.* — Toronto, 1996.

35. *Stone L.* *The Causes of the English Revolution, 1592 — 1642.* — London, 1972.

36. *Russell C.* *The Crises of Parliaments. English History 1509 — 1660.* — Oxford, 1971.

37. *Elton G. R.* *A High Road to the Civil War? // From the Renaissance to the Counter-Reformation: Essays in Honor of Garrett Mattingly / ed. by Ch. H. Carter.* — London, 1965; *Idem.* *The Unexplained Revolution // Studies in Tudor and Stuart Politics and Government.* — Cambridge, 1974. — Vol. 2.

38. *Russell C.* *Introduction // The Origins of the English Civil War / ed. by C. Russell.* — London, 1973.

39. *Russell C.* *Parliamentary History in Perspective, 1604 — 1629 // History.* — 1976. — Vol. 61. — №201. — P. 1 — 27. Статья дала старт острой дискуссии между сторонниками и противниками К. Рассела. См.: *Journal of Modern History.* — 1977. — Vol. 49. — №4; *Ibid.* — 1978. — Vol. 50. — №1; *Faction and Parliaments: Essays on Early Stuart History / ed. by K. Sharpe.* — Oxford, 1978; *Past and Present.* — 1981. — №92; *Ibid.* — 1982. — №98; *Parliamentary History.* — 1987. — Vol. 6. — №2.

40. *Russell C.* Parliamentary History in Perspective, 1604 — 1629. — P. 1 — 2.

41. *Ibid.* — P. 3.

42. См., прежде всего, монографию самого К. Рассела. *Russell C.* Parliaments and English Politics, 1621 — 1629. — Oxford, 1979; *Foster E. R.* The House of Lords, 1603 — 1649: Structure, Procedure, and the Nature of Its Business. — London, 1983; *Graves M.* Elizabethan Parliaments, 1559 — 1601. — New York, 1987; *Loach J.* Parliament under the Tudors. — Oxford, 1991; *Dean D.* Law-making and Society in Late Elizabethan England. The Parliament of England, 1584 — 1601. — Cambridge, 1996.

Отчасти эта задача облегчалась издательской деятельностью учрежденного в Йельском университете в 1966 г. Центра парламентской истории. За 40-летнюю историю своего существования Центр издал, прокомментировал и снабдил указателями несколько десятков томов парламентских материалов и дебатов. За свою подвижническую деятельность последний директор Центра Мая Дженсон была награждена английским правительством специальным орденом. Надо сказать, что тренды последних десятилетий в историографии революционной Англии берут старт на семинарах и конференциях, проводимых в специально для этого учрежденных центрах. Кроме уже упомянутого Центра парламентской истории можно назвать также Институт исторических исследований при Лондонском университете, Шекспировскую библиотеку в Вашингтоне, где был учрежден специальный Институт британской политической мысли.

43. Вывод, затем нашедший подтверждение в работах Дж. Гренфелдера и М. Кишлэнски, см.: *Gruenfelder J. R.* Influence in Early Stuart Election, 1604 — 1640. — Columbus, 1981; *Kishlansky M. A.* Parliamentary Selection: Social and Political Choice in Early Modern England. — Cambridge, 1986. — P. 3 — 101.

44. *Sharpe K.* Sir Robert Cotton, 1586 — 1631: History and Politics in Early Modern England. — Oxford, 1979; *Idem.* Politics and Ideas in Early Stuart England: Essays and Studies. — London, 1989; *Idem.* The Personal Rule of Charles I. — New Haven, 1992.

45. *Hill C.* The World Turned Upside Down. Radical ideas during the English Revolution. — New York, 1972.

46. *Collinson P.* The Elizabethan Puritan Movement. — London, 1966.

47. *Collinson P.* The Religion of Protestants: the Church in English Society, 1559 — 1625. — Oxford, 1982; *Tyacke N. R. N.* Puritanism, Arminianism and Counter-Revolution // The Origins of the English Civil War / ed. by C. Russell. — London, 1973. — P. 119 — 143.

48. *Tyacke N. R. N.* Anti-Calvinists: The Rise of English Arminianism, c. 1590 — 1640. — Oxford, 1987; *Idem.* The Fortunes of English Puritanism 1630 — 1640. — London, 1990; *Idem.* Aspects of English Protestantism c. 1530 — 1700. — Manchester, 2002; *Tyacke N. R. N., Fincham K.* Altars Restored: The Changing Face of English Religious Worship, c. 1547 — 1700. — Oxford, 2008.

49. *Sharp K.* Personal Rule of Charles I. — P. 286 — 290; *White P.* Predestination, Policy and Polemic. — Cambridge, 1992.

50. *Lake P.* Anti-Popery: Structure of a Prejudice // Conflict in Early Stuart England. — London, 1989. — P. 72 — 106; *Lake P.* with *Questier M.* The Antichrist's Lewd Hat: Protestants, Papists and Players in Post-Reformation England. — New Haven, 2002; *Milton A.* Catholic and Reformed: The Roman and Protestant Church in English Protestant Thought, 1600 — 1640. — Cambridge, 1995; *McCafferty J.* The Churches and Peoples of the Three Kingdoms, 1603 — 1641 // The Seventeenth Century / ed. by J. Wormald. — Oxford, 2008. — P. 51 — 80.

51. *Haigh C.* English Reformations: Religion, Politics and Society under the Tudors. — Oxford, 1993; *Morrill J.* The Church in England // Reactions to the English Civil War / ed. by J. Morrill. — Basingstocke, 1982; *Idem.* The Religious Context of the English Civil War // Transactions of Royal Historical Society. 5th ser. 1983. — Vol. 34. —

- Р. 155 — 178; *Idem.* The Nature of the English Revolution, 1994: *Maltby J. D.* Prayer Book and People in Elizabethan and Early Stuart England. — Cambridge, 1998.
52. *Stone L.* The Revival of Narrative: Reflections on a New Old History // Past and Present. — 1979. — №85; *Hill C.* Parliament and People in Seventeenth-Century England // Past and Present. — 1981. — №92.
53. См. два, назовем так, манифестирующих предисловия, написанных Энн Хьюз и Ричардом Кастом: *Cust R. and A. Hughes.* Introduction: after Revisionism // Conflict in Early Stuart England / ed. by R. Cust and A. Hughes. — London, 1989. — P. 1—47; предисловие ко второму сборнику не подписано, но, поскольку его главными редакторами были уже упомянутые Э. Хьюз и Р. Каст, всякие сомнения в авторстве отпадают сами собой. См.: Introduction // The English Civil War / ed. by R. Cust and A. Hughes. — London, 1997. См. также: *Lake P.* Retrospective: Wentworth's political word in Revisionist and Post-revisionist perspective // The Political World of Thomas Wentworth, earl of Strafford / ed. by J. F. Merritt. — Cambridge, 1996. — P. 252—283.
54. *Sommerville J. P.* Absolutism and Royalism // The Cambridge History of Political Thought, 1450—1700. — Cambridge, 1991. — P. 347—373; *Idem.* Royalists and Patriots. Politics and Ideology in England 1603—1640. — London, 1999; *Idem.* King James VI and I and John Selden: Two Voices on History and the Constitution // Royal Subjects: essays on the writings of James VI and I / ed. by D. Fischlin. — Detroit, 2002. — P. 190—232.
55. Introduction // The English Civil War / ed. by R. Cust and A. Hughes. — P. 22—23.
56. *Cogswell T.* A low road to extinction? Supply and redress of grievances in the parliaments of the 1620 // The Historical Journal. — 1990. — Vol. 33. — №2. — P. 283—303; *Idem.* Home Divisions: Aristocracy, the State, and Provincial Conflict. — Stanford, 1998.
57. *Holmes C.* The county community in early Stuart historiography // The Journal of British Studies. — 1980. — Vol. 19. — №2. — P. 54—73; *Cust R. and Hughes A.* Introduction: after Revisionism // Conflict in Early Stuart England. — P. 1—47; Introduction // The English Civil War / ed. by R. Cust and A. Hughes. — P. 14—16; *Cust R.* News and Politics in early seventeenth-century England // Past and Present. — 1986. — №112. — P. 60—90; *Idem.* The Forced Loan and English Politics, 1621—1628. — Oxford, 1987; *Idem.* Charles I — A Political Life. — London, 2005; *Hughes A.* Politics, Society and Civil War in Warwickshire 1620—1660. — Cambridge, 1987; *Idem.* Local History and the Origins of the Civil War // Conflict in Early Stuart England. — P. 224—253; *Idem.* The Causes of the English Civil War. 2nd. ed. — New York, 1998 (первое издание вышло в 1981 г.).
58. *Hughes A.* The King, The Parliament and the Localities During the English Civil War // The Journal of British Studies. — 1980. — Vol. 24. — №2. — P. 236—263; *Idem.* The Causes of the English Civil War.
59. О необходимости вернуться к поиску долговременных факторов, объясняющих революцию, особенно настойчиво в последнее время говорит Энн Хьюз. Она же, а также Джек Голдстоун и Нора Карлин подчеркивают, что социальные и экономические трансформации оказывали огромное влияние на самоощущение англичан всю предреволюционную эпоху. См.: *Hughes A.* The Causes of the English Civil War; *Goldstone J.* Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley, 1991; *Carlin N.* The Causes of the English Civil War. — Oxford, 1998. — Ch. 1, 5, 6.
60. *Russell C.* The British Problem and the English Civil War // History. — 1987. — Vol. 72. — P. 395—415. Переиздано в: The English Civil War / ed. R. Cust and A. Hughes. — London, 1997. — P. 111—133; *Idem.* The Causes of the English Civil War: the Ford Lectures delivered in the University of Oxford, 1987—1988. — Oxford, 1990;

Idem. Unrevolutionary England, 1603—1642. — London, 1990; *Idem.* The Fall of the British monarchies, 1637—1642. — Oxford, 1991.

61. *Morrill J.* The Nature of the English Revolution, 1994; *Idem.* The causes and course of the British Civil Wars // Writing of the English Revolution / ed. by N. H. Keeble. — Cambridge, 2001. — P. 13—31; *Idem.* The Rule of saints and Solders: The wars in Religion and Ireland 1638—1660 // The Seventeenth Century / ed. by J. Wormald. — Oxford, 2008. — P. 83—115.

62. В этом нет ничего удивительного, ибо многие из постревизионистов посещали по понедельникам семинары К. Рассела в Институте исторических исследований в Лондоне. См. признания Т. Когсуэлла, Р. Каста и Р. Лейка. *Cogswell T., Cust R., Lake P.* Preface // Politics, Religion and Popularity in Early Stuart Britain. Essays in Honour of Conrad Russell / ed. by T. Cogswell, R. Cust, P. Lake. — Cambridge, 2002.

63. *Sharpe K.* Reading Revolutions. The Policies of reading in early Modern England. — New Haven, 2000. — P. 3—11.

64. Кстати, в упомянутой выше работе К. Шарпа также приветствуется возрождающийся интерес к теоретическому объяснению прошлого. Теория, говорит он, может сделать «более богатым понимание прошлого» // *Ibid.* — P. 11.

65. *Goldstone J.* Revolution and Rebellion in the Early Modern World. — Berkeley, 1991. См. также: *Goldstone J. and Useem D.* Prison Riots as Microrevolutions: An Extension of State-Centered Theories of Revolution // *American Journal of Sociology.* — 1999. — Vol. 104. — P. 985—1029.

66. *Carlin N.* The Causes of the English Civil War. — Oxford, 1998.

67. *Wrightson K.* Earthly Necessities. Economic Lives in Early Modern Britain. — New Haven, 2000.

68. *Sharpe J. A.* The Economic and Social Context // The Seventeenth Century / ed. by J. Wormald. — Oxford, 2008.

69. *MacInnes A. I. and Ohlmeyer J. H.* The Stuart Kingdoms in the Seventeenth Century: awkward neighbors. — Dublin, 2002; *Stoye M.* Soldiers and Strangers: An Ethnic History of the English Civil War. — New Haven, 2005.

70. См. недавно вышедшую под редакцией Дженни Уормолд коллективную монографию «Семнадцатый век». *The Seventeenth Century* / ed. by J. Wormald. — Oxford, 2008.

71. *Peck L. L.* The Mental World of the Jacobean Court. — Cambridge, 1991; *Smuts M. R.* The Court Culture and the Origins of the Royalist Tradition in Early Stuart England. — Philadelphia, 1987; *Bellany A.* The Politics of Court Scandal in Early Modern England. News Culture and the Overbury Affairs, 1603—1660. — Cambridge, 2002.

О дворе в конце 1980-х — начале 1990-х гг. состоялась дискуссия между Дж. Элтоном и Д. Старки. См.: *Coleman C. and Starkey D.* Revolution Reassessed: Revisions in the History of Tudor Government and Administration. — Oxford, 1986; *Starkey D.* The English Court: From the Wars of the Roses to the Civil War. — London, 1987; *Elton J. A.* A new age reform? // *Historical Journal.* — 1987. — Vol. 30. — №3; *Idem.* Tudor government // *Historical Journal.* — 1988. — Vol. 31. — №2; *Starkey D.* Tudor government: the facts? // *Historical Journal.* — 1988. — Vol. 31. — №4.

72. *Edwards P.* The Making of the Modern English State, 1460—1660, *British Studies Series.* — New York, 2001.

73. *Bryson A.* From Courtesy to Civility: Changing Codes of Conduct in Early Modern England. — Oxford, 1998.

74. *Baker J. H.* The Common Law Tradition: Lawyers, Books and Law. — London, 2000; *Prest W. R.* The Rise of the Barristers. A Social History of the English Bar, 1590—1640. — Oxford, 1986; *Brooks C. W.* Lawyers, Litigation and English Society since 1450. — London, 1998; *Idem.* Pettifoggers and Vipers of the Commonwealth.

The «Lower Branch» of the Legal Profession in Early Modern England. — Cambridge, 1986.

75. *Kishlansky M.* A Monarchy Transformed. Britain, 1603—1714. — London, 1997; *Woolrych A.* Britain in Revolution, 1625—1660. — Oxford, 2002.

76. *Worden B.* The English Reputation of Oliver Cromwell // Historical Controversies and Historians / ed. by W. Lamont. — London, 1998. — P. 35—48; *Idem.* Roundhead Reputations: The English Civil Wars and the Passions of Posterity. — London, 2001; *Hutton R.* Debates in Stuart History. — Basingstoke, 2004. — Ch. 4.

77. Положение, впервые отчетливо сформулированное Блэйром Уорденом, а затем поддержанное Дж. Морриллом и др., см.: *Worden B.* Oliver Cromwell and Sin of Achan // History, Society and the Churches. — Cambridge, 1985. — P. 124—146; *Morrill J.* Cromwell, Oliver (1599—1658) // Oxford Dictionary of National Biography. — Oxford, 2004. В 2007 г. обширная статья Дж. Моррилла была переиздана в Оксфорде в серии «VIP» в виде небольшой книжицы. См.: *Morrill J.* Oliver Cromwell. — Oxford, 2007; см. также: *Coward B.* Oliver Cromwell. — Harlow, 1991; *Idem.* Cromwelian Protectorate. — Manchester, 2001; *Gaunt P.* Oliver Cromwell. — Oxford, 1996; *Davis J. C.* Oliver Cromwell. — London, 2001; *Knoppers L. L.* Constructing Cromwell: Ceremony, Portrait and Print, 1645—1661. — Oxford, 2000; Cromwell and the English Revolution / ed. by J. Morrill. — London, 1990; *Little P.* and *Smith D. L.* Parliaments and Politics during the Cromwelian Protectorate. — Cambridge, 2007; *Sherwood.* Oliver Cromwell: King in All but Name, 1653—1658. — London, 1997; The Cromwellian protectorate / ed. by P. Little. — Woodbridge, 2007; Oliver Cromwell: New Perspectives / ed. by P. Little. — Basingstoke, 2009.

78. *Hutton R.* Debates in Stuart History. — Hampshire, 2004.

79. *Ковалевский М. М.* Кавалеры и круглоголовые. (Опыт изучения их воззрений) // Северный вестник. — 1892. — №7, 8; *Он же.* От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Рост государства и его отражение в истории политических учений. — М., 1906. — Т. 2; *Он же.* История монархии и монархических доктрин. — СПб., 1912. — Вып. 1, 2; *Кареев Н.* Две английские революции XVII в. — Пг., 1924; *Савин А. Н.* Цит. соч.; *Он же.* Английский парламент при Тюдорах и двух первых Стюартах (до созыва Долгого парламента) // Книга для чтения по истории Нового времени. — М., 1911. — Т. II. — С. 1—40; *Щепкин Е.* Борьба партий при создании Английской республики // Там же. — С. 41—103; *Яценко А.* Политические теории в Англии в XVII веке // Там же. — С. 128—170.

80. *Кареев Н.* Цит. соч. — С. 6 и разделы III и XII.

81. *Савин А. Н.* Английская деревня в эпоху Тюдоров. — М., 1903; *Он же.* Английская секуляризация. — М., 1906; *Он же.* История двух маноров // Журнал Министерства народного просвещения. — 1916. — №4; *Он же.* История одного восточного манора // Сборник статей в честь М. К. Любавского. — Пг., 1917.

82. *Савин А. Н.* Лекции... — С. 198—210. Присущую А. Н. Савину широту воззрений и эрудицию идущий следом историк-марксист именовал «эkleктикой». См.: *Васютинский А.* Литература по истории буржуазной революции в Англии 1640—1688 // Исторический журнал. — 1937. — № 1.

83. Там же. — С. 43.

84. *Кузнецов К. А.* Английская палата общин при Тюдорах и Стюартах. — Одесса, 1915. О жизни и деятельности К. А. Кузнецова см. содержательный очерк А. В. Березкина: *Березкин А. В.* Историк государства и права Англии К. А. Кузнецов // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. — СПб., 2005. — С. 147—156.

85. *Кузнецов К. А.* Опыты по истории политических идей в Англии (XV—XVII вв.) // Известия Восточного института. — Владивосток, 1913. — Т. 46; *Он*

же. Идея современного общества и государства. От Реформации до Реставрации. — Одесса, 1919.

86. *Потехин А. А.* Очерки истории борьбы англиканства с пуританством при Тюдорах. — Казань, 1894.

87. *Фортунатов С. Ф.* Представитель индепендентов Генри Вэн. — М., 1875.

88. *Лавровский В. М.* Парламентские огораживания общинных земель в Англии конца XVIII — начала XIX в. — М.; Л., 1940; *Попов-Ленский И. Л.* К вопросу об огораживании общинных полей в Англии в первой половине XVII века // Ученые записки Института истории РАНИОН. — 1929. — Т. 3.; *Архангельский С. И.* Аграрное законодательство Великой Английской революции. — Ч. 1—2. — М.; Л., 1935—1940.

89. *Стальной В.* Утопия Дж. Уйнстэнли // Исторический журнал. — 1942. — № 3—4; *Попов-Ленский И. Л.* Лильберн и левеллеры. — М.; Л., 1928; *Семенов В. Ф.* Движение левеллеров // Борьба классов. — 1936. — № 1.

90. *Кудрявцев А. Е.* Великая Английская революция. — Л., 1925. См. подробнее: *Андреевская Е. А., Федоров С. Е.* Из истории ленинградского англоведения: А. Е. Кудрявцев и Г. Р. Левин // Англия XVII века. — СПб., 1994. — С. 7—17.

91. Английская буржуазная революция XVII века / под ред. Е. А. Косминского. — М., 1954. — Т. I—II; *Лавровский В. М., Барг М. А.* Английская буржуазная революция. — М., 1958.

92. Концепция двух программ («буржуазно-дворянской» и «крестьянско-плебейской») предложена была М. А. Баргом. См.: *Барг М. А.* Народные низы в Английской буржуазной революции XVII века. — М., 1967.

93. *Штокмар В. В.* Экономическая политика английского абсолютизма. — Л., 1962; *Левин Г. Р.* Демократическое движение в Английской буржуазной революции. — Л., 1973; *Сапрыкин Ю. М.* Социально-политические взгляды английского крестьянства XVI—XVII вв. — М., 1972; *Он же.* От Чосера до Шекспира. — М., 1985; *Семенов В. Ф.* Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI в. — М.; Л., 1949; *Исаенко А. В.* Пуританская Реформация в Англии XVI в. — Орджоникидзе, 1980; *Каменецкий Б. А.* Идеальная борьба в Англии в период кризиса абсолютизма (конец XVI — начало XVII в.). Политико-юридический аспект // Средние века, 1980. — Вып. 43; *Павлова Т. А.* Вторая Английская республика. — М., 1974; *Барг М. А.* Категории и методы исторической науки. — М., 1984. — Гл. IX; *Барг М. А., Черняк Е. Б.* Великие социальные революции XVII—XVIII веков. — М., 1990.

94. *Барг М. А.* Великая Английская революция в портретах ее деятелей. — М., 1991. — С. 396; *Павлова Т. А.* Народная утопия в Англии XVII века. — М., 1998. — С. 4.

95. *Винокурова М. В.* Английское крестьянство в канун буржуазной революции середины XVII в. — М., 1992.

96. См.: *Штокмар В. В.* Некоторые условия и дипломатическая подготовка объединения Англии и Шотландии в конце XVI — начале XVII в. // Англия XIV—XVII вв. Проблемы генезиса капитализма. — Горький, 1974; *Она же.* Религиозно-политические и национальные аспекты объединения Англии и Шотландии в начале XVII в. // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. — Л., 1978; *Она же.* Особенности пуританского движения конца XVI — первой трети XVII в. и начало конфликта между пуританами и абсолютной монархией // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. — Л., 1980; *Она же.* Антипуританская сатира // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. — Л., 1984; *Исаенко А. В.* Цит. соч.; *Брандт М. Ю.* Парламентские дебаты по вопросу объединения Англии и Шотландии в начале XVII в. // Средние века. — 1989. — Вып. 52; *Зверева Г. И.*

История Шотландии. — М., 1987; *Дмитриева О. В.* Экономическая политика правительства Елизаветы I и парламентская оппозиция // Общество и государство в древности и в Средние века. — М., 1984; *Магаков Г. Е.* «Умиротворение» шотландского пограничья и англо-шотландская уния 1604 г. // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков. — Л., 1986; *Питулько Г. Н.* Из истории общественной мысли Англии начала 40-х гг. XVII в. // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков. — Л., 1986; *Чудинов А. В.* Абсолютизм и меркантилизм — политика и теория (Англия. 20 — 30-е годы XVII в.) // Буржуазная общественная мысль Англии XVII — XIX вв. — М., 1989; *Адо А. А.* Индепенденты о прерогативах светской власти в религиозной сфере // Там же; *Федоров С. Е.* Пуританизм и общество в стюартовской Англии (позднее индепенденство). — СПб., 1993; *Березкин А. В.* Проблема пауперизма в английской публицистике второй половины XVI века // Идеино-политическая борьба в средневековом обществе. — М., 1984; *Демин О. Б.* Из предыстории внешней политики Англии Нового времени // Проблемы новой и новейшей истории. — М., 1979; *Поршнева Б. Ф.* Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. — М., 1970.

97. *Шарифжанов И. И.* Современная английская историография буржуазной революции XVII в. — М., 1982.

98. *Дмитриева О. В.* Английское дворянство в XVI — начале XVII в.: границы сословия // Европейское дворянство XVI — XVII веков: границы сословия. — М., 1997; *Она же.* «Новая бюрократия» при дворе Елизаветы Тюдор // Двор монарха в средневековой Европе. — М., 2001; *Она же.* «Древняя и достойнейшая процессия»: репрезентация королевской власти в парламентских церемониях второй половины XVI — начала XVII века // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. — М., 2004; *Она же.* Культура Англии в конце XV — начале XVII в. // Культура Западной Европы в эпоху Возрождения. — М., 1996; Пьянящее вино свободы. (Дело о несостоявшейся государственной измене сэра Джона Смита) // Казус. 1996. М., 1997.

99. *Дмитриева О. В.* Елизавета I. Семь портретов королевы. — М., 1998. — С. 3—4.

100. *Федоров С. Е.* Раннестюартовская аристократия (1603—1629). — СПб., 2005.

101. *Серегина А. Ю.* Политическая мысль английских католиков второй половины XVI — начала XVII в. — СПб., 2006.

102. *Паламарчук А. А.* Английская Nobilitas на рубеже XVI—XVII веков и королевская власть: особенности восприятия современников // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы. — СПб., 2001; *Паламарчук А. А., Федоров С. Е.* Рубежи антикварного сознания: история и современность в раннестюартовской Англии // «Цепь времен». Проблемы исторического сознания. — М., 2005.

103. *Кондратьев С. В.* Юристы в предреволюционной Англии. — Шадринск, 1993; *Он же.* Идея права в предреволюционной Англии. — Тюмень, 1996.

104. *Винокурова М. В.* Мир английского манора. — М., 2004.

105. *Репина Л. П.* Английская революция середины XVII века // Согрин В. В., Зверева Г. И., Репина Л. П. Современная историография Великобритании. — М., 1991. — С. 108—156; *Она же.* «Новая историческая наука» и социальная история. — М., 1998.

РАЗДЕЛ I

ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННАЯ БРИТАНИЯ

Глава 1. ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК

Географические, культурные, социальные и экономические особенности Шотландии, Ирландии и Англии

В 1603 г., отходя в мир иной, королева Елизавета Тюдор (прав. 1558 — 1603), поставившая Англию вровень с другими европейскими державами, завещала корону своему ближайшему родственнику Якову VI Стюарту, королю Шотландии (1567 — 1625), сыну когда-то казненной ею Марии Стюарт (прав. 1542 — 1567). Новый монарх, который будет править в Англии под именем Якова I (1603 — 1625), стал, таким образом, держателем трех корон — Шотландии, Ирландии и Англии. Все три королевства, оказавшиеся под его скипетром, существенно отличались друг от друга — экономически, социально, культурно и конфессионально — и находились, по сути, только в начале взаимной интеграции.

В конце XVI — начале XVII в. основная часть населения Британии проживала в сельской местности и была занята в аграрном секторе. Даже в Англии, с ее достаточно высоким уровнем урбанизации, крестьяне составляли свыше 80 %. В Шотландии и Ирландии пропорция жителей деревни была еще выше. Жизнь в деревне определялась сезонными полевыми работами, а благополучие населения всецело зависело от плодородия почвы и погодных факторов.

Каждая страна имела свои географические и социальные особенности. Локальное своеобразие отдельных территорий было значительным. Географически и культурно в Шотландии выделялись две области: горная Шотландия (Highlands), к которой примыкали Гебридские острова, на северо-западе и равнинная Шотландия (Lowlands) на востоке и юге королевства. В горной Шотландии, населенной кельтами, говорили в основном на гэльском языке и сохраняли клановую организацию общества. Клан

представлял специфический организм, члены которого были связаны родственными узами, ассоциированными отношениями и признавали авторитет вождя. Клан был патерналистской и одновременно открытой общностью, постоянно инкорпорирующей в свою среду лиц, нуждающихся в покровительстве. Вождь клана давал его членам защиту и выступал арбитром в спорных ситуациях. Члены клана одновременно являлись держателями наделов, которые они возделывали. Земли, принадлежащие клану, распадалась на отдельные территории, которые контролировались знатными лицами, родственниками вождя клана, признающими его авторитет. Рядовые члены платили ренту за свои держания и несли различные повинности; кроме того, они обязаны были вступать в ополчение по призыву знати и вести войну или участвовать в мятеже под руководством вождя клана. Иностранцам и жителям равнинной Шотландии горцы рисовались людьми отсталыми, невежественными и склонными к бунту.

Равнинная Шотландия говорила на английском языке или близких к нему диалектах. Она имела довольно высокий уровень урбанизации. На равнинной части находилось большое число деревенских общин, вокруг которых простирались возделанные поля и зеленые луга. Огромными земельными владениями в Шотландии обладали потомки старых аристократических родов. Следующую ступень занимали лэрды, независимые землевладельцы, дворяне. Держателями земель были крестьянские семьи, которые ее обрабатывали и собирали урожай. Родственные связи в равнинной Шотландии существенно ослабли и утратили былое значение. Статус человека здесь в большей степени определялся богатством и положением, чем родственными отношениями. Однако узы, связывающие лордов и крестьян в равнинной Шотландии, были достаточно прочными. Они оформлялись заключением соглашения, так называемого бонда (bond), содержащего взаимные обязательства. Граница между Англией и Шотландией оставалась весьма беспокойной территорией. Горные кланы имели привычку враждовать друг с другом и делать набеги на равнинные области. Нередко шотландцы совершали рейды на английские северные графства, грабя приграничные поселения и угоняя скот.

Ирландия была страной еще более сложной и разделенной, чем Шотландия. Ее население состояло из трех культурно и этнически различных общностей. Самой большой этнической общностью были говорящие по-гэльски и живущие кланами¹ кельты. От шотландских кланов ирландские септы отличались тем, что это были родовые общности. Англичане называли автохтонных жителей

¹ В Ирландии кланы назывались «септами» (англ. Sept).

участок на ячменном и на бобовом полях и свой выпас на общем пастбище. Крестьянские наделы располагались чересполосно. Их величина на севере и востоке значительно различалась. Очевидно, на скудном плоскогорье такие наделы часто оказывались довольно значительными, и, напротив, площадь крестьянских наделов была меньшей на плодородной земле. В Англии уже формировался земельный рынок и индивидуальные наделы передавались по наследству, а также продавались, обменивались, сводились в одно поле.

Повседневная крестьянская жизнь состояла из повторяющихся рутинных сезонных операций. Но она мало походила на пастораль. Алкоголизм был достаточно массовым, домашнее насилие — повседневным, вражда и зависть — обыденными явлениями. Материалы манориальных, церковных, ассизных судов и Звездной палаты рассказывают о таких деяниях, как воровство, взлом, прелюбодеяние, клевета.

В XVI и в XVII вв. Англия сталкивалась со случаями эпидемий чумы (1563, 1625, 1665), неурожая и голода. При Стюартах плохие урожаи пришлось пережить на 1621—1623 гг., начало 1630-х и конец 1640-х гг. Но никогда эпидемии и голод не охватывали всю Англию. В отдельных провинциях случались неурожайные годы и имел место, как следствие, голод. Примитивное состояние транспорта, несмотря на обилие внутренних водных путей и гаваней, ограничивало движение продовольствия и промышленных товаров. Наличие излишков продуктов питания в одном графстве редко облегчало жизнь жителей в другом. Города делали все, чтобы гарантировать поставки продовольствия. Они заключали контракты под будущий урожай, регулировали поставки и дистрибьюцию муки, овощей, мяса и проч. Таким образом, существовавшие виды хозяйствования давали возможность населению выживать даже в периоды природных катаклизмов. Наличие общей запашки означало, что деревня могла выжить с немногочисленными дорогими быками и железными плугами. А общинный выпас повышал фертильность почвы. Платежи были умеренными. Существовавший уровень агрокультуры не может быть оценен по принципу эффективности, поскольку известные людям XVI — начала XVII в. примитивные способы консервации продукции не позволяли сохранять ее в больших объемах. Крестьяне, следовательно, имели слабую мотивацию искать пути повышения урожайности и увеличивать производство продовольствия. Основанная на взаимной зависимости, общинная кооперация сильно подрывала соперничество и конкуренцию.

Несколько иначе складывалась ситуация в Шотландии. Там голод принимал общенациональные масштабы в 1585—1587, 1594—1598, 1623 и 1649—1651 гг.

Демография и рост цен

Пожалуй, наиболее значительным фактором в XVI — начале XVII в., оказывающим воздействие на экономику и подталкивающим патриархальные социальные отношения английской деревни к трансформации, был демографический рост. Демографы полагают, что за сто лет население Англии удвоилось: с 2,3 млн человек в 1524 г. оно выросло до 4,6 млн человек к 1625 г. В 1650 г. численность населения Англии составляла 5,2 млн. Население Шотландии выросло с 700 тыс. человек в середине XVI в. до 1 млн к 1625 г. Ирландия также демонстрировала хорошую рождаемость. В 1500 г. численность населения «зеленого острова» составляла 1 млн человек, в 1600 г. — стало 1,4 млн человек, а в 1641 г. — уже 2,2 млн человек. Особенно быстро население Британии росло в XVI в. После 1590 г. рост численности населения стал замедляться, а к 1650 г. остановился.

Демографический рост породил инфляцию. В течение всего XVI века цены на продовольствие устойчиво росли, что делало сельское хозяйство высокодоходной отраслью. По сравнению с 1500 г. стоимость основных продуктов питания к 1600 г. выросла в 4 раза, а к 1650 г. — в 6 раз. Быстрее всего дорожало зерно, следом с некоторым отставанием росли цены на мясо-молочные продукты. Только стоимость текстиля и промышленных товаров повышалась медленнее. В течение XVI в. она удвоилась. Хотя такая инфляция по современным меркам кажется умеренной, но в раннее Новое время она воспринималась как настоящие бедствие, ибо деньги оборачивались медленно, а экономика еще не была способна быстро реагировать на новые вызовы. Тем не менее многие лорды, представители джентри и богатые йомены стремились реагировать на потребности рынка, запросы городов и промышленности. Этот тренд был радикальным, но пока не доминантным.

Поземельные отношения в Англии

Основные доходы в королевстве продолжали создаваться в аграрном секторе. А земля оставалась главным показателем богатства и состоятельности. И благородные, и крестьяне стремились передавать находящийся в их распоряжении земельный массив старшему наследнику, хотя достаточно часто поля выделялись и другим сыновьям. Демографический рост создавал избыточное население в английском сельском обществе. Младшие сыновья благородных, получив образование, стремились делать админи-

стративную, судебную, военную, или предпринимательскую карьеру. Лишние люди деревень превращались в перемещающихся по стране в поисках лучшей доли мигрантов. Очень часто они становились бродягами и нищими.

Известно, что вся земля в Англии принадлежала короне. Остальные землевладельцы — и знатные, и простолюдины — были держателями этой земли. Отношения между короной и лордами, лордами и крестьянами регулировались английским общим правом и обычаем. Обычай предполагал патернализм и покровительство, которых крестьяне ждали от своих лордов. Иначе говоря, в основе отношений держания лежала традиция. Более половины держателей-крестьян являлись копигольдерами. Они нередко целыми поколениями сидели на земле, принадлежащей лорду, и платили фиксированную ренту. Условия держания были оговорены в специальном контракте, экземпляр которого хранился в манориальном суде. Контракт менялся, но редко, зачастую только при вступлении держателя в права наследования. Очевидно, что при инфляции лорды несли потери. У них возникало желание изменить привычный порядок вещей, и они его меняли. Но экономическая логика вступала в противоречие с патерналистским сознанием и крестьян, и лордов, и для устранения этого противоречия потребовались века. Самое массовое традиционное держание — копигольд — окончательно исчезнет в Англии к началу XIX в., а законодательно этот факт будет зафиксирован вообще в начале XX в.

Устойчивый рост цен на продовольствие повышал доходность аграрного сектора и делал его привлекательным и прибыльным. В эту консервативную сферу постепенно проникали рыночные устремления, способствующие внедрению инноваций. В результате в оборот вводились новые земли, вчера еще казавшиеся непригодными для возделывания, — бывшие пустоши, осушенные болота и топи. Азотные удобрения — торф, навоз, известь — помогали сократить время нахождения земли под паром; затопление лугов зимой и пропитывание водой почвы способствовали появлению уже ранней весной травы, которая могла прокормить гораздо больше, чем раньше домашних животных. Становление науки о воспроизводстве животных и новые корма, например турнепса (*turnips*), позволили вывести породы скота, устойчивые к холодам и болезням. Такие новшества продвигались медленно. Их носителями был относительно небольшой круг лордов и зажиточных крестьян. Дорогие ирригационные сооружения для заводнения лугов или дренирование болот были эффективны только на больших площадях. В конечном счете нововведения позволили удвоить производство продовольствия в Англии и Шотландии между 1580 и 1640 гг.

При Тюдорах и Стюартах проявилось стремление землевладельцев объединять, а нередко и огораживать принадлежащие им земли. Лорды, богатые крестьяне, предприимчивые люди, пользуясь ситуацией неурожайных лет и другими неблагоприятными для крестьян обстоятельствами, выкупали у копигольдеров и других категорий сельского населения их держания и сводили угодья вместе. Так сокращались общинные земли. На объединенном, большом и нередко огороженном поле возделывали наиболее доходные культуры или его превращали в пастбище и разводили овец. Кроме того, можно было эту «очищенную» от прежних держателей и условностей землю сдавать в аренду, существенно увеличивать ренту и менять ее в зависимости от рыночной конъюнктуры.

Продавшие свои участки крестьяне пополняли армию безземельных сезонных работников, покидавших родные места из-за роста численности населения.

Заборы и изгороди стали появляться там, где вчера были открытые поля, и за этими изгородями индивидуальные фермеры с помощью скота и навоза улучшали почву, чтобы повысить ее фертильность. Огораживания производились в разных формах — от обмена отдельных полосок земель, чтобы в результате появилось единое поле, до насильственного вытеснения держателей. Если раньше деревню населяли более или менее однородные держатели, то в XVII в. она оказалась поляризованной. Несколько собственников теперь обладали относительно большими полями, которые в 3 раза и более превосходили участки, необходимые просто для существования и самообеспечения. Эти собственники являлись небольшой, но доминантной группой, которая нередко административно господствовала над остальными. В Страфордшире $\frac{3}{4}$ всех деревенских констеблей были выходцами из этой группы. Появление таких «больших» держателей, имеющих статус йоменов, в дальнейшем ускорило транзит от самообеспечивающего к ориентированному на рынок сельскому хозяйству. Процесс огораживаний свидетельствует о потребности (неартикулируемой, правда) значительных общественных групп превратить землю в частную собственность. Ограда была материальной манифестацией такого устремления.

Как бы ни сильны были обычай и традиция, но стоимость земли и величина рент с 1500 по 1640 г. выросли в среднем на 500 %. Те, кто купил конфискованные после Реформации угодья монастырей, сильно разбогатели. Причем это произошло не за счет улучшения управления угодьями: просто землю можно было продать по более дорогой цене, сдать в аренду для взимания более значительных платежей и за нее можно было получить более значительный залог.

Королевская власть, дорожившая социальной стабильностью, стремилась не допустить резкого сокращения численности крестьян и превращения их в бездомных, ищущих заработок и подаяние бродяг. Парламентом многократно принимались законы, ограничивающие огораживания общинных земель, запрещающие превращать пашни в пастбища и объединять фермы, предписывающие возобновлять производство зерна на тех землях, которые давно были превращены в выпасы. Во исполнение принятых законов Тюдоры и Стюарты учреждали комиссии, которые должны были проводить расследования и бороться с огораживаниями. Страх перед депопуляцией деревни и массовыми внутренними миграциями явился существенной причиной вмешательства государства в сферу аграрной экономики. Другой причиной стало опасение, что при существующих темпах огораживаний и объединения ферм страна перестанет производить требуемое для пропитания населения необходимое количество зерновых.

Однако остановить огораживания не удалось, что приводило к восстаниям и волнениям среди крестьян. В 1607 г. вспыхнул крестьянский мятеж против огораживаний в Нортгемптоншире, сразу же поддержанный крестьянами соседних графств. Мятеж был подавлен, но правительственные комиссии и Звездная палата получили предписания провести расследование причин волнений. Результатом стали ликвидация здесь значительного числа огораживаний и возврат земель в первоначальное состояние. Аналогичные шаги правительство предпринимало в середине 1620-х гг., а также в 1630-х гг., когда на востоке проходило массовое осушение топей.

Социальные отношения и социальная мобильность в Англии

Англия оставалась страной социально упорядоченной и иерархически организованной. Верхи общества составляла титулованная аристократия. Это примерно 60 пэрских семейств. Они, как правило, обладали значительными состояниями, общественным престижем и влиянием. Ниже знати шли джентри, английское дворянство, подразделяющееся на разряды. В начале XVII в. Томас Вильсон, оставивший описание Англии, выделял в зависимости от имущественного положения среди джентри три разряда: 1) рыцари, имеющие ежегодный доход 1 — 2 тыс. фунтов стерлингов, 2) эсквайры, чей доход колеблется между 500 и 1 тыс. фунтов, и 3) мелкое дворянство с доходом менее 500 фунтов. Данная типология, как любое обобщение, упускает различные сущностные

характеристики. В отличие от пэров, положение которых было определено статусом и чей вес при дворе или правительстве зависел непосредственно от благосклонности монарха, джентри было более разнородным и аморфным. Джентри как разряд включало в себя промежуточные звенья от рыцарей до мелких сквайров и было очень динамичным.

Дворяне владели землями, которые они передавали крестьянам-держателям. В Англии XVI — начала XVII в. существовала социальная мобильность и отмечено стремление состоятельных крестьян и горожан к аноблированию, т.е. облагораживанию. Разбогатевшие люди приобретали землю и меняли свой статус. Численность джентри увеличивалась более быстрыми темпами, чем численность прочих категорий населения. Богатство, влияние и престиж джентри значительно повысились. Между 1560 и 1589 гг. в Англии было аноблировано более 2000 тыс. человек, а между 1590 и 1639 гг. — еще не менее 1760. В некоторых графствах число благородных увеличилось почти в десять раз: в Шропшире в 1433 г. было 48 дворянских семей, а в 1623 г. уже 470 предъявляли герольду свидетельства своего благородства. В Йоркшире число джентльменов выросло с 557 в 1558 г. до 679 в 1642 г. Но в этот же промежуток 181 семья по мужской линии прекратила свое существование (вымерла), 64 семьи джентри покинули графство (многие — по причине разорения), данные о 30 отсутствуют (видимо, они исчезли) и 9 улучшили свой статус — стали пэрами. И в это же время около 400 семей из числа йоменов (состоятельных крестьян) пополнили ряды джентри¹. Семьи среднего достатка могли в течение одного поколения стать магнатами на уровне графства или даже пэрами, как случилось с родом Спенсеров. Другие, обладающие тем же статусом, по причине неудач или нерасчетливости могли впасть в забвение. В раннее Новое время появились профессии, которые давали возможность сделать карьеру, разбогатеть и даже приобрести землю. Это профессии юристов и торговцев. Именно в эти профессиональные сферы устремлялись младшие сыновья джентри. Известно, что столица была буквально наводнена младшими отпрысками сельской элиты, посланными искать место в судах, офисах и торговле. Причем очень часто они демонстрировали отвагу и предприимчивость, добиваясь таких успехов, которым завидовали их старшие братья.

В раннее Новое время принцип древности рода и чистоты крови постепенно отступал под давлением новых экономических реалий. Знатный господин и дворянин должны были вести определенный образ жизни, соответствующий их статусу, т.е.

¹ Этих выдвинутых, вероятно, можно именовать принятым в нашей отечественной литературе термином «новое дворянство».

благородство каждодневно нуждалось в финансовом подкреплении. Раннестюартовские дворяне тратили больше, чем раннетюдоровские. Поэтому значительная часть первых оказывалась восприимчива к инновациям, инициировала дренажные работы, объединяла земли и огораживала их.

По поводу того, что социальные разряды необходимы, в обществе существовал консенсус. Там, где есть разряды, полагали тогда, там есть порядок и стабильность. Тюдоры превратили пэров в служивую аристократию. Немногочисленных представителей потомственной знати, сохранившейся после войны Роз, — вроде 14-го графа Эрандела или 11-го графа Нортумберленда — окружала масса тех, кто носил титул герцога, графа или виконта в первом поколении. В качестве примеров достаточно упомянуть могущественное семейство Сесилей, получившее графский титул, последнего фаворита Елизаветы I Эссекса, также ставшего графом, хундородного Джорджа Вильерса, благодаря близости к Якову I удостоенного титула герцога Бэкингема, и знаменитого философа Френсиса Бэкона, закончившего свою жизнь виконтом. Весь XVII век отмеченная тенденция только развивалась, что увеличило численность титулованной аристократии примерно в 3 раза. В 1714 г. более $\frac{3}{4}$ всех английских пэров сделались таковыми при Стюартах. Рекрутинг новых пэров был неизбежен, ибо благородные семьи по мужской линии, даже при передаче титулов братьям и племянникам, очень часто прерывались. Аналогичные вещи происходили с джентри. В Ланкашире, например, в 1600 г. и 1640-х гг. было одинаковое количество дворянских семей — 774. Но только 500 из них были теми же самыми семьями, около 300 семей джентри утратили благородный статус, а более 200 семей в течение одного или двух поколений его, напротив, приобрели. В 1640 г. более 80 % дворянских семей в Дорсете и Линколншире не являлись таковыми в 1500 г. В Уорикшире за этот же полутора-вековой период обновилось более 90 % дворянских семей. Только графство Кент, где население в меньшей мере было склонно к миграциям и переменам, являлось исключением.

Упорядоченность, как одна из высших ценностей, отразилась в системе общественных представлений. В начале XVII в. продолжало господствовать еще средневековое видение космического порядка — «великой цепи бытия», которая определила каждому его место. Цепь связала всех — от Бога до неодушевленных предметов — в отстроенную иерархическую систему. Даже скамейки в деревенской церкви располагались строго в соответствии с местом, занимаемым той или иной семьей в округе. Семьи сельской элиты (каких-нибудь констеблей или их заместителей) садились напротив священника, а семьи остальных располагались у них за спиной. В повседневной жизни социальная дифференциация

отражалась в одежде, в манере поведения, позиционировании, специфических речевых конструкциях, в необходимости снимать шляпу или в праве оставаться в ней. Таков был образ жизни представителей высшего сословия и элиты. Ясно, что подобного рода церемониал нигде так хорошо не был разработан, как при дворе. Различия в поведении касались не только публичной сферы, но и личных отношений. Когда герцогиня Сомерсет коснулась мужа веером, дабы привлечь к себе его внимание, он сделал ей выговор, назвав ее поступок «вульгарным» (по понятиям конца XVII в.).

В разрядах, следующих за джентри, различия в статусах быстро размывались. Однако из этого не следует, что те, кто располагался ниже джентри, были беднее и скромнее, не имели собственных дифференциаций. Вступая в брак, участвуя в празднествах, давая свидетельские показания в церковных судах, они убеждались, что их мир устроен иерархически. Воспитание и наследственное или приобретенное позиционирование учили каждого системности. Системность являлась важнейшей ментальной установкой, цементирующей социальный порядок. Йомены и домохозяева (*husbandman*), — к которым, вероятно, обращались со словами «почтенный человек» (*goodman*), — были сливками сельского сообщества, отчетливо отделяющими себя от коттеров¹ и батраков. Они выделялись состояниями и правом занимать выборные должности. В городах, где структура населения была более сложной, выделялся «средний разряд людей», к которому относили держателей лавок и искусных дорогих мастеров. Их, подобно деревенским домохозяевам (*husbandman* и *goodwife*), именовали «почтенный» (*honest*).

В литературе всех английских фермеров в самом общем виде делят на фригольдеров, копигольдеров, лизгольдеров и держателей «по воле лорда». Фермер — это не обязательно крестьянин. Большие участки земли в аренду на длительные сроки очень часто брали предприимчивые дворяне.

Трудно выделить какой-либо единый для всей Англии стандарт богатого крестьянина. Представления о лучшей и худшей крестьянской доле сильно локально различались. Например, в местности Миддл в Шропшире самыми значительными были шесть ферм, величина которых составляла от 250 до 650 акров. Их владельцы были фригольдерами и держателями от лордов, но соседи нередко называли их «джентльменами». Следующую группу составляли владельцы и держатели 100 — 200 акров земли, они уже обычно звались «йоменами», но иногда и «джентльменами». Тех, кто держал от 10 до 88 акров, молва называла просто «хозяевами».

¹ Крестьянин, имеющий дом и огород, но не имеющий земельного держания.

Правовое положение фригольдеров было наиболее определенным. Фригольдер платил незначительную фиксированную ренту, как правило, предоставляемую на срок жизни. В упоминаемом уже Миддле такая плата составляла 1 пенни в год. Копигольдер также платил фиксированную ренту, объем которой был обозначен в специальном документе (*сору*), лежащем в манориальной курии. Однако ее величина была существенно выше, а сроки хотя и были длительными, но все-таки менялись чаще. Лизгольдер (от англ. *lease* — аренда) являлся арендатором лорда или богатого держателя. Проще всего было бы сказать, что лизгольдеры появились в ответ на проникновение капиталистических отношений в английскую деревню, и их рента менялась в зависимости от рыночного спроса на аграрную продукцию. Такое утверждение с точки зрения исторической перспективы будет верным, но лизгольдеры как категория держателей (крестьян и дворян) известны еще с XVI в., и уже тогда многие из них получали землю в аренду на очень длительные сроки, иногда даже на 99 лет¹. Самым неопределенным было положение держателей «по воле лорда». Они не подпадали под защиту общего и обычного права. Их ренты лорд мог менять произвольно, хотя и, как считалось, в «разумных пределах».

Ниже шли те, кто не имел земельных держаний. Современники характеризовали это большинство населения просто как работников или бедняков. Сезонные работники, т. е. батраки, всегда были важной дополнительной рабочей силой, которую привлекали во время сбора урожая и транспортировки собранных осенью продуктов. Но рост населения и объединение земель с последующей их передачей более мелкими участками в субаренду означали, что существенная часть населения любого сельского сообщества должна была в конечном счете превратиться в наемных работников. Большое число людей шло в услужение к своим более богатым и удачливым соседям. В отличие от сезонных работников с ними ежегодно перезаключали контракт. Однако их жалованье было невелико, к которому, как правило, добавлялись одежда и пропитание.

Миграции

Исход «лишних» людей из деревни говорит о значительных географических миграциях. В Британии люди мигрировали в по-

¹ Любопытные умозаключения по этому вопросу содержит исследование М. В. Винокуровой. См.: *Винокурова М. В.* Мир английского манора. — М., 2004. — Ч. V.

исках лучшей доли. С самыми большими миграционными потоками Британия сталкивалась в периоды наивысших приростов населения (1566 — 1586, 1601 — 1621) и в неурожайные годы. Именно тогда в города устремлялись толпы пауперов, не имеющих ни профессии, ни средств к существованию. Постепенно расширялась миграция в Америку, а также в Ирландию. Не только экономические причины толкали людей к перемене мест. В Америке спасение от гонений надеялись обрести сектанты. После 1650 г. люди двигались в более широких пропорциях, чем раньше, и были больше готовы к переселению через океан. Миграция стала также повседневным фактором и в шотландском, и ирландском обществах. После 1590 г. приблизительно 90 тыс. человек оставили Шотландию. Часть из них отправилась осваивать ирландские земли Ольстера, часть — участвовать в качестве наемников в войсках протестантских государств в Тридцатилетней войне. После 1625 г. правительство выдало лицензии, дающие право вербовать в Шотландии 47 тыс. молодых мужчин для войны в Европе. Ирландские католики в значительном числе уезжали на континент. Они также воевали, только на стороне Испании и Австрии. Вместе с англичанами ирландцы активно осваивали атлантическое побережье Северной Америки.

Промышленность и торговля в Англии

Промышленность не стояла на месте. В 1630-е гг. Англия производила 20 тыс. тонн железа в год, что в 4 раза превышало уровень середины XVI в. Росли добыча угля и производство стекла. Вместе с тем качество английского железа и стекла оставляло желать лучшего. Но даже их не хватало. Англия продолжала импортировать более качественное стекло и железо. Последнее, поставляемое из Швеции, было к тому же и дешевле. Следует признать, что городская и сельская индустрия развивались медленно и не могли обеспечить работой высвободившиеся в деревни руки. Самая прибыльная отрасль английской промышленности и английского экспорта — сукноделие — после 1614 г. вступила в пору затяжного кризиса. Если в начале правления Стюартов Англия вывозила сукно в Европу почти на 1,2 млн фунтов, то в 1640 г. объем экспорта составил менее 850 тыс. фунтов. Одна из причин застоя сукноделия лежала в низком качестве экспортируемых сукон, вывозимых монопольно купцами-авантюристами в Германию и Голландию, где голландские предприниматели подвергали их дополнительной обработке и выгодно перепродавали, а также в ужесточившейся конкуренции со стороны голландских производителей. Другая причина коренилась в экономической полити-

ке монархии, которая, руководствуясь благими намерениями, в 1614 г. запретила вывоз грубых тканей и приостановила патент купцов-авантюристов. Правительство возлагало надежды на реализацию проекта Уильяма Кокейна и его компаньонов, обещавших переориентацию производителей на выпуск новых, качественных и более легких тканей и затем увеличение экспорта и таможенных поступлений в казну. В результате английское сукноделие фактически замерло, а голландцы нашли новые источники шерсти и необработанных сукон. В 1616 г. Стюарты были вынуждены вернуть патент купцам-авантюристам, которые только спустя два года сумели выйти на уровень продаж начала века — 100 тыс. кусков сукна в год. Но уже в 1622 г. экспорт сукна сократился на 40 % из-за роста цен на него в Европе, причиной чему послужили начавшаяся Тридцатилетняя война и повышение голландцами торговых пошлин. Английское сукно стало дорогим и перестало продаваться. Более легкая и качественная испанская шерсть постепенно вытесняла с рынков английские грубые сукна. В 1632 г. Англии удалось продать не более 60 тыс. кусков, а в 1640 г. — только 45 тыс. В 1620 — 1630-х гг. в Англии многократно фиксируются перепроизводство сукон, разорение суконщиков и рост числа безработных сукноделов. Прядильщики и ткачи очень часто были сельскими жителями. Теперь они пополнили и без того быстро растущую в Англии армию пауперов.

Отметим, что в целом условия для внешней торговли Англии в первой половине XVII в. оказались менее благоприятными, чем в век Елизаветы. Наблюдались успехи в торговле с Североамериканскими колониями, которые стали главными поставщиками в Англию табака, сахара и значительного количества рыбы. Но ее общий объем из-за кризиса в сукноделии перестал расти. Развитие Ост-Индской компании сдерживалось существующими ограничениями на вывоз из страны серебряных монет, которые служили для нее средством приобретения товаров. На Балтике и на островах Прибалтики доминировали голландские купцы. Амстердам, несмотря на возобновившуюся войну Голландии с Испанией (1621 — 1648), сделался главнейшей торговой площадкой Европы. Торговцы и финансисты Сити не раз просили Стюартов изменить экономическую политику, отменить ограничения на вывоз денег, ввести запрет на перевозку английских товаров на иностранных (чаще всего это были голландские) судах, потребовать от Республики Соединенных провинций снижения пошлин на английское сукно, ввести лимиты на рыбную ловлю для голландцев у британских берегов. Поскольку вся внешняя торговля находилась в руках монопольных компаний или отдельных лиц, получающих патенты благодаря близости ко двору, их оппоненты требовали расширения свободы торговых операций и упраздне-

ния монополий. Критика монополий раздавалась в парламенте 1621 г., когда самые вопиющие из них были устранены, а злоупотреблявшие ими лица отданы под суд. В 1624 г. парламент принял специальный закон, запретивший монополии.

Значительные английские состояния возникали и умножались не только за счет экспорта, в котором доминировало сукно, но и за счет импорта. В то время как две трети населения страны едва сводило концы с концами, его относительно небольшая, но состоятельная часть переживала настоящий потребительский бум. Появление дворцов богатых придворных и купцов в Лондоне является материальным свидетельством роста потребления. Импорт в Англию был ориентирован на богатого потребителя, интересующегося предметами роскоши. Основанные во второй половине XVI — начале XVII в. монопольные компании для торговли с балтийскими странами, Московией и Африкой занимались в значительной степени поставками в королевство импортных товаров. Все они создавались на основе объединения капиталов, что предполагало пропорциональное распределение прибыли. Самой важной из таких компаний стала *Ост-Индская*, основанная в 1600 г. для торговли со странами Юго-Восточной Азии. Небольшая вначале, она стала быстро процветать, покупая пряности, шелк и ситец и продавая их с изрядной прибылью в Лондоне. Ее создала группа молодых агрессивных купцов, быстро превратившихся в заметных фигур торгового истеблишмента.

Внешнеторговая активность соответственно означала увеличение численности купцов и волнообразный рост их богатств. Директора больших торговых компаний были так же богаты, как некоторые пэры королевства, хотя источник их успеха находился в столице, а не на земле. Век спустя Даниэль Дефо в «Совершенном английском торговце» будет восклицать по этому поводу: «Поместье есть болото, торговля есть поток». Надо сказать, что своими капиталами в деятельности торговых компаний и распределении прибылей участвовали влиятельные придворные и сама королевская власть.

Необходимость расширять заморскую торговлю вела к росту и обновлению торгового флота. В начале XVII в. английский торговый флот был маленьким и старомодным. Малая грузоподъемность делала фрахт английских судов слишком дорогим. Английский торговый флот не мог конкурировать с голландским по тоннажу, с португальским — по освоенным заморским маршрутам, а с французским — по присутствию в Средиземноморье. Большинство кораблей было построено, чтобы возить сукно через Ла-Манш в Голландию. Как показала история с Армадой в 1588 г., эти корабли были маневренны, но они едва ли соответствовали требованиям, которые предъявлялись к современным им торго-

вым кораблям. С началом Тридцатилетней войны (1618—1648) английский торговый флот начал меняться стремительно. Оставаясь нейтральным, правительство побуждало купцов инвестировать деньги в постройку новых судов. В итоге к 1640 г. тоннаж английского флота почти утроился, а число больших кораблей выросло в 10 раз. Расширение и модернизация торгового, а попутно и военного флота стимулировали развитие в королевстве судостроения.

Города

По европейским меркам начала XVII в. Британия была достаточно высоко урбанизирована. Очевидно, что по уровню урбанизации Англия существенно превосходила Шотландию и Ирландию. Самым крупным городом Британии был Лондон.

Никаких точных данных о численности жителей столицы Англии нет, но демографы полагают, что в 1550 г. город насчитывал от 55 до 80 тыс., в 1600 г. — уже около 200 тыс., к 1650 г. его население могло вырасти до 400 тыс. (сделав Лондон самым большим городом Западной Европы), а к 1700 г. — до 600 тыс. человек (тогда он превратился в самый населенный город мира). Провинциальные города в XVI — начале XVII в. тоже росли, но с Лондоном их сопоставлять невозможно. В 1550 г. только два города Англии — Норидж и Бристоль — достигли уровня в 10 тыс. жителей и еще в пяти городах — Йорке, Экзетере, Ньюкасле, Солсбери и Оксфорде — проживало свыше 5 тыс. человек. К 1650 г. население Нориджа и Бристоля могло вырасти до 20 тыс., а Экзетера, Плимута, Ворчестера, Ковентри, Ипсвича, Колчестера, Йорка и Ньюкасла — колебаться в пределах между 5 и 10 тыс. В начале XVII в. в городах проживало приблизительно 8 % населения Англии, причем около 5 % приходилось на столицу. Надо сказать, что рост провинциальных городов стал заметен в Англии только в последнюю четверть XVI в. и в начале XVII в., когда некоторые из них сумели найти свое место в новых экономических реалиях. На Севере рос и развивался Ньюкасл. Прилегающие к городу угольные копи дали городу вторую жизнь, превратив его в важный торговый порт. Ежедневно от причалов Ньюкасла отправлялись в Лондон баржи, груженные углем. Важное место в торговле на Балтике обрел Йорк. Бристоль и Экзетер сумели наладить атлантическую торговлю. Благодаря эмигрантам и производству «новых тканей» выросли сукноделие и число жителей в Норидже, Экзетере, Вустере, Кентербери и Сэндвиче.

Ни Шотландия, ни Ирландия не ощущали столь быстрого роста городского населения. В Дублине не было и 10 тыс. жителей

накануне Английской революции. Эдинбург хотя и был в Британии вторым по величине городом, но его население только в 1700 г. приблизилось к 40 тыс.

Лондон

Лондон был особым миром — политическая, правовая, социальная и экономическая столица Англии. Обслуживание всех этих важнейших сегментов создавало рабочие места. В городе и его округе располагались королевское правительство, судебные учреждения, аристократические дворцы, дома джентри, один из самых больших портов Европы. Финансовым центром Лондона был монетный двор, коммерческим центром — Королевская таможня. На двух десятках «официальных причалов» столицы ежедневно разгружались морские суда. Объем экспорта, прошедшего через лондонский порт между 1606 и 1614 гг., составил 1,1 млн фунтов, через все остальные английские порты за тот же период товаров вывезли на 400 тыс. фунтов.

Лондон был магнитом, который притягивал все самое живое и предприимчивое в стране. Даже церковные иерархи, епископы, стремились строить дома по берегам Темзы. Лондон был центром культурной жизни, хотя официальными центрами знания считались Кембридж и Оксфорд. Компания книжников регулировала книжную торговлю и контролировала издательскую деятельность Лондона. В начале XVII в. в Грешем-колледже учили новым знаниям и математике, которые не входили в программу университетов. Театры на южном берегу Темзы, включая шекспировский «Глобус», оспаривали друга у друга публику. Еженедельно представления посещало более 20 тыс. зрителей, пока во время революции пуритане, не терпевшие развлечений, не добились закрытия всех театральных площадок. Население Лондона росло, хотя смертность здесь всегда превышала рождаемость. Скученность, антисанитария, эпидемические заболевания — все это было источником высокой смертности. Но прибывающие каждодневно в столицу мигранты многократно пополняли естественные потери. Именно переселенцы сглаживали отрицательный баланс рождений и смертей и давали импульс росту города. Королевская власть, опасаясь скученности и эпидемий, неоднократно издавала прокламации, запрещающие новое строительство в столице. Но эти запреты имели очень незначительное воздействие. Столица раздвинула границы за пределы Вестминстера и обросла новыми пригородами, в которых появилось около 30 новых церковных приходов.

Ухудшение жизненных стандартов.

Филантропия

За полтора предреволюционных столетия в Британии стало больше ртов, требующих пищу, и больше рук, желающих обрести работу. Здесь выросла стоимость всего, кроме стоимости рабочей силы. В номинальном выражении заработная плата росла. С 1540 по 1640 г. в среднем поденная оплата в сельском хозяйстве выросла с 4 пенсов до 12, в строительстве — с 6 пенсов до 1 шиллинга 5 пенсов. Однако цены, как мы видели, росли быстрее. В течение XVI в. реальная заработная плата строительных рабочих уменьшилась в 2 раза, в последующие 50 лет ее падение продолжилось. Заработная плата в сельском хозяйстве сократилась еще больше. Исключением были жнецы, заработок которых еще в XVI в. составлял 1 шиллинг 6 пенсов в день. Только после гражданской войны реальная заработная плата стала существенно повышаться.

Стремительное снижение реальной заработной платы и стандартов жизни смягчалось тем, что в предреволюционной Англии не так уже много людей жило исключительно продажей своей рабочей силы. Зарплата сельскохозяйственных и промышленных рабочих дополнялась специальной «диетой» — перечнем продуктов, который предприниматели выдавали своим работникам в зависимости от пола, квалификации и отношения к труду. В эпоху, когда цены на продукты взлетели высоко, продуктовый паек приобрел особое значение. В сельской местности безземельные коттеры держали огород и домашних животных, которые дополняли их сезонные заработки. Большинство горожан держали сады, огороды и домашний скот. Городские ордонансы предписывали жителям привязывать личный скот и нанимать свинопасов. В равнинной Шотландии работники также получали продуктовые пайки от своих работодателей. В предреволюционной Британии простолюдины жили крайне бедно, вопиющая нищета повсеместно бросалась в глаза.

С ростом миграций в английских городах скапливались сотни, а то и тысячи попрошаек. Их существование скрашивалось появляющимися в городах элементами системы благотворительности. В одном Норидже в 1570 г. более 2 300 жителей имели право получать вспомоществование от городских властей. Иностранцы путешественники оставили описания орд нищих, которые буквально не давали пройти по лондонским улицам. Только на территории городского Сити их количество исчислялось 12 тыс.

Молва и власть делили бедолаг, бредущих по сельским дорогам, и городских побирušек на две категории — «убогих» (*impotent*) и «праздных ленивцев» (*idle*), или, как тогда иногда говорили,

«бедняков Божьих и бедняков Сатаны». Первые, по мнению современников, заслуживали снисхождения и помощи. Причина их нищеты объяснялась умственной или физической ущербностью, сиротством или вдовьей участью. «Праздными ленивцами» считались те, кто не имел видимых физических недостатков. Эти люди были способны заработать на хлеб насущный, но предпочитали, как казалось, скитания и преступный промысел. На самом деле лишь малая толика «праздных ленивцев» были криминальными субъектами — ворами, проститутками, карманниками, домушниками, убийцами и грабителями. Основная масса пауперов преступлений не совершали, хотя молва и их мазала дегтем. Среди них было много покинутых жен и не бывавших замужем матерей. Они не бежали от работы, а просто не могли ее найти. Нужда и нищета толкали многих таких женщин на панель.

Ответственность за бродяг елизаветинское законодательство возлагало на приходы, где они были рождены. Об «убогих» надлежало заботиться, «ленивцев» — исправлять. Покинувшие приход люди подлежали, как правило, после телесных наказаний возвращению обратно. Такое «регулирование» оказывалось малоэффективным, ибо приход не выражал восторга от появления очередного голодного рта. Кроме того, городские и сельские приходы должны были усиливать давление на состоятельных прихожан.

Со второй половины XVI в. законодательство в отношении бедных становится все более жестоким, а суды выносят все чаще суровые наказания. Это был довольно странный способ борьбы с бедностью. Статут 1563 г. предписывал бичевание бродяг, статут 1572 г. — их клеймение и нанесение увечий. Клеймение буквой *V* (*vagabond* — бродяга) позволяло идентифицировать бродяг-рецидивистов. Пойманного в третий раз скитальца могли покарать смертной казнью, хотя до этого доходило редко.

Когда современники начали осознавать, что проблема имеет более сложную природу, стали появляться местные налоги, сборы от которых шли на поддержку бедных. Пионером стала страдающая от скученности и попрошаек столица, которая в 1547 г. впервые ввела такой налог. Здесь же появился первый работный дом для бездомных — Бридвелл (*Bridwell*), который должен был аккумулировать «нежелающих» исправляться бродяг. После того как в 1610 г. парламент предписал прочим английским городам строить свои «бридвеллы», это наименование стало нарицательным. Парламентский акт 1572 г. предписывал городам ввести местные налоги на бедных. В течение всего XVII века местные налоги, средства от которых предназначались в качестве помощи бедным, становились все более разнообразными. К концу века отчисления на эти нужды увеличились в 16 раз по сравнению с его началом. В Шотландии тоже формировались свои инструменты помощи

беднякам, но они в большей степени опирались на добровольную филантропию, чем на обязательное обложение.

Общественным мнением бедность и бродяжничество рассматривались как симптомы деградации сложившегося порядка, как язвы на теле государства. Мнение, что Англия перенаселена, усиливало миграцию в Ирландию и Северную Америку. Мнение, что публичному порядку грозит опасность, вело к росту числа уголовных приговоров. Общественные установки способствовали появлению обвинительного уклона в судах. Однако рост контроля и принуждения парадоксальным образом усиливал тревогу и неуверенность, последние, в свою очередь, становились источником новой волны принуждения. В предреволюционные десятилетия число наказаний по всем категориям преступлений — от убийств до распутства — возросло. В 1620-х гг. в Чeshire количество приговоров по тяжким преступлениям (*felony*) увеличилось вдвое по сравнению с 1580-ми гг., спустя еще сорок лет их число выросло уже в три раза относительно 1580-х гг. Присяжные, которые веками тяготели к смягчению наказаний или вообще оправдывали обвиняемых, теперь выносили очень суровые вердикты. В правление Якова I в графстве Девон ежегодно производилось в среднем 25 казней, в Лондоне — 150. Ужесточились наказания за мелкие правонарушения. Увеличилась численность мировых судей, дабы рассматривать растущее число уголовных дел.

Глава 2. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК

Представления о королевской власти

Политический порядок и управление на всей территории Британии были далеки от единообразия. Присущего Средневековью правового, административного и судебного партикуляризма сохранилось еще достаточно. Наиболее унифицированным и управляемым королевством в британской триаде, естественно, была Англия. После разрушительной войны Роз второй половины XV в. Тюдоры положили немало сил, чтобы упрочить контроль над страной. Они сделали королевскую власть главным источником благ и благодеяний, только служба которой и можно было изменить социальный статус. Реализовывали свою задачу Тюдоры без какого-либо плана, но в атмосфере поддержки и одобрения большинства представителей столичной и провинциальных элит. Это был эмпирический и одновременно результативный поиск. В итоге Елизавета Тюдор крепко держала в своих

руках все нити государственного управления, которые передала Якову I.

На вершине социальной и политической пирамиды находился монарх. Тюдоры и ранние Стюарты воспринимали власть как Божий дар, позволяющей им вести подданных по заведомо верному пути. «Короли... не только восседают на троне Бога, но даже — по установлению Бога — называются Богами», — учил Яков I парламентариев. Монархи ни с кем не хотели делить свой суверенитет и решительно пресекали попытки порассуждать о его границах. Божественное происхождение королевской власти никем не оспаривалось. Теоретически это положение давало королю Англии, Шотландии и Ирландии полное право распоряжаться жизнью и имуществом подданных по своему усмотрению. В теории он мог обкладывать подданных налогами, прощать преступников, единолично решать вопросы войны и мира, регулировать торговлю, закрывать и открывать порты, натурализовывать иностранцев, узаконивать бастардов, давать различные хартии, привилегии и титулы, назначать епископов, судей, должностных лиц. Его суверенное слово становилось законом, принимая по согласию с парламентом форму статута или по согласию с Тайным советом форму прокламации. Характеризуя власть, Стюарты и некоторые идеологи часто использовали две метафоры. Они ассоциировали короля с главой семьи, патриархом, обязанным заботиться о домочадцах и одновременно определяющим их жизнь и судьбу, и с головой естественного тела, которая посылает повеления остальным членам. Если сам Яков I, за свои трактаты, стихи и писания получивший прозвище Британского Соломона, и другие политические писатели постоянно цитировали Библию, античных авторов и авторитетных юристов, то население в повседневной жизни воспринимало эти положения как простые истины, натываясь регулярно на лики монархов, отчеканенные на монетах, слушая по выходным и праздникам в церквях обязательное «Боже, храни Короля» или читая на патентах приписку «милостью Божьей».

Странным образом представления о безграничности королевской власти в головах подданных и самих монархов уживались с практическими, реально существующими и, что еще удивительнее, декларируемыми ограничениями. Во время коронации государь приносил присягу «исполнять законы и обычаи» страны и подтверждал все ранее дарованные привилегии. Этим он возлагал на себя обязательства не пренебрегать действующими законами, не обкладывать подданных налогами без их согласия в парламенте и не заключать в тюрьму без основательной причины. Английские юристы и в особенности такой авторитет, как главный судья Англии Эдвард Кок, шли еще дальше, утверждая, что полномо-

чия королевской власти определяются общим правом, которое не может меняться по королевскому произволу. Отмеченные особенности и ограничения просвещенные англичане склонны были подчеркивать, проводя различия между собственным управлением и континентальным, которое казалось им деспотическим. Они свято верили в культивируемый ими самими миф о том, что доставшийся от предков порядок совершенен и вечен. Вольности подданных являются таким же ценным наследием народа, какими для монархии являются ее прерогативы. Шаги, направленные на изменение исторического баланса вольностей и прерогатив, неизбежно подорвут древнее «конституционное» устройство и вызовут различные потрясения.

Иначе говоря, кроме небольшого числа королевских приближенных и англиканских прелатов, почти все были согласны с тем, что колесо суверенного правления должно было катиться по видимой подданным традиционной колее. Любая попытка расширить ее воспринималась как посягательство на доставшиеся от предков вольности и привилегии.

Итак, отметим, что в предреволюционной Англии существовало идейное наследие, к которому будущие роялисты и революционеры могли обращаться для обоснования своих позиций.

Двор, политика, центральные органы управления

Получив власть от отца небесного, монарх сам был источником власти на земле. Он самолично назначал должностных лиц. В совете с ними или единолично он принимал важнейшие государственные и политические решения. При Тюдорах и ранних Стюартах публичная сфера еще не приобрела самостоятельность. Кроме государственных и административных институтов существовали структуры, обслуживающие персонально монарха, приватную жизнь его семьи, ведущие их дела. В этих структурах, являвшихся важнейшей частью двора государя, служили лица, которые обладали влиянием, в том числе при важных персональных назначениях и при принятии государственных решений. Двор, кроме того, был центром королевских репрезентаций, присутствия придворных и притяжения всевозможных искателей удачи и должностей. Двор являлся местом политического и карьерного соперничества придворных группировок и честолюбий. В сфере придворных назначений монархи были существенно более свободны, чем в публичной сфере. Ближайшими монархам людьми

при дворе оказывались их конфиданты и фавориты. При Якове I самыми известными фаворитами были Роберт Карр, граф Сомерсет (ум. 1645) и сменивший его Джордж Вильерс, герцог Бэкингем (1592 — 1628). Конфидантом Карла I (прав. 1625 — 1648), который, в отличие от отца, прославился ригоризмом и строгостью нравов, стала жена Генриетта-Мария (1625 — 1669).

Двор жил в атмосфере соперничества различных фракций. Центральные органы управления тоже соучаствовали в борьбе фракционных амбиций, поскольку лидеры группировок сами либо уже были, либо становились главами различных ведомств и учреждений. Они стремились провести на самые значимые придворные посты и в административные структуры своих выдвиженцев, среди которых нередко оказывались ближайшие родственники. В раннестюартовской Англии бесспорное лидерство по числу продвинутых на различные должности родственников принадлежит герцогу Бэкингему. Только патронат близкого к монарху человека обеспечивал продвижение. Покровительство можно было либо заслужить, либо купить. Поскольку жалованье было незначительным и выплачивалось предельно редко, все прекрасно понимали, что административная или судебная рента является главным мотивом при приобретении должности. Однако не всегда в основе придворной борьбы лежали узкофракционные интересы. Например, Роберт Карр, граф Сомерсет и поддерживающая его испанская католическая группировка Говардов были отодвинуты от власти благодаря усилиям протестантской «партии» во главе с графами Пемброком (1580 — 1630) и Саутгемптоном (1573 — 1624), а также архиепископа Кентерберийского Джорджа Эббота (1558 — 1633). Именно их креатурой, очень быстро, впрочем, освободившейся от опекунов, стал Джордж Вильерс, будущий герцог Бэкингем. Опять-таки не всегда должность становилась простым источником наживы. Нередко королевские слуги были вынуждены тратить собственные средства для реализации поставленных перед ними задач. Послы нередко поддерживали миссии из собственных денег. Тот же Бэкингем практически разорился, снаряжая то флот, то армию на войну в середине 1620-х гг.

Центральные органы управления располагались в Вестминстере — районе Лондона. Как в Средние века, им было присуще смешение различных функций. Административные учреждения, например, сохраняли рудименты судебной власти. Высшим формальным государственным органом управления являлся созданный в 1540 г. Тайный совет. В него входили главы различных государственных ведомств, включая архиепископа Кентерберийского, лорда-казначая, канцлера Англии, главного судью, государственных секретарей и др., а также главы придворных служб — лорд-

камергер, лорд-стюард и др. Тайный совет разбирал как наиболее значимые проблемы внутренней и внешней политики, так и повседневные, рутинные вопросы. При Елизавете Тюдор он был численно невелик, а его члены действительно были авторитетными и полномочными людьми. Яков I сразу же включил в Тайный совет прибывших с ним шотландских администраторов, удвоив тем самым его членство. При Карле I численность Тайного совета достигла 42 человек. Однако внутри совета стала складываться небольшая неформальная группа доверенных лиц, с которыми король обсуждал самые значимые вопросы. При Карле I периодически возникали специализированные совещательные органы, формально являвшиеся ответвлением Тайного совета. Они получили название «кабинетов» или «комитетов». Например, в 1638 г., в начале конфликта с Шотландией, Карл I учредил кабинет по делам Шотландии.

Важное место в системе государственного управления занимали финансовые учреждения. Среди них своим растущим значением выделялось Казначейство (*Exchequer*) во главе с лордом-казначеем (*Treasurer*). После короля мнение лорда-казначея по финансовым вопросам считалось определяющим. До 1612 г. должность главы Казначейства занимал Роберт Сесил (1563 — 1612), самый влиятельный человек в правительстве в первую декаду правления Якова I. Надо сказать, что Якову I достались расстроенные финансы и долг в 400 тыс. фунтов, который постоянно рос. Иначе и быть не могло, поскольку прямые налоги утверждались только парламентом. В начале XVII в. из-за инфляции доходы, поступающие из традиционных источников, в реальном выражении упали на 40 % по сравнению с серединой XVI в. Парламентские субсидии имели большое значение при пополнении казны. Но даже при Елизавете они покрывали только четверть ее расходов. Особенно часто парламент давал субсидии во время войны, но их размеры составили менее половины затрат короны на войну. Усилия Сесила по сокращению государственного долга возымели некоторый успех, но и ему не удалось покрыть все расходы короны. В результате Роберт Сесил даже предложил королю и парламенту заключить так называемый «Великий контракт», по которому король отказывался бы от некоторых своих феодальных фискальных прерогатив (например, права брать под опеку владения малолетних наследников и изымать в казну доходы с их земель), а парламент соглашался бы предоставить королю право собирать ежегодную субсидию с подданных. Но стороны не пришли к согласию по сумме сделки, и соглашение так и не состоялось. Нуждаясь в деньгах, корона постоянно прибегала к таким способам изъятия средств у подданных, законность которых парламентарии и правоведы ставили под сомнение. Она собирала сомнительные

пошлины с товаров, вводила «принудительные займы», требовала «добровольных» выплат.

Другим значимым должностным лицом являлся лорд-канцлер. В его руках находилась большая королевская печать. Возглавляемая им Канцелярия была одновременно судом и административным учреждением. Канцелярия разбирала имущественные тяжбы, принимала апелляции, рассылала на места скрепленные печатью большие объемы распорядительной документации, выдавала патенты, подтверждающие полномочия должностных лиц. При созыве парламента из Канцелярии выходили специальные приказы, рассылаемые шерифам графств, о необходимости провести выборы депутатов. Канцелярия проверяла полномочия прибывших в столицу членов нижней палаты, правильность проведения выборов. Лорд-канцлер вел заседания палаты лордов.

В XVI в. возникла должность государственного секретаря, в руки которого попадала основная масса депеш, идущих из-за границы и из провинций. В его офисе информация подвергалась первоначальной обработке, а затем доносилась до короля. В обратном направлении секретарь рассылал королевские распоряжения. По должности он находился в постоянном контакте с королем, хранил и использовал его факсимильную печатку, отвечал за организацию работы Тайного совета. Уже при Елизавете Тюдор из-за возрастающего объема работы стали назначать двух государственных секретарей, которые при Стюартах все больше и больше станут сосредотачиваться на международных делах. Один государственный секретарь будет ведать странами Северной Европы, внимание второго сфокусируется на странах Средиземноморья.

На всей территории Англии действовало опирающееся на традицию и прецедент общее право. Суды общего права — Суд Королевской скамьи, Суд Общих тяжб и Суд Казначейства — рассматривали основную массу имущественных тяжб и уголовных дел. Поскольку число исков по имущественным тяжбам за годы правления Тюдоров выросло в десятки раз, профессии судьи, клерка судов и юриста стали высокодоходными. Стремясь оградить свою юрисдикцию от посягательства со стороны других органов, суды общего права нередко вступали с ними в конфликт. Судьи общего права по традиции обладали полномочиями толковать смысл юридических норм и поэтому претендовали на определенную независимость от короны. Королевская власть стремилась усилить свое присутствие в сфере судопроизводства. В конфликте между судами общего права и Канцелярией в середине второй декады XVII в. она заняла сторону последней, и строптивый Эдвард Кок (1552 — 1634), главный судья королевства, лишился своей должности. Кроме того, еще Тюдоры дополнили традиционную систему

судопроизводства так называемыми «прерогативными» судами, деятельность которых направлялась и контролировалась Тайным советом и которые активно проводили политику короны в жизнь. При Стюартах прерогативные суды стали восприниматься орудиями произвола. Это относится, прежде всего, к Звездной палате, почти сплошь состоявшей из членов Тайного совета, получившей право разбирать случаи заговоров, мятежей, клеветнических измышлений, и Высокой комиссии, утверждавшей принцип единообразия в англиканской церкви и преследовавшей не присягнувших на верность католиков и протестантских радикалов, пуритан.

Провинции, местное управление

В провинциальных графствах главными проводниками решений короны в жизнь являлись шерифы, королевские наместники (лорды-лейтенанты) и мировые судьи. Шерифа монарх выбирал из представленного лордом-канцлером списка из трех кандидатур. В адрес шерифов корона отправляла основную массу правовых предписаний: от организации выборов в парламент до сбора платежей и проведения конфискаций. Шерифы производили аресты преступников и подвергали их тюремному заключению. Они назначали своих заместителей и констеблей. В крупных графствах число назначаемых шерифами должностных лиц могло достигать 100 человек.

Должность лорда-лейтенанта (наместника, представителя) в графствах появилась в середине XVI в. как экстраординарная. Однако она быстро превратилась в постоянную. Наместники, их заместители и капитаны следили за тем, чтобы ополчения графств, которые они время от времени собирали, поддерживали свою боеспособность, и отвечали за королевские арсеналы. Как правило, лордами-лейтенантами становились пэры королевства, их заместителями — влиятельные представители местного джентри, а капитанами — ветераны войн из числа джентльменов.

Главное место в системе местного управления в Англии принадлежало мировым судьям. Четыре раза в год, на четвертных сессиях, совмещая функции судьи, адвоката и прокурора, они разбирали сотни мелких уголовных преступлений. Незаконно-рожденные дети и не посещавшие церковные богослужения лица подпадали под их юрисдикцию. Они лицензировали пивоварни и следили за состоянием королевских дорог. Мировые судьи назначались лордом-канцлером по представлению лордов-лейтенантов и некоторых других провинциальных чиновников. Должность мирового судьи для провинциала служила подтверждением его социального статуса, кроме того, была хорошим стартом для про-

должения карьеры в столице. Корона использовала судей как поставщиков информации о состоянии и умонастроениях жителей графств. С 1631 г. они должны были ежемесячно проводить совещания с подчиненными им должностными лицами и ежеквартально посылать отчеты шерифам о состоянии дел на подведомственной им территории. Статус мировых судей постоянно повышался, росла их численность. В течение XVII в. количество мировых судей утроилось — с 1,2 до 3,7 тыс. человек. Сами четвертные судебные сессии стали важной составной частью провинциальной жизни, на них съезжались как на скачки, спортивные состязания, празднования. На начало или конец сессий назначали свадьбы. А влиятельные лица графств использовали их, дабы обсудить самые злободневные вопросы.

Еще со Средних веков судопроизводство в Англии было организовано так, чтобы корона могла через него контролировать регионы и получать информацию. Страна делилась на шесть судебных округов (ассиз), которые дважды в год объезжали два профессиональных судьи из центра. Они разбирали уголовные дела, одновременно абсорбируя идущую к ним информацию о злоупотреблениях местной власти. Потребность усиления контроля за северными графствами и Уэльсом, а также необходимость улучшения там судопроизводства подтолкнули корону в 1530-х гг. к созданию специальных прерогативных Советов Севера и Уэльса.

В принципе система управления провинциальных графств была единообразна. Только Уэльс, отдельные марки и палатинаты Севера, герцогство Ланкастерское, герцогство Корнуолл и пять портовых городов сохранили некоторые особенности.

Кроме ординарных органов при Елизавете Тюдор и ранних Стюартах в провинциях постоянно работали экстраординарные комиссии, призванные ограничивать торговлю зерном, противодействовать пиратству, организовывать осушение болот, бороться с бедностью, взыскивать недоимки.

Королевская власть, таким образом, в достаточной мере контролировала страну, но этот контроль не мог быть всеобъемлющим. Английские города сохраняли самоуправление. Мэры и городские советы выбирались влиятельными и состоятельными горожанами. Продолжали избираться сельские констебли. Да и шерифов и мировых судей корона назначала не из какого-либо кадрового резерва, а из членов наиболее влиятельных и авторитетных провинциальных семей. Давая должности, корона надеялась на их держателей дополнительным авторитетом и подтверждала их статус; они же, в свою очередь, использовали свое положение для того, чтобы поддерживать порядок на вверенных территориях. Провинциальные должности не оплачивались. Поэтому стабильность системы зависела от авторитета власти и от того, насколько

ко принимаемые ею решения соответствовали чаяниям провинциальных элит. Влиятельное дворянство графств и сотен четыре раза в год на четвертных сессиях вместе с мировыми судьями принимало участие в выработке важнейших решений и определяло поведение жителей. Порядок в королевстве поддерживался, таким образом, не только благодаря административным усилиям. Он базировался, прежде всего, на консенсусе и сотрудничестве короны с элитами провинций и на традиционном почтительном уважении к суверенной власти монархии.

Парламент

Среди влиятельных и авторитетных органов Англии парламент был самым влиятельным и авторитетным. «Наивысшая и абсолютная власть английского королевства, — писал видный елизаветинский юрист Томас Смит, — сосредоточена в парламенте». Авторитет парламента основывался на том, что в сознании англичан две его палаты представляли всех подданных королевства. Господствующая концепция рисовала трехчленную структуру парламента, состоявшего из короля, палаты лордов и палаты общин, которые совместно принимают законы и вводят налоги. «Никогда, — заявлял Генрих VIII, — наше королевское достоинство не стоит так высоко, как во время нашего присутствия в парламенте, где мы, подобно главе, и вы, подобно членам, соединяемся вместе в единое политическое тело». Корректируя тюдоровскую концепцию суверенной власти, отдельные авторы (правовед Кристофер Сент-Джермен, теолог Ричард Хукер) писали о принадлежности суверенитета королю совместно с парламентом, или, точнее, «королю в парламенте».

В течение веков укреплялась законодательная роль парламента и росло его значение в качестве представителя интересов нации. Однако до революции институционализация парламента еще не завершилась. Одному королю принадлежало право созыва и роспуска парламента. Никакой периодичности парламентских сессий не существовало. Повестка дня парламентских сессий формировалась и контролировалась Тайным советом. Решения парламента утверждались королем. Елизавета Тюдор, процарствовав 44 года, созывала парламент 10 раз. Самая длинная ее парламентская сессия продолжалась меньше 6 месяцев. Ранние Стюарты обращались к парламенту чаще. До 1628 г. они созывали депутатов 7 раз. Из 37 предреволюционных лет у них было 24 беспарламентских года. После 1629 г. Карл I не созывал парламент 11 лет. До революции парламент не раз критиковал политику короны и ее должностных лиц, но он не был оппозиционен королевской власти.

Монарх, как правило, появлялся в парламенте только в момент открытия сессии. Он либо персонально, либо через лорд-канцлера оповещал депутатов о тех задачах, разрешения которых ждут от них король и его совет. Иногда государь присутствовал на заседании палаты лордов, где в обычные дни председательствовал лорд-канцлер.

В предреволюционной Англии отношения Стюартов с палатами часто не складывались. Это только доктринально они находились в состоянии единства, на практике же между короной и парламентом возникали противоречия. При Стюартах придворные фракции оставались достаточно стабильными. При Карле I явственно обозначилась тенденция к закрытости двора и круга лиц, с которым он выработывал важные решения. Не удивительно, что, когда представители элит, не имевших возможности влиять на политику монарха, становились депутатами парламента, они использовали его трибуну для резкой критики королевской политики и должностных лиц короны. Парламентарии желали «лечить раны королевства», поэтому каждый парламент начинал свою деятельность с формирования перечня жалоб и обид, которые затем в виде ремонстраций и петиций — таких, например, как «Апология палаты общин» (1604), — направлял королевской власти. Члены парламента обладали привилегиями свободы слова и свободы от ареста, поэтому, несмотря на протесты правительства, депутаты постоянно обсуждали проблемы государства, выступая в защиту «древних вольностей», осуждая злоупотребления и четко определяя границы королевских прерогатив. Однако не следует преувеличивать значения этих словословий и характеризовать депутатскую риторику как «оппозиционные» действия. Зачастую невозможно провести различие между критикой приближенных к короне фракций и критикой самой власти. Ведь люди, стоявшие у власти, повсеместно использовали свои политические преимущества в меркантильных целях, например получали монополии или за мзду лоббировали их получение. И в парламенте звучали гневные обличения существующей практики. Но если критикам удавалось заменить критикуемых, то они почти всегда тут же предавались возмущавшему их раньше лихоимству.

Монарх собирал парламент, когда нуждался в нем. И если законодатели сильно отклонялись от предложенной им повестки, король нередко приглашал представителей палат в Уйтхолл, где пространно и раздраженно напоминал депутатам об их «обязанностях» и «ответственностях». Законопроекты, вносимые в парламент, носили как частный, так и публичный характер. Монарх мог наложить на законопроект свое вето, но уже в предреволюционное время редко прибегал к этому праву. Частные билли

утверждались королевской формулой «Пусть будет так, как Вы хотите», а публичные — «Король желает, чтоб было так».

Поскольку в палате лордов сидели пэры и епископы, она считалась более значимой. Но в начале XVII в. значение верхней палаты ослабеваает. Пэры все-таки представляли самих себя. Численность их в палате росла, что девальвировало пэрское звание. Яков I титулы продавал, а его наследник Карл I награждал ими дворян за лояльное поведение. Многие лорды верхней палаты одновременно являлись членами Тайного совета, который формировал повестку парламентской сессии. Верхняя палата обладала как судебными, так и законодательными функциями. Лорды принимали петиции от частных лиц и действовали как верховный апелляционный суд. В 1621 г. они возродили забытую процедуру импичмента королевских министров, первой жертвой которой стал знаменитый философ и канцлер Френсис Бэкон (1561 — 1626). Как законодатели, лорды могли инициировать законопроекты и редактировать в трех чтениях билли, уже прошедшие процедуру одобрения в нижней палате.

В течение XVII в. существенно возросло значение нижней палаты. В начале XVIII в. словосочетание «палата общин» станет синонимично слову «парламент». Конечно, Английская революция сильно поспособствует этой трансформации. Собственно, рост престижа палаты общин начался еще во времена правления Генриха VIII, когда парламент поддержал начатую монархией Реформацию. Депутаты нижней палаты уже в предреволюционной Англии воспринимались как представители населения. Формально они избирались жителями графств и тех городов, которые в разное время получили от королевской власти на это право. Как правило, вопрос о представительстве в городе решался одной, двумя, иногда несколькими семьями, доминирующими в нем. Выборы были дополнительным подтверждением их высокого статуса. От каждого графства избиралось по два рыцаря, и вопрос представительства от графств решался шерифами, которые нехитрыми способами обеспечивали прохождение в парламент нужных королевской власти или влиятельным вельможам людей. Выборы в палату общин в первой половине XVII в. являлись, скорее, селективным действием нескольких влиятельных семей и администраторов, чем политическим электоральным процессом. Хотя 80 % депутатов нижней палаты представляли города, в своем большинстве они были выходцами из среды дворян-землевладельцев. Джентри преобладало в нижней палате.

Продолжительность парламентских сессий не была определена, и многие депутаты приезжали в палату в середине парламентской сессии и уезжали задолго до ее окончания. Рассматривая депутатство как подтверждение социальной селекции, многие

коммонеры не вникали в парламентскую деятельность. Фракционность двора и Тайного совета имела продолжение в нижней палате, где контролируемые лордами депутаты голосовали так, как нужно было их патронам. Подавляющее число депутатов не открывали рта ни в ходе дебатов, ни при работе в комитетах.

Корона видела в палате общин, прежде всего, инструмент, дающий ей право собрать налоги, что повышало статус нижней палаты. В 9 случаях из 10 Елизавета Тюдор собирала парламент ради субсидий. После 1572 г. все парламенты созывались короной ради получения финансовой помощи. Сбор налогов считался в Англии экстраординарной мерой, к которой следовало прибегать только при наличии угрозы безопасности королевству. В ответ на частые обращения королевской власти за финансовой поддержкой парламент посягал на те сферы, которые относились к королевской прерогативе. При Якове I парламент впервые попытался провести ревизию фискальных служб. В 1621 г. нижняя палата вела дебаты о внешней политике власти. В 1620-х гг. общины все чаще и чаще стали обсуждать злоупотребления должностных лиц и требовать их импичмента.

Шотландия

Не все структуры управления были сосредоточены в Вестминстере. Имелись и полностью отдельные администрации для Шотландии и Ирландии. После восшествия на английский престол и объединения корон Яков I приложил немало сил, дабы побудить свой первый парламент (1604 — 1610) объединить обе страны под звучным названием «Великобритания». Однако эта идея увязла в бесплодных дебатах депутатов, напуганных замыслом монарха. Король привез с собой изрядное число шотландских дворян, которым раздал различные должности в службах королевского двора. Ряд шотландских пэров Яков I ввел в состав английского Тайного совета. Он старался ускорить взаимную интеграцию королевств, натурализуя шотландцев в Англии, предоставляя им земельные угодья, подталкивая их жениться на англичанках. Шотландские дворяне охотно ехали в Лондон, но, как правило, в Англии они не утрачивали своей национальной идентичности. Столь же охотно они посылали деньги на Север, дабы поддерживать в порядке родовые гнезда. Вместе с тем король не мог организовать встречное движение: ни один знатный англичанин за годы его правления не женился на шотландке и не обзавелся в Шотландии землями и угодьями. Англичане смотрели на шотландцев свысока, считая их отсталыми, недостаточно просвещенными, склонными к буйству, разбою, мятежам и беспорядкам.

Шотландия была сложной страной, и Стюарты старались не особенно докучать могущественным шотландским магнатам. Покидая родину, Яков обещал навещать ее не реже одного раза каждые три года. Но он всего один раз побывал на родине. В 1617 г. Яков I провел в Шотландии 4 месяца. Его сыну Карлу I потребовалось 8 лет, после восшествия на английский престол, чтобы найти время и короноваться шотландской короной. Шотландские магнаты — Монтрозы, Мэтланды, Аргайлы и др. — сохраняли феодальную юрисдикцию, нередко наследственные должности шерифов и другие привилегии, которые давно уже утратили английские лорды. Они были подлинными правителями страны. Но, еще будучи королем Шотландии, Яков заставил магнатов заключить соглашение (бонд), предполагающее под страхом тяжких наказаний совместное поддержание мира. Такая персонифицированная договоренность между монархом и магнатами принесла успех, и после 1596 г. вплоть до революции в Шотландии не было крупных волнений. Хотя Яков I посылал в Шотландию своих конфидантов и получал от них информацию, но ее было абсолютно недостаточно, чтобы принимать адекватные решения. Шотландский Тайный совет представлял из себя амальгаму старой аристократии, которая ценила саму возможность представлять перед королем, и королевских советников-бюрократов. После отъезда монарха аристократия перестала посещать заседания Тайного совета. Он превратился в небольшой орган, состоящий из назначенных королем администраторов. Яков I регулярно награждал их титулами, создавая служилую аристократию. Король был далеко, а его шотландские советники интриговали друг против друга и не забывали про собственные интересы. Жители Эдинбурга, обслуживающие двор, были недовольны, поскольку привычный для них бизнес пошел на убыль. Чем дольше не было монарха, тем все больше шотландцам казалось, что Шотландия превращается в английскую провинцию, к которой Стюарты утрачивают интерес. Зная своих шотландских подданных, Яков I стремился сохранять на родине статус-кво. Карл I почти совсем не разбирался в шотландских делах. К слову сказать, недалеко от ранних Стюартов уйдут Стюарты поздние. В конце века министр Роберт Харли будет говорить, что он осведомлен о делах в Шотландии не лучше, чем о делах в Японии.

Шотландия имела особую правовую систему, в основе которой лежали нормы римского права, и свой парламент. Шотландский парламент существенно отличался от английского. Он состоял из представителей сословий. В парламент входили по наследству аристократы. С 1597 г. там же стали заседать епископы. В палате были выборные депутаты от городов. В отличие от Англии шотландские города действительно представляли занятые ремеслом и торгов-

лей горожане. Выборы от графств стали производиться только с 1587 г. Сословия отдельно вырабатывали собственную позицию, но заседали совместно. Дебаты, впрочем, случались спорадически, поскольку основные вопросы решались в особом комитете (*Lords of the Articles*). На общее собрание палата собиралась редко: только для того, чтобы одобрить разработанные в комитете предложения. Поскольку королевская власть сама назначала епископов, производила креации шотландских пэров, контролировала города, то шотландский парламент был ей полностью подконтролен и послушен. Собирали его, однако, нечасто.

Только пресвитерианская церковь в Шотландии была источником беспокойства, грозя при неловком движении королевской власти стать причиной трагического конфликта.

Ирландия

Английские короли владели Ирландией по праву завоевания. Долгое время фактическое присутствие короны ограничивалось Дублином и окружающей его местностью — Пейл (частокол или палисад), где находился наместник со своей администрацией. После того как в Англии началась Реформация, а ирландские кельты и «старые англичане» сохранили верность католицизму, английская корона стала усиливать свое военное присутствие на острове. В 1541 г. Генрих VIII был объявлен королем Ирландии, а английский парламент принял по этому поводу специальный акт. Вождей ирландских кланов побуждали передавать свои земли королю, а затем получать их обратно как феодальные фьефы.

Во второй половине XVI в. ирландцы и «старые англичане» вместе или по отдельности неоднократно поднимали восстания, стремясь сохранить обычаи, католическую веру и земли. Ответом становились военные операции, создание епархий англиканской церкви во главе с епископами и привлечение на зеленый остров переселенцев-протестантов. В начале XVII в. Лондон управлял Ирландией через администрацию лорда-наместника и репрессивный Суд замковой палаты. В аппарате управления Ирландией «старых англичан» — католиков теснили «новые англичане» — протестанты. При лорде-наместнике существовал Совет из ирландцев, но он обладал лишь совещательными функциями. В Ирландии был свой парламент, в обеих палатах которого до XVII в. доминировали «старые англичане». Однако по закону еще 1494 г. ирландский парламент мог рассматривать только те законопроекты, которые получили предварительное одобрение наместника, его совета, английского короля и английского совета. Между 1543 и 1613 гг. ирландский парламент собирался всего четыре раза и

никогда не работал более года. В 1613 г. Яков I предоставил протестантским поселениям хартии, дающие им право посылать депутатов в нижнюю палату ирландского парламента, и выделил места в верхней палате для англиканских епископов. В результате такой манипуляции ему удалось получить протестантское большинство в ирландском парламенте.

В конце правления Елизаветы Тюдор в Ирландии существовал уже не один, а три анклава, где земли, конфискованные у ирландцев, были поделены на крупные участки между знатными и богатыми англичанами и осваивались переселенцами. Но привлекать англичан на новые земли, окруженные враждебным населением, было трудно. К 1598 г. удалось привлечь всего 4 тыс. человек.

Серьезные перемены в Ирландии произошли при ранних Стюартах. Они законодательно упразднили клановую систему среди ирландцев, лишили вождей кланов судебной власти. Все жители Ирландии объявлялись свободными подданными короля. Ирландские крестьяне должны были платить своим лордам только фиксированные ренты и повинности. На Ирландию было распространено действие английского права, были созданы аналогичные метрополии институты, включая Палату по делам опеки. Воспользовавшись бегством в 1607 г. из Ирландии двух самых могущественных семейств Ольстера Тиронов и Тирконеллов, корона конфисковала земли в шести графствах на Северо-Западе Ирландии. Затем началась ускоренная колонизация этих территорий. Ирландцы отсюда насильственно выселялись, а освобожденные поля перераспределялись между английскими и шотландскими переселенцами, которых обязывали не только возделывать землю, но и возводить специальные укрепления на случай возможных восстаний коренного населения. Было построено 23 новых города в Ольстере. В 1615 г. специально принятый дорожный акт положил начало сооружению удобных для быстрой переброски войск коммуникаций. При переселении упор делался на развитие личной инициативы. Возникло несколько предпринимательских компаний, получивших по низкой цене ирландские земли и привлекающих на них переселенцев. Переселенческая политика Стюартов была более успешной, чем тудоровская. Только в Ольстер одних шотландских пресвитериан между 1610 и 1640 гг. переселилось около 30 тыс. человек. «Новые англичане» очень быстро богатели, они стремились доминировать в структурах управления, вызывая зависть со стороны «старых англичан» и ненависть ирландцев. В 1633—1640 гг. должность наместника Карла I в Ирландии исполнял Томас Уэнтворт, получивший титул графа Стаффорда (1593—1641), который довольно быстро подчинил ирландский парламент, заставив его увеличить субсидии, а значит, и налоги. В должности наместника короля в Ирландии Уэнтворт предпри-

нял успешные шаги для увеличения доходов казны. Он сам говорил впоследствии, что до его прибытия на остров корона имела задолженность в 100 тыс. фунтов, а после его отъезда из Ирландии в казне находилось 100 тыс. фунтов. Ему удалось улучшить управление островом, уничтожить основные базы ирландских пиратов, упорядочить взимание пошлин, провести ревизию землепользования и вернуть короне значительные земельные площади. Он создал здесь постоянную армию и разместил в крупных городах надежные гарнизоны. Действовал он решительно, порой деспотически, постоянно стравливал «старых» и «новых англичан», но ему удавалось держать под контролем враждебное католическое население. Кроме того, Стаффорд активно насаждал в Ирландии арминианскую модель церкви, преследовал пресвитериан и нажил многочисленных личных врагов.

Конфессиональная проблема

Существенное беспокойство власти доставляла непростая религиозная ситуация в трех королевствах. Страстная непримиримость в убеждениях, готовность стоять на своем, нетерпимость к религиозному инакомыслию, ксенофобия являлись главными угрозами политической стабильности.

После того как Тюдоры провели Реформацию в Англии, а король стал главой англиканской церкви, церковь стала важнейшей частью управления и инструментом поддержания политического и социального порядка. Англиканская церковь сделалась кальвинистской по догматике. В 1571 г. парламент утвердил англиканский символ веры, который содержал идею абсолютного предопределения. Согласно ей Бог изначально предопределил одних людей (грешников) к проклятию, других (праведников) — к спасению. Люди оправдываются перед Богом искупительной жертвой Христа и верой. Но Христос пострадал не за все человечество, а за избранных Богом праведников. Добрые дела, в отличие от учения католической церкви, не ведут к спасению. Англиканская церковь сохранила епископат, некоторые ритуалы и облачения, за что ее порицали сторонники дальнейшего продвижения дела Реформации, пуритане. Страна делилась на 26 епархий во главе с епископами и Кентерберийское и Йоркское архиепископства. Все епископы, архиепископы и значительная часть приходского духовенства назначались королем, и в силу этого они проводили в жизнь установки, полученные от короны.

Елизавета Тюдор с установлением англиканской церкви религиозный вопрос считала решенным. И большинство населения довольно быстро примирилось с англиканством. Недовольными

остались католики и протестантские радикалы-пуритане. Основная масса исповедующего католицизм населения сохранила политическую верность монархии и даже посещала англиканские службы. Относительно небольшая часть католиков (рекузанты¹) отказывались ходить на богослужения и были вынуждены платить за это довольно высокие штрафы. В конце 1560-х гг. английскими эмигрантами-католиками в Европе была основана семинария, которая начала тайно отправлять в Англию своих выпускников. Миссионеры и прибывающие тайно в Англию иезуиты, как правило, исповедовали тираноборческие идеи, призывали английских католиков не повиноваться власти и хранить верность папе. Они были вдохновителями и организаторами нескольких неудачных покушений на жизнь королевы. Власть отвечала сурово: между 1581 и 1603 гг. 131 католический священник и 60 светских лиц лишились жизни от рук палача за свои попытки способствовать католическому делу в Англии. Был ужесточен цензурный контроль за распространением и печатанием католической литературы. Чистки, проведенные среди преподавателей и духовных лиц университетских колледжей, уже к 1577 г. избавили университетские кафедры от адептов католицизма. Репрессивные и пропагандистские меры правительства принесли свои плоды. Католическая община в Англии при Якове I насчитывала всего около 40 тыс. человек, т. е. составляла 1 % населения, хотя среди джентри доля рекузантов доходила до 10 %, а среди пэров — до 5 %. В 1605 г. католическое подполье последний раз заявило о себе, организовав «пороховой заговор», ставший ответом молодых непримиримых католиков на заключение мира с Испанией. С Мадридом многие из них связывали химерические надежды на восстановление католицизма в Англии. Они собрались взорвать короля вместе с парламентом. Общество на попытку убийства ответило новой волной ксенофобии, власть — новыми преследованиями. Однако в целом отношение Стюартов к католикам было более терпимым, чем у их предшественницы. За годы правления Якова I было казнено 19 католических священников. При дворе довольно долго существовала католическая фракция, тесно связанная с Испанией.

Серьезное беспокойство Елизавете Тюдор доставляли пуритане². Пуританизм не представлял единого, гомогенного течения. Здесь были те, кто не одобрял епископат и облачения, те, кто был

¹ От лат. *recusare* — отказывать, отклонять.

² Термин образован от латинского прилагательного *«purus»* — чистый, которому в английском языке есть эквивалент *«pure»*. Противники пуритан предпочитали называть их «формалистами», «педантами», «нонконформистами» (*«precisians»*, *«precise folk»*, *«nonconformists»*), а сами себя они первоначально именовали «благочестивыми» (*«godly»*) и «евангелистами» (*the true gospellers*).

готов с ними мириться, и те, кто решительно ратовал за продолжение Реформации.

У пуритан долгое время не было существенных доктринальных расхождений с официальной церковью. Но они не были согласны с тем, что духовная сфера подчинена светской власти и король является главой церкви. Они выражали недовольство ее устройством. Пуритане добивались, чтобы духовенство во время службы не носило богато украшенных риз и одежд, не требовало от прихожан коленапреклонения при причастии, не осеяло младенцев крестным знаменем при крещении и чтобы утвержденный властью молитвенник не был для них обязателен. Главным способом духовного просвещения населения они считали не официальный молитвенник и церковную службу, а совместное или индивидуальное чтение Священного Писания и проповедь. Пуритане не принимали иерархически выстроенную официальную церковь во главе с королем, епископами и прелатами. Они полагали, что церковь должна быть отделена от государства, а светская власть не вправе вмешиваться в дела церкви. Идеалом церковной организации для пуритан стали религиозные общины первых веков христианства, а также кальвинистская церковь Женевы и Шотландии.

Идею предопределения пуритане понимали как необходимость активно и наступательно вести борьбу с антихристом на земле. Оправдание своему поведению они находили в Ветхом Завете. На цитатах из Ветхого Завета строился такой важный элемент пуританской доктрины, как учение о ковенанте (завете), т. е. союзе между Богом и человеком. Согласно ему, Господь дал два завета: один относится к деятельности человека, обязывая его жить по Божьему закону и совершать добрые дела; второй касается милосердия Бога, олицетворением которого является принесенный в жертву Христос. Этот завет обращен только к избранным христианам. Завет, по мнению пуритан, наделяет их правом использовать санкции и принуждение по отношению ко всем тем, чье поведение отклоняется от подлинного учения. Завет способствует объединению праведников, которые должны жестоко преследовать в церкви и общинах всех тех, чье поведение отклоняется от установленной ими дисциплины. Подчеркнем, что последовательные пуритане были гораздо менее толерантны к инаковерию, чем англиканские епископы. Свою жизнь они посвящали укреплению дисциплины и борьбе с антихристом. Дисциплина последовательных пуритан, как тонко заметил английский историк Кр. Хилл, «выглядит как теократическая тирания»¹. Однако учение о завете позволяло пуританам смотреть на Англию как на

¹ Хилл Кр. Английская Библия и революция XVII века. — М., 1998. — С. 297.

страну пребывания Бога, а на англичан — как на богоизбранный народ, который призван находиться на передовых рубежах борьбы с папизмом и Контрреформацией, символизирующими для них антихриста. В этом противоборстве английский народ должен был слиться с другими протестантами Европы и одновременно полностью очиститься от последних рудиментов католичества, таких, как знаки креста и другие элементы идолопоклонства. В борьбе с идолопоклонством также активно использовался текст Ветхого Завета, содержащий немало поучительных примеров из истории народа Израиля на этот счет.

Одна группа пуритан (пресвитериане) по примеру кальвинистской Женевы добивалась того, чтобы церковная организация строилась на республиканских принципах выборности общинами светских старейшин и пасторов (пресвитеров). Пасторам надлежало проповедовать, а старейшинам — поддерживать порядок, дисциплину и мораль в общине. Несколько общин должны были образовывать класс, или пресвитерию. Старейшины и пресвитеры имели право посвящать в пасторский сан и накладывать суровые наказания, вплоть до отлучения, на прихожан. Все пресвитерии подчинялись выборным провинциальным синодам, а те, в свою очередь, — также выборному национальному синоду. Национальный синод должен был венчать описанную конфессиональную пирамиду, действуя либо в партнерстве, либо независимо от светской власти. Апелляция к опыту далекого прошлого делала представителей пресвитерианского направления в пуританизме людьми чрезвычайно убежденными в правильности предлагаемого ими пути. Многие из них считали класс институтом, установленным самим Богом. Пресвитериане, как правило, не порывали с официальной церковной организацией, стараясь перестроить ее изнутри, создавая собственные параллельные структуры.

В республиканском церковном идеале пресвитериан королевская власть усматривала покушение на собственный суверенитет. В 1580 — начале 1590-х гг. правительство, архиепископ Кентерберийский Джон Уитгифт (1530 — 1604), епископ Лондона Ричард Банкрофт (1544 — 1610), Высокая комиссия приложили немало сил, чтобы в конце концов практически покончить с возникшими пресвитерианскими ячейками.

Другое направление представляли конгрегационалисты, или индепенденты¹, отвергающие любой официально установленный религиозный порядок. Индепенденты не отрицали светскую власть и были готовы с ней сотрудничать до того момента, пока светская власть не начнет вмешиваться в духовные дела. Если

¹ От англ. *independents* — независимые.

пресвитериане хотели преобразовать существующую церковь изнутри, то индепенденты сознательно выводили себя за ее пределы. Они считали, что в вопросах веры каждая конгрегация, или община, обладает полным авторитетом, и не принимали внешнего контроля. Они пропагандировали широкую веротерпимость и свободу совести. Любое государственное установление в духовной сфере индепенденты расценивали как деспотизм. В соответствии со своими религиозными предпочтениями, полагали индепенденты, люди могут объединяться в общины (конгрегации), основанные на принципах самоуправления и обладающие безусловной свободой в делах веры. Община сама способна отделить достойных в делах веры от недостойных. Конгрегация сама для себя является духовным авторитетом и не приемлет конфессионального контроля. Ее лучшие представители — избранные, или «святые», — руководят другими и могут наказывать их. Индепенденты не видели никаких различий между мирянами и духовными лицами. Любой человек, по мнению индепендентов, может быть избран общиной священником или проповедником. В 1593 г. парламент принял закон «Об удержании королевских подданных в должном повиновении», направленный против индепендентских конгрегаций. В начале XVII в. индепендентские конгрегации, спасаясь от религиозных преследований, организовали широкий отъезд своих сторонников в Америку.

К приходу Якова I на английский престол пуританское движение в Англии существовало, но число его сторонников было незначительным. Яков I, как и его предшественница, отрицательно относился к любым публичным обсуждениям церковных порядков и доктринальных вопросов. Подавшим ему петицию пуританским священникам он заявил в 1604 г. на конференции в Гемптоне Кортэ: «Не будет епископов, не будет и короля!» Однако король был готов идти на компромисс по не столь значительным вопросам. Одновременно по поручению монарха были разработаны так называемые «Каноны», в которых систематически излагались дисциплинарные, организационные и доктринальные положения англиканства. И хотя многие пуританские священники в очередной раз отказались подписаться под официальным молитвенником, только 90 человек потеряли свои приходы. Большинство современных исследователей полагают, что возникший при Елизавете I религиозный компромисс при Якове I упрочился. Монархия удовлетворялась наличием внешнего церковного единообразия и конформизма.

В правление Якова I напомнили о себе сектанты. В 1608 г. стало известно о существовании в Англии баптистов. Именно тогда их лидер Джон Смит, полагаящий, что никакая церковь не обладает монополией на истину, крестился заново, а затем крестил членов

своей общины. Опасаясь преследований, сектанты, как правило, отправлялись в эмиграцию в Голландию. В 1620 г. несколько сектантских общин погрузились на корабль и впервые направили его в Америку. Но это еще не был массовый исход протестантских нонконформистов, поскольку в целом отношение к ним властей было терпимым.

Под сильное влияние пуритан попали города и районы с развитым ткацким производством. Многие представители джентри оказывали покровительство пуританам и предоставляли кров их проповедникам. Последовательные пуритане были суровыми и угрюмыми людьми, гневно осуждающими спортивные состязания, театральные постановки, развлечения. Якову I и Карлу I пришлось даже издавать специальные декларации, подтверждающие право людей заниматься спортом и развлекаться по выходным и праздникам после богослужений.

Очень сильны были позиции пресвитерианской церкви в Шотландии. Протестантизм в Шотландии победил не благодаря короне, как в Англии, а по инициативе светских лиц, которые учредили пресвитерианскую церковь — Кирку. В результате пресвитерианские консистории стали определять религиозную и социальную жизнь в равнинной Шотландии. Епископат не был формально отменен, но оказался отодвинут от решения церковных вопросов. Власть над церковью принадлежала Генеральной ассамблее из выборных представителей от консисторий (общин), среди которых много было светских лиц. Промежуточным звеном между консисториями и Генеральной ассамблеей были пресвитерианские синоды на уровне епархий. В 1580 — 1590-х гг. лидер шотландских пресвитериан Эндрю Мелвилл (1545 — 1622) пытался сделать Кирку абсолютно независимой от короны, полагая, что светская власть контролирует и руководит поступками людей, но не их душами. Проповедуя пред Яковом, он именовал короля не иначе, как «глупым вассалом Господа». Такие притязания пресвитериан оказались неприемлемы не только для монархии, но и для большинства светских прихожан Кирки. Яков сначала вернул епископов в шотландский парламент, а затем добился того, чтобы Генеральная ассамблея отклонила требования о признании независимости церкви от государства. После этого королю удалось добиться, чтобы епископы получили право заседать в Генеральной ассамблее и председательствовать на собраниях синодов епархий. Монарху хотелось приблизить шотландскую церковь к англиканской. Посещая в 1617 г. Шотландию, Яков I предложил ввести в пресвитерианское богослужение обряды причащения, крещения и обязательное коленопреклонение при причастии. Монаршие новации были восприняты пресвитерианами как движение в сторону восстановления католицизма. Генеральная ассамблея

отвергла их. Но король провел свои предложения через вновь собранную Генеральную ассамблею в Перте, в которой его сторонники оказались в незначительном большинстве. В 1621 г. пертские статьи одобрил шотландский парламент. Но претворение их в жизнь вызывало открытое сопротивление и неповиновение. В итоге король уступил и перестал настаивать на обязательном соблюдении пертских статей. Ощущая противодействие, Яков I не решился предложить церкви принять молитвенник, подготовленный на основе англиканского.

В Шотландии сохранялся католицизм. В начале XVII в. треть шотландских дворян и аристократов исповедовали католичество. Среди простонародья приверженцев старых церковных порядков было существенно меньше. Католицизм продолжали исповедовать в отдельных частях Горной Шотландии и в приграничных с Англией районах.

Религиозная ситуация в Ирландии была не менее напряженной. Королевская администрация в продвижении англиканства на зеленом острове видела важнейший элемент своей цивилизаторской миссии. В 1605 г. король издал прокламацию, предписывающую католическим священникам покинуть остров, а всем светским лицам посещать богослужения англиканской церкви. Однако вторую часть этой прокламации почти никому было исполнять.

В Ирландии было очень мало образованных англиканских священников, да и те, за редким исключением, не говорили по-ирландски. Основанный в 1591 г. в Дублине Тринити-колледж потребовал в образованных и говорящих по-ирландски священниках удовлетворить не мог. Ирландские септы не собирались отказываться от веры отцов и, как могли, поддерживали на своих землях католических священников и монахов. В Бельгии и Северной Франции эмигранты основали семь ирландских колледжей, где готовили католических священников из числа ирландцев для занятия миссионерской деятельностью на родине. Кроме того, с протестом против этой прокламации выступили «старые англичане», в подавляющем большинстве оставшиеся верными католицизму. В дальнейшем Якову I пришлось мириться с тем, что большинство его ирландских подданных остаются католиками. В Ирландии, как и в Англии, на рекузантов должен был накладываться штраф, но невозможно было отдать все население королевства под суд. За годы правления Якова I случаи казней католических миссионеров в Ирландии были единичными. В 1615 г. протестанты впервые созвали в Ирландии синод, который принял сформулированное пресвитерианское учение в специальных статьях, авторство которых принадлежало будущему архиепископу Джеймсу Ашшеру (1581 — 1656).

Внешняя политика

Яков I придерживался мирной внешней политики. В 1604 г. он заключил мирный договор с Мадридом, закончив почти двадцатилетнюю войну. Договор дал возможность английским купцам торговать в Испании, не боясь преследований инквизиции. Однако рынки испанских колоний в Америке, о которых англичане давно мечтали, продолжали оставаться для них закрытыми. В дальнейшем король во что бы то ни стало стремился удержать Англию от втягивания в конфликт. В то время как большинство его протестантских подданных надеялись, что Англия будет продолжать политику Елизаветы и бороться с Контрреформацией, король полагал, что назревающий в Европе конфликт между государствами Протестантской унии и Католической лиги должен быть разрешен с помощью переговоров. Ему хотелось обрести в Европе славу «короля-миротворца». Свою дочь Елизавету Яков I выдал замуж за Фридриха, курфюрста Пфальцского (1610 — 1632), возглавившего Протестантскую унию. По поводу брака наследного принца Генри (1594 — 1612) с испанской инфантой он вел переговоры с Мадридом. После смерти Генри в 1612 г. переговоры возобновились через два года — теперь на испанке замыслили женить принца Карла.

В 1619 г. восставшие протестанты Праги низложили короля Фердинанда (1637 — 1657), из дома Габсбургов, и предложили корону Фридриху Пфальцкому. Зять Якова I ее без долгих размышлений принял. Собственно, так в Европе началась Тридцатилетняя война. Вскоре императорские войска изгнали Фридриха из Праги, а потом отняли у него и Пфальц. Незадачливый курфюрст с супругой был вынужден скитаться по дворам протестантских государей. Несмотря на то что лондонские улицы кипели ненавистью к Габсбургам, двор надеялся с помощью посредничества Испании оставить корону Пфальца за наследниками Фридриха и не вступал в войну. Правда, и парламент не спешил на нее раскошелиться. Яков I в конце концов разрешил набрать небольшой корпус из добровольцев, который отправился в Германию.

Стареющий Яков I, наследный принц Карл и герцог Бэкингем попытались вновь реализовать идею испанского брака, а через него разрешить и проблему Пфальца. В 1623 г. Карл и Бэкингем инкогнито отправились в Мадрид. Испанское путешествие Карла породило в Англии страхи о возможном восстановлении папизма. Англичане начали поговаривать о том, что угроза католицизма исходит от двора собственного государя. Подозрения были безосновательными, но страхи, как известно, порождаются эмоциями, а не рассудком. Пробыв несколько месяцев в Мадриде, путешественники, к бурной радости лондонцев, вернулись ни с

чем. В 1624 г. парламент после пространного повествования Бэкингема и Карла об их пребывании в Испании и об унижениях, которые им якобы приходилось сносить, единодушно высказался за разрыв с Мадридом и выделил 300 тыс. фунтов на подготовку флота и набор солдат. За несколько месяцев до смерти под давлением общества, сына и фаворита Яков I был вынужден начать войну. В 1625 г. в Голландию был отправлен английский контингент под командованием Мансфелда, который затем собирались перебросить в Пфальц. В этом же году Карл женился на французской принцессе Генриетте Марии. Английский двор надеялся посредством этого брака заручиться помощью Франции в борьбе за Пфальц. Но у Ришелье были совсем другие планы. Для большинства англичан французская католичка была ничем не лучше испанской. Кроме того, брачный договор предполагал разрешение католической мессы в личной часовне королевы и послабления в отношении католиков. В пораженной ксенофобией стране это вызывало новые страхи и подозрения. Но Стюарты высокомерно не считали нужным объяснять подданным свои дипломатические шаги и матримониальные планы.

Глава 3. ПРАВЛЕНИЕ КАРЛА I

Личностная характеристика Карла I

Управление тремя столь сложными королевствами требовало от монарха различных качеств, главными из которых, по-видимому, должны были быть умеренность и аккуратность. Карл был прямой противоположностью отца. Ему казалось, что на государя возложена высокая миссия вести за собой подверженных анархии и страстям людей и поддерживать общественный порядок. Он не был увлечен государственными делами, но неизменно уделял им много времени. Ибо король был носителем идеи служения. Этого же он требовал от дворянства и знати, наставляя их оставаться в собственных владениях, поддерживать стабильность и не являться без надлежащих причин в столицу. Карл I никогда не жертвовал государственными обязанностями ради охоты на оленя, как делал его отец. Новый король был любящим мужем и отцом. Он не заводил любовников и любовниц на стороне, порицал и наказывал за это других. Был ценителем и покровителем искусств. Его портреты писал Ван Дейк (1599 — 1641), для него строил известный архитектор Иниго Джонс (1573 — 1652), создавали пьесы и маски Бен Джонсон (1573 — 1637), Томас Керри (1595 — 1640), Ричард Лав-

лейс (1618 — 1657), Джон Саклинг (1609 — 1642), писали музыку братья Генри (1596 — 1662) и Уильям (1602 — 1645) Лоусы. Нравы при дворе Карла I стали заметно строже, торговля титулами и званиями была прекращена, доступ к королю был более ограничен церемониалом. Рассудок и самоограничение доминировали в его поведении. Возможно, его замкнутость была вызвана испытываемыми с детства проблемами с дикцией и заиканием. Поэтому он, вероятно, не любил публичных выступлений и репрезентаций. Карл I не искал славы писателя и не обладал рафинированным умом отца, в литературном наследии которого встречались политические сочинения, трактаты по демонологии и о вреде табака. Зато его протестантская религиозность была более глубокой. Карл I последовательно разделял идею о божественном характере монархической власти. Всякое несогласие он воспринимал как покушение на королевское величие. Может быть, именно поэтому новый король был чрезмерно упрям, не гибок, надменен и обидчив. Он упорно стоял на своем и гнул свою линию, когда в этом не было большой надобности. Но после длительного упорства он мог неожиданно проявить слабость и пойти на уступки. Карл I был закрытым человеком, плохо сходящимся с людьми. Вместе с тем он нередко был готов следовать полученным советам Бэкингема, жены и ближайших приближенных.

Конфликты короля с парламентом

До вступления на престол у Карла I (прав. 1625 — 1649) был некоторый опыт общения с парламентом. От имени своего отца он присутствовал на заседаниях палаты лордов, и его отношение к парламенту в целом было позитивным. Созывая в 1625 г. свой первый парламент, Карл I имел все основания надеяться на поддержку депутатами предлагаемого внешнеполитического курса. Ему казалось, что, начав войну с Испанией, он продолжает дело прославленной и любимой подданными королевы Елизаветы Тюдор. Но деньги, выделенные предшествующим парламентом, были потрачены совершенно не эффективно. В армии Мансфельда, едва успевшей добраться до берегов Голландии, начались болезни и эпидемии, от чего половина ее погибла. План по освобождению Пфальца провалился. В самом Лондоне свирепствовала чума.

Парламент ограничился тем, что дал только что начавшему править королю всего 127 тыс. фунтов и призвал начать расследование того, как были потрачены предыдущие субсидии. В начале каждого правления палата общин наделяла нового монарха правом собирать традиционные пошлины в течение всей жизни. Но Карлу I это право подтвердили только на один год. Прошли

бурные прения относительно последовавших после женитьбы Карла I послаблений в отношении католиков. На новую просьбу правительства увеличить субсидии парламент ответил отказом, а язвительный Эдвард Кок, указывая на Бэкингема и намекая на казнокрадство, заявил, что «у корабля слишком большая течь». Оскорбленный король был вынужден распустить палаты.

Не имея достаточно средств, Бэкингом сумел собрать флот, армию и отправить их в Кадис. Несмотря на присоединившуюся к английскому флоту голландскую эскадру, результат экспедиции не был даже бледной тенью достопамятной победы Френсиса Дрейка. Англичанам не удалось овладеть ни галеонами, везущими серебро из Америки, ни самим Кадисом. Захват винного склада рядом с портом и всеобщую попойку солдат никто не собирался выдавать за достижение.

Необходимость продолжать войну заставила Карла I созвать следующий парламент в 1626 г. Не желая вновь слушать язвительных оппонентов, король многих из них назначил шерифами, которые не могли избираться в парламент. Однако освободившиеся скамьи заняли еще более желчные парламентарии, которые стали требовать лишить Бэкингема всех должностей и подвергнуть импичменту. Поведение депутатов заставило корону досрочно распустить парламент, не дождавшись необходимых субсидий. Парламент 1626 г. отмечен еще и тем, что король подверг кратковременному тюремному заключению самых острых критиков Бэкингема: в верхней палате — представителя старейшего аристократического рода Говардов графа Эрандела (1585 — 1646), в нижней — депутатов Дадли Диггса (1583 — 1639) и Джона Элиота (1592 — 1632). Сохраняя при себе Бэкингема, король сохранял очевидную пустоту сундуков казначейства. Тайный совет предложил тогда монарху собрать деньги старыми (хотя они и вызывали критику у англичан) способами: приступить к сбору «добровольных пожертвований» и принудительного займа. Правительство в итоге надеялось собрать сумму в 250 — 300 тыс. фунтов. Иначе говоря, Тайный совет в отсутствие парламента фактически вводил прямой налог, который касался не отдельных лиц, а охватывал все состоятельное население королевства. Надо сказать, что мировые судьи и лорды-лейтенанты справились с поставленной задачей и деньги были получены. Но около 80 дворян были подвергнуты тюремному заключению за отказ финансировать корону. В ходе возникшего затем судебного разбирательства активно обсуждалось право короля заключать подданных в тюрьму без объяснения причин.

Собранный с такими общественными издержками принудительный заем вскоре тоже был потрачен впустую. В 1627 г. Англия без видимых причин, но под предлогом защиты гугенотов Ла-

Рошили затеяла еще одну военную авантюру — войну с Францией. На собранные по принуждению деньги была снаряжена экспедиция, которую Бэкингом, жаждущий популярности, возглавил лично. Однако полностью овладеть островом Ре, прикрывающим вход в гавань города, не удалось. Ни длительная осада, ни последующий штурм французской крепости не принесли результатов. Бэкингом в ходе экспедиции не раз демонстрировал личное мужество и благородство, но они никак не могли компенсировать полное поражение. Половина солдат осталась лежать на острове или утонула при отступлении.

Парламент 1628 г. дал королю пять субсидий (т. е. 275 тыс. фунтов) на продолжение войны, но в принятой им «Петиции о праве» осудил практику взимания принудительных займов и произвольных арестов. В специальных демонстрациях (протестах) депутаты отметили ответственность Бэкингема за бедствия страны и то, что королевские поборы, собираемые без одобрения парламента, подрывают «фундаментальные вольности королевства». В 1628 г. ненавидимый многими фаворит короля был убит участником его последней военной экспедиции, дважды раненным в руку, обоим в чине пуританином Джоном Фелтоном.

В 1629 г. собралась последняя парламентская сессия предреволюционного времени, которая потребовала от короля прекратить сбор некоторых традиционных пошлин, не согласованных с парламентом. Депутаты начали следствие по жалобам купцов, товары которых были конфискованы из-за отказа платить пошлины. Парламентарии бурно обсуждали состояние религии в стране, которой, как им казалось, угрожают проповеди близких королю священников, а также его церковные назначения. Депутаты позволяли себе заявлять, что именно парламенту принадлежит «полная власть» определять религию. Они подготовили демонстрацию. Спикер, получивший от короля инструкцию закрыть сессию, если дело пойдет так далеко, не смог ее исполнить. Его силой удержали в кресле, пока демонстрация, порицающая как врагов свободы всех соглашающихся платить пошлины и осуждающая церковные назначения короля, не была принята. Стюарт был вынужден распустить парламент, не получив субсидии. Четырнадцать самых красноречивых и строптивых членов нижней палаты подверглись после роспуска парламента тюремному заключению.

Правление без парламента

Следующие одиннадцать лет Карл I обходился без парламента. За это время возникшие в первые годы правления трещины между ним и обществом превратились в почти непреодолимые рвы и

овраги. Надо отдать должное Карлу, он не был склонен сводить счеты. Некоторых своих критиков — но практических людей — он привлек на службу и в дальнейшем использовал их опыт. Среди таковых оказались Томас Уэнтворт, будущий наместник в Ирландии, удостоенный титула графа Страффорда, Уильям Ной (1577 — 1634), назначенный главным королевским прокурором (генеральным атторнеем), Эдвард Литтлтон (1589 — 1645), дослужившийся до должности лорда-канцлера. Другие, включая экзальтированного Томаса Элиота, Дензила Голлиса (1599 — 1680), Бенжамина Валентайна, Майлса Хобарта, Джона Селдена (1584 — 1654), остались в тюрьме. Несколько месяцев спустя всех, за исключением Элиота, выпустили. Элиота, напротив, перевели в неотопливаемую камеру, где он умер в конце 1632 г.

Лишившись возможности получать финансовую помощь от подданных, Карл не мог продолжать войну. В 1629 г. был подписан мир с Францией, по которому Карл I отказывался поддерживать гугенотов, а Людовик XIII (правл. 1610 — 1643) — требовать свободы вероисповедания для английских католиков. В 1630 г. Англия заключила мир с Испанией, которая опять стала выражать готовность ходатайствовать перед австрийскими Габсбургами о возвращении Пфальца изгнанному курфюрсту Фридриху. Карлу I пришлось удовлетвориться этими гипотетическими, невыполнимыми обещаниями. Военные неудачи Карла I в течение следующих лет будут резко контрастировать с блестящими победами в Тридцатилетней войне другого протестантского государя — короля Швеции Густава II Адольфа (правл. 1611 — 1632).

Мир с Испанией был встречен в Англии как поражение протестантского дела и шокировал даже некоторых приближенных монарха. Но у короля не было иного выхода. Сундуки казначейства были абсолютно пусты. Долг казны в 1628 г. равнялся 2 млн фунтов, значительное количество коронных земель было распродано, купцы и финансисты отказывали в кредите. Пришлось повышать качество финансового администрирования, вводить режим экономии и интенсифицировать поступления из традиционных источников. В ближайшие годы расходы двора на пенсии и выплаты сократились на треть. Были в пять раз увеличены штрафы католиков за рекузанство. Вспомнив, что все землевладельцы, имеющие 40 фунтов годового дохода, должны были обращаться за рыцарским званием и платить, казначейство стало налагать на них штрафы. В результате число рыцарей и, значит, плательщиков стало расти. Невзирая на парламентский запрет 1624 г., корона вновь стала продавать монополии купцам и предпринимателям. В частности, было продано право ввозить табак из Америки, а также несколько патентов на осушение болот. Королевские финансисты ужесточили сбор пошлин, стали взимать плату за воз-

ведение построек в Лондоне. К середине 1630-х гг. им удалось сократить долг казны до 1 млн фунтов.

Военные действия в Европе закрыли многие европейские гавани для англичан и подстегнули рост контрабанды и пиратства. В 1633 г. голландцы атаковали испанскую торговую флотилию непосредственно у английских берегов. Купечество стало обращаться к монархии с просьбами покончить с флибустьерами. Для того чтобы вернуть контроль над проливом Ла-Манш и прибрежными водами, Карл I предложил строить по два военных корабля ежегодно. Создаваться военный флот должен был, по мысли короля, за счет возрожденного средневекового налога — «корабельных денег». По традиции взимать «корабельные деньги» следовало только в военное время и с прибрежных городов. Данный платеж был введен в 1634 г., и на следующий год его распространили на все королевство. Этот сбор взимали вплоть до революции, и он в среднем давал в год около 190 тыс. фунтов. Фактически «корабельные деньги» стали прямым налогом, собираемым без одобрения парламента. И хотя деньги шли исключительно на постройку кораблей, содержание флота и ремонт береговых укреплений, законность их взимания вызывала сомнения. Появились и высокородные отказники. В 1637 г. суд разбирал дело богатого, но до этого ничем не примечательного дворянина Джона Гемпдона (1594 — 1643), демонстративно отказавшегося заплатить налог стоимостью в один фунт. Разбирательство привлекло к себе всеобщее внимание, ибо вновь поставило вопрос о границах королевской власти. На суде Гемпдон и его адвокаты доказывали, что король не может собирать никаких налогов, включая корабельный, не испросив на это согласия парламента. Но суд семью голосами против пяти вынес решение в пользу Карла I. Это поражение обернулось для Гемпдона широкой популярностью и моральной победой. Народная молва принесла ему славу борца за традиционные вольности против тирании.

В процентном соотношении налоговые ставки и запросы английской власти в сравнении с другими европейскими государствами были более чем скромны. Будущие революционные правительства будут требовать и собирать денег на несколько порядков больше. Но население, видимо, возмущали не сами налоги, а сомнительные способы их получения.

В 1630-х гг. при дворе существовали три влиятельные группировки — испанская, голландская и французская. «Испанская партия» противодействовала активизации Англии на внешнеполитической арене и была против созыва парламента. Ее самым влиятельным членом был лорд-казначей Ричард Уэстон, граф Портленд (1577 — 1635), который постоянно переписывался с фактическим правителем Испании графом Оливаресом

(1587—1654). Уэстон был женат на католичке и сам перешел в католичество перед смертью. Симпатии протестантов были отданы Голландии, Швеции и Дании. «Голландская группировка» выступала за участие Англии в континентальной войне и за созыв парламента. После смерти в 1630 г. Уильяма Герберта, графа Пемброка, занимавшего должность лорда-стюарда, кончины в 1632 г. Дадли Карлтона, виконта Дорчестера (1574—1632), являвшегося государственным секретарем, и похорон в 1633 г. Джорджа Эббота, архиепископа Кентерберийского, ее позиции при дворе и Тайном совете ослабли. «Французская партия» стала влиятельной в 1635—1637 гг., когда появились надежды, что французы, овладевшие большей частью Пфальца, передадут его племяннику Карла I, сыну бывшего курфюрста Фридриха Карлу-Людвигу. К французской партии принадлежала королева Генриетта Мария; Генри Рич, граф Голланд (1590—1648); Джеймс, маркиз Гамильтон (1606—1649); Томас Говард, граф Эрандел.

Длительное беспарламентское правление Карла I, сомнительные с правовой точки зрения способы получения денег от подданных давали современникам основание подозревать короля в авторитаризме или даже деспотизме, хотя он сам никогда не заявлял ни о чем подобном. Само общество зачастую посылало ему сигналы беспокойства относительно растущего числа пауперов, требовало противодействовать наступлению папизма на континенте, но не готово было платить за лекарства от этих болезней.

Отметим также, что с разработкой болсе строгого церемониала при дворе проникать в придворную элиту стало труднее. Вертикальная мобильность не исчезла, но возможности реализации честолюбивых замыслов уменьшились. Парламент как информационный канал, политический механизм, указывающий на болевые точки общества, площадка поиска компромисса, перестал созываться. Получалось, что корона собирает подозрительным образом деньги со всех состоятельных людей, а решает, как их потратить, в узком и закрытом кругу избранных. Многим, кроме того, казалось, что при дворе и правительстве твердых защитников протестантского дела становится все меньше, а явных и скрытых католиков все больше.

Арминиане и пуритане

Решительное неприятие в стране вызывала религиозная политика Карла I, которая фактически расколола английское духовенство. Король симпатизировал арминианам. Так в Европе именовались последователи голландского теолога Якоба Арминия (1560—1609), который толковал идею предопределения в более

мягком, чем строгие кальвинисты, духе. Он не отвергал наличия у людей свободы воли и утверждал, что Христос пострадал за все человечество, т. е. и за праведников, и за грешников. По его мнению, последовательные сторонники идеи предопределения делают Бога виновником греха, что разрушает основы христианства. В дальнейшем арминиане считали, что наделенные свободой воли люди вправе сами планировать собственную жизнь и моделировать свое поведение. После того как уже десятки лет англичане привыкли именовать папу антихристом, арминиане перестали отказывать католической церкви в истинности. Они считали ее матерью христианского мира, но подвергшейся деформации в ходе тысячелетнего существования.

Арминианство проникло в Англию при Якове I и нашло поддержку у части англиканских иерархов. Правда, ни Яков I, ни архиепископ Эббот арминиан не поддержали. Отправляя в 1618 г. делегацию на интернациональную конференцию в голландский город Додреخت, где арминианизм был осужден, Яков I поручил ее членам выступать совместно с антиарминианским большинством.

В Англии к арминианству стали тяготеть те представители англиканской церкви, которым не нравились существование пуританских общин, та роль, которую в них играли светские лица, ориентация большого числа приходов на проповедь и чтение Библии как на приоритетный способ духовного просвещения прихожан, признание равенства светских и духовных лиц перед Богом и в толковании писания, содержание богатыми общинами и отдельными состоятельными общинниками пуританских лекторов. Арминиане отдавали предпочтение церемониальной, обрядовой, ритуальной стороне богослужения. Профессиональные священники, которых арминиане считали викариями Господа, должны были проводить прописанные в официальном молитвеннике службы, чего, по их мнению, было достаточно прихожанам.

Карл I многих арминиан привел на высшие церковные должности и в состав Тайного совета. Арминианство поддерживали епископы Ричард Нейл (1562 — 1640), Джон Уильямс (1582 — 1650), Уильям Лод (1573 — 1645), Ланселот Эндрюс (1555 — 1626) и др. Все они, кроме последнего, стали архиепископами и определяли политику в англиканской церкви. Личный капеллан короля Ричард Монтегю был арминианином, а молва считала его даже тайным католиком. Центр арминианизма размещался в лондонской резиденции архиепископа Йоркского Ричарда Нейла, которую молва окрестила арминианским колледжем.

В 1633 г. умер терпимо относившийся к пресвитерианам архиепископ Кентерберийский Джордж Эббот, и на его место король назначил арминианина Уильяма Лода. Карл I занял сторону арми-

ниан не по доктринальным причинам, а потому, что ему внушала опасение деятельность пуритан, которые ставили под сомнение его право руководить церковью. Власть боялась вдохновенных речей проповедников, которые от нее не зависели и которых она не могла контролировать. Новый примас был убежденным человеком, ярким оратором, наделенным способностью увлекать аудиторию. В церкви он обрел репутацию человека принципиального и даже нетерпимого в делах веры. До своей гибели ему покровительствовал герцог Бэкингем. Возможно, церковная карьера Лода была бы более быстрой, но спокойный, миролюбивый, избегающий конфликтов Яков I опасался продвигать людей с подобным характером. Первый Стюарт на английском престоле как-то заметил по поводу Лода: «В нем сосредоточен неугомный дух, и он не может мириться со спокойным ходом вещей. Он склонен резко менять курс церковного судна, поворачивать его против ветра, бросать на буруны».

Став примасом Англии, Лод последовательно и твердо насаждал доктринальное и обрядовое единообразие в церкви. Монарх и архиепископ требовали от духовенства принять мысль, что задачи Реформации в Британии уже разрешены. Лод быстро дал понять, что установленная литургия для него предпочтительнее вдохновенной, но импровизированной проповеди. Освобождающиеся приходы и епархии он заполнял своими сторонниками. Духовенство Лод считал элитой страны, поставленной над остальным народом. Его политика состояла и в том, чтобы повысить официальный статус служителей церкви в обществе. Лод был чрезвычайно озабочен профессиональными и человеческими качествами приходского духовенства, которое непосредственно общалось с населением. Он ужесточил дисциплину и отбор кандидатов на должности священников. Будучи канцлером университетов Оксфорда и Дублина, Лод добивался того, чтобы выпускники университета получали церковные кафедры, а самые способные из них делали духовную карьеру. Он был убежден, что становиться клириком может человек с особым даром, избранный Богом для выполнения самой ответственной на земле миссии — заботы о духовной чистоте людей. При Лоде возвращаются многие старые символы богослужения: столы для причащения, давно стоящие в центре и во время службы окруженные мирянами, переносятся в восточную часть храмов и превращаются в алтари, отделяющие священников от прихожан; вновь начинают использоваться распятия, крестные знамена при крещении, появляются витражи и другие украшения. К этому добавилось личное пожелание Карла I преклонять колени во время причастия.

Лода не устраивало материальное состояние церкви. Используя свое положение архиепископа и члена Тайного совета, он пы-

тался вернуть церкви ряд доходов, которые она потеряла в ходе Реформации и которые получали новые хозяева бывших церковных владений. Тем самым он умножил число своих недоброжелателей, поскольку лендлорды не собирались делиться доходами с духовенством. В 1630-х гг. епископальные суды и Высокая комиссия провели беспрецедентную кампанию, лишая приходов отказывающихся присягнуть на верность англиканству священников.

У Лода не было намерений реставрировать католицизм, но его заявления о преемственности между католической церковью и очищенной от пороков англиканской, стремление отделить мирян от клириков, возвысить церковь, сделать, как тогда говорили, церковь «Высокой», давали основание пуританам обвинять его именно в этом. Они сумели использовать свойственную англичанам начала XVII в. религиозную подозрительность и нетерпимость к католикам. Обвинения архиепископа в стремлении восстановить папизм часто звучали из уст радикальных пуританских проповедников и лекторов, широко распространялись в тайно печатавшихся памфлетах. Парламент 1629 г. жестко критиковал арминиан и требовал от короля их отставки.

Для борьбы с инакомыслием архиепископ и король активно привлекали карательные органы королевской власти — Звездную палату, Советы Севера и Уэльса, выносившие суровые приговоры диссидентам. Наряду с компанией книгоиздателей и специальными церковными поверенными Звездная палата осуществляла контроль за ввозимой и произведенной в стране печатной продукцией. В 1637 г. Звездная палата издала специальный (но малоэффективный) декрет, усиливающий цензуру. Тогда же за сочинение язвительных памфлетов против епископата Звездная палата осудила известных пуритан Уильяма Принна (1600 — 1669), Генри Бартона и Джона Баствика (1593 — 1654). Их тексты признали клеветой, а их самих выставили к позорному столбу, отрезали уши и затем отправили в тюрьму. Эти и подобные действия власти и архиепископа превращали приговоренных в публичных фигур. Маловлиятельное на рубеже XVI — XVII вв. радикальное пуританское течение становилось широким общественным движением, приобретая себе все больше сторонников среди горожан, университетских преподавателей, членов юридических корпораций, священнослужителей.

Именно на беспарламентское правление Карла I в Англии и правление Лода в церкви приходится беспрецедентный рост численности религиозных эмигрантов в Новый свет. За десятилетие страну покинуло около 60 тыс. человек. Причем большинство эмигрантов считали себя не сектантами, а прихожанами англиканской церкви.

Волнения в Шотландии

Карл I покинул Шотландию в 4-летнем возрасте, едва начав ходить и говорить. Естественно, что у него не было значительных познаний о своей исторической родине. В отличие от отца он не собирався объединять две страны. Короля больше волновало, чтобы чувство подданства по отношению к ставшему таким далеким носителю монархической власти не покинуло шотландцев. Опасения были не беспочвенны, ибо механизмы эффективного контроля северного королевства отсутствовали. Но если у короля и были какие-то планы в отношении Шотландии, то у него не было ни личного авторитета, ни институциональных инструментов, чтобы их реализовать.

Первые распоряжения Карла I, касающиеся Шотландии, вызвали там широкое недовольство аристократии и дворянства. Он нуждался в увеличении финансовых поступлений и распорядился вернуть все земельные пожалования короне и церкви — Кирке, которые были сделаны от имени шотландских королей с 1540 г. Кроме того, монарх повелел выплачивать церкви десятины, а их после Реформации давно уже взимали светские лица. Владельцы земель и десятин были возмущены. Готовя решение, Карл I не удосужился поинтересоваться мнением своих шотландских администраторов. И тогда даже лояльный шотландский Тайный совет выразил протест и отправил в Лондон депутацию. Только через несколько лет глава Тайного совета Уильям Грэм, граф Мэнтит (1591 — 1661), дважды в год ездивший с докладами в Лондон, убедил короля приостановить возврат земель.

С начала 1630-х гг. главным советником по шотландским делам Карла I при английском дворе стал маркиз Гамильтон. Свою юность он провел в Англии, получил образование в Оксфорде, женился на племяннице Бэкингема, владел придворной должностью королевского шталмейстера (конюшего). Гамильтон нечасто бывал на родине, но обладал там значительными владениями и креатурой. Глазами и ушами короля в Шотландии был Джон Стюарт, граф Траквер (ум. 1659), который возглавлял шотландское казначейство с 1631 г. Ему удалось увеличить поступления в королевскую, т. е. английскую, казну, что не добавляло графу симпатий соотечественников.

В 1633 г. Карл I приехал в Шотландию, чтобы там короноваться. Возложение короны прошло в восточной части храма, перед столом, напоминающим алтарь, в присутствии епископов, одетых в торжественные облачения. Обряд, кроме того, сопровождался причащением, особенно возмутившим пресвитериан, назвавших его половиной пути к католической мессе. Затем король заставил парламент утвердить акты о возвращении земель и некоторые но-

вые налоги. Однако попытка добиться подтверждения Пертских статей и права утверждать облачения священников вызвала сопротивление.

Вернувшись в Англию, Карл I послал рекомендацию шотландским епископам руководствоваться в богослужении английским молитвенником и требовать от прихожан совершать обряд причащения коленапреклоненно. В 1636 г. были изданы каноны для шотландской церкви. Они утверждали, что вся власть в епархиях принадлежала епископам. Пресвитерии и Генеральная ассамблея в документе даже не упоминались. Каноны запрещали священникам и проповедникам проводить молебны в свободной, импровизационной манере вне церквей, как это практиковалось уже несколько десятилетий. Место проповеди должна была занять установленная и повторяемая литургия. Лицам духовного звания надлежало руководствоваться специальным шотландским молитвенником, составленным по образцу англиканского. Тайный совет распорядился, чтобы приходы купили по два экземпляра нового молитвенника.

Желание Карла I ввести церковное единообразие в пределах всего острова подтолкнуло пресвитерианских священников и старейшин к объединению. Пробудилось национальное чувство, которому, как казалось, угрожают английские порядки. В стране стали проходить собрания, на которых вырабатывалась общая линия поведения. Летом и осенью 1637 г. в Эдинбурге прошли первые народные волнения, сопровождаемые насилием против епископов. Шотландский Тайный совет советовал королю приостановить введение молитвенника, но Карл I остался непреклонен. Города, пресвитерии и приходы тем временем слали десятки прошений с требованием не вводить молитвенник. В сентябре 1637 г. в Эдинбурге прошло собрание 20 магнатов и свыше 80 священников, а также представителей от городов и приходов, дабы свести все петиции в единый документ. Так появилась петиция, поданная в Тайный совет от имени всей Шотландии. Но король не желал отступить. Он повелел Тайному совету покинуть Эдинбург, ввести молитвенник и наказать мятежников.

В октябре 1637 г. 30 магнатов, 281 лэрд, 48 горожан и 131 священник подписали обращенную к королю так называемую «Мольбу» (*Supplication*). Через некоторое время свои подписи под этим документом поставила половина шотландской знати. В середине ноября подписанты собрались в Эдинбурге, где из своей среды сформировали пять «столов» — комитетов, исполнительных органов, которые должны были оперативно реагировать на изменения политической ситуации. Так началось формирование параллельной, не подчиненной королю власти. Четыре «стола» представляли соответственно знать, лэрдов, духовенство и горожан, пятый — стал

руководящим органом, сформированным из делегатов от первых четырех. Лидером главного «стола» довольно быстро сделался Арчибальд Джонстон Уористон (1611 — 1663), юрист и публицист. Первое время король упорно хранил молчание, никак не реагируя на «Мольбу». Затем сделал примирительный шаг, издав прокламацию, абстрактно заявляющую о его ненависти к папизму. Приехавший в Лондон Траквер склонял короля к уступкам, говоря, что в противном случае для удержания страны в повиновении понадобится 40-тысячная армия. Но Карл I отослал казначея обратно с прокламацией, повергшей того в ужас.

19 февраля 1638 г. королевская прокламация была оглашена. Карл I настаивал на использовании молитвенника, за который брал на себя всю полноту ответственности. Петиционерам он обещал прощение, если они незамедлительно покинут Эдинбург и отправятся по домам. Упорствующим прокламация объявляла изменниками. Сразу же на улицы Эдинбурга и Линтлинтгоу высыпали толпы протестующих. В ответ «стол» издает акт, который получил название национального Ковенанта. Ковенант осуждал папизм, нововведения в церкви, предлагал вернуть порядки Якова I и призывал людей сплотиться. Следом прошла массовая компания по подписанию Ковенанта, что символически означало, что в стране возник союз, бонд, направленный против политики короля.

Летом Карл I был вынужден вступить в переговоры с ковенантерами, трижды посылая в Шотландию маркиза Гамильтона. Одновременно правительство приступило к формированию армии для подавления Шотландии. Ковенантеры тоже не питали иллюзий относительно ближайшей перспективы и закупили оружие в Голландии. Летом Гамильтон дал согласие на созыв Генеральной ассамблеи. Она открылась в Глазго в ноябре 1638 г. В нее ковенантеры сумели провести радикальных священников и светских старейшин. Кроме того, они призвали аристократов и дворян, подписавших Ковенант, собраться в Глазго, чтобы оказывать давление на членов ассамблеи. Когда ассамблея объявила о своем праве быть судьей епископам, Гамильтон попытался распустить ее. Но ему этого не позволили сделать, заперев дверь на замок. Когда дверь взломали и ему удалось покинуть сессию, заседать там остался самый богатый и влиятельный шотландский магнат, глава могущественного клана Кембеллов, граф Аргайл (1598 — 1661). Изданная Тайным советом прокламация о роспуске ассамблеи не возымела действия. В результате три недели спустя Генеральная ассамблея проголосовала за упразднение в Шотландии епископата, отмену Пертских статей, молитвенника, облачений и литургии. Здесь же было принято решение набирать армию и прозвучала мысль о том, что, начав борьбу за истинную веру, избранный шотландский народ заключил союз (ковенант) в самом Боге.

Шотландия, преисполненная религиозным пылом и патриотическим энтузиазмом, была готова противостоять вторжению из Англии. Мать Гамильтона заявляла, что убьет сына, если он приведет в Шотландию английскую армию. Но и сам Гамильтон сомневался в успехе такого предприятия. Он честно заявил Карлу I: «Полное завоевание этого королевства будет трудным делом. Их охватила такая злоба, что Вы не скоро вернете их в прежнее состояние. Они готовы совершить с нами то, что мы совершим с ними».

Война с Шотландией. Созыв Короткого парламента

Зиму 1639 г. стороны провели в подготовке к военным действиям. Карл I наивно полагал, что в Шотландии у него имеются многочисленные сторонники среди знати, которые поддержат вторжение. В марте 1639 г. ковенантеры захватили несколько крепостей, среди которых оказался Эдинбургский замок. В их руки попало не только оружие и порох, но и корона, скипетр и прочие регалии шотландских монархов.

К маю 1639 г. королевская армия численностью около 20 тыс. человек была сосредоточена у границ Шотландии. У этой армии была очень слабая мотивация. Половина пехоты состояла из отрядов ополченцев, которые по традиции формировались для защиты собственных графств. Они были неплохо обучены, но не хотели воевать вдалеке от дома. Вторая половина набиралась насильно из всякого сброда, включая выпущенных для этого из тюрем преступников. Для них в королевских арсеналах не нашлось достаточного количества пик и мушкетов. Командование было возложено на 54-летнего графа Эрандела, главу большой католической семьи. Он не имел никакого боевого опыта. Его заместителем стал много воевавший в Европе граф Эссекс (1591 — 1646). Одновременно король стал требовать от Томаса Уэнтворта, графа Страффорда, начать формировать армию вторжения в Ирландии.

Армия ковенантеров была лучше отмобилизована. Она набиралась преимущественно из волонтеров. Боевой дух ее солдат поддерживали вдохновенные речи пресвитерианских проповедников. Во главе армии был поставлен старый опытный генерал Александр Лесли (1580—1661), водивший в Тридцатилетнюю войну в атаку солдат шведского короля Густава Адольфа. По призыву «стола» из-за границы в Шотландию вернулись имевшие боевой опыт офицеры.

В конце мая 1639 г. обе армии встали друг против друга у Бервика. Одновременно немногочисленные шотландские роялисты начали военные действия на северо-востоке. Англичане не решились атаковать, шотландцы дожидались, пока будет подавлено выступление роялистов на севере. По инициативе Лесли начались переговоры с королем. В июне стороны заключили Бервикское перемирие. Шотландцы обещали распустить армию, вернуть захваченные крепости и реликвии. Король обязывался отвести в Англию свои вооруженные силы, созвать Генеральную ассамблею, которая решит вопрос о епископате, и шотландский парламент.

Собравшаяся в августе 1639 г. Генеральная ассамблея оставила свои предыдущие решения без изменения. Сразу же был созван парламент, в котором почти не оказалось лояльных королю депутатов. Страхась негативных решений, Карл I повелел сделать в работе парламента перерыв. Тогда в протесте, сочиненном Уористонем, депутаты продекларировали неслыханный революционный принцип: у короля нет права останавливать парламентскую сессию, не получив на это согласия депутатов. Затем парламент принял решение о том, что он в обязательном порядке должен собираться не реже одного раза в три года.

В сентябре 1639 г. в Лондон прибыл отозванный королем из Ирландии Страффорд. По его совету Карл I учредил Комитет по делам Шотландии. На одном из заседаний комитета Страффорд, поддержанный Лодом, впервые высказал мысль о необходимости для продолжения войны созвать английский парламент. Эта идея нашла поддержку у всех членов Тайного совета, за исключением «испанской» группировки.

Депутатов созывали, чтобы они дали денег для продолжения войны. Этот парламент за непродолжительность работы получил наименование «Короткого». Выборы в парламент отличались от всех предшествующих тем, что ряду соискателей депутатских мандатов пришлось реально состязаться за голоса избирателей. Сессия начала работу 13 апреля 1640 г. В парламент попало значительное число лиц, настроенных крайне критически по отношению к 11-летнему беспарламентскому правлению. Среди них выделялись граф Уорвик (1580 — 1658), виконт Сей (1582 — 1662), его сын Натаниэл Финнз (1608 — 1669), лорд Брук (1608 — 1643), Томас Баррингтон (ум. 1644), Ричард Найтли (1617 — 1661), герой дела о «корабельных деньгах» Джон Гемпдон и его адвокат в этом деле Оливер Сент-Джон (1598 — 1673), а также Джон Пим (1584 — 1643).

Джон Пим станет главным персонажем первых лет революции. До этого в его биографии не было ничего примечательного. До конца 1620-х гг. он служил клерком Суда Казначейства и надзирал за несколькими королевскими поместьями в разных граф-

ствах. Затем его можно было увидеть среди активных порицателей Бэкингема. В парламенте 1628 г. Пим выступал за принятие Петиции о праве. В 1630-х гг. он утратил свою должность и сблизился с покровителями пуритан графами Бэдфордом (1593 — 1641) и Уорвиком. Оба пэра создали специальную переселенческую компанию, которая должна была найти место на Карибских островах или в Америке и основать там колонию пуритан. Пим получил в этом предприятии место казначея и заработок. Многие будущие парламентарии, включая упомянутых выше, принимали участие в этом предприятии. Джон Пим не отличался крайностью взглядов, но готов был пылко защищать общее право, господствующие представления о правильном порядке управления, традиционные вольности и протестантскую веру, которой, как он полагал, угрожают Лод и арминиане.

Король просил палаты не затягивать дебаты и незамедлительно дать ему 12 субсидий (около 840 тыс. фунтов) для продолжения войны. Но выступления пуританина Френсиса Роуса (1579 — 1659) и Джона Пима увлекли палату общин совершенно в другом направлении. Оба оратора зачитывали свои речи, очевидно, изначально предназначая их для печати. Они демагогически убеждали остальных в том, что в стране якобы реализуется замысел «заключить союз с Римом», ибо уже сделаны послабления против католиков, восстановлены папистские порядки в церкви, при дворе много католиков, а власть все время покушается на исконные вольности и собственность подданных. Перечисленные злоупотребления, гремел Пим, стали возможны из-за отказа созывать парламент, хотя «по закону» ему надлежит заседать ежегодно. Риторика депутатов отозвалась в графствах, принявшихся слать в палату петиции с просьбой заняться лечением ран на теле государства. Король через своего лорда — хранителя Большой королевской печати Джона Финча (1584 — 1660) несколько раз пытался вернуть депутатов к вопросу о субсидиях, но они собирались работать по повестке, предложенной Пимом, т.е. сначала рассмотреть бедствия королевства, в том числе практику взимания «корабельных денег». Наконец в палате стали раздаваться призывы вообще остановить войну, которая ведется, как утверждалось, по прихоти епископов. В начале мая, не дождавшись субсидий, Карл I распустил парламент. На это лондонцы ответили первыми беспорядками.

Собравшийся вскоре комитет по делам Шотландии поддержал Страффорда, предложившего вести войну без парламентских субсидий. Предполагалось набрать 8-тысячную армию в Ирландии и продолжить сбор «корабельных денег». В обществе план Страффорда тут же стал интерпретироваться как предложение использовать ирландских католиков для подавления истинных

протестантов. «Корабельные деньги» практически перестали взиматься, ибо сборщики столкнулись с открытым сопротивлением и угрозами. Существовавшее долгое время единство провинциальных элит и власти разрушалось на глазах.

К лету 1640 г. ковенантеры подавили все очаги роялистского сопротивления на северо-востоке Шотландии. Они стали координировать свои действия с лидерами пуритан в Англии. Король в это время судорожно собирал и даже отнимал деньги, вербуя, как покажет ход дальнейших событий, еще более худшую, чем раньше, по качеству армию. Лесли был наготове. В августе 1640 г. он пересек границу и разбил английский корпус под командованием Конвея у Ньюберни. Эта победа имела большой смысл, ибо после 1388 г. шотландцы еще ни разу не разбивали англичан у них дома. Через несколько дней войска ковенантеров заняли Ньюкасл. Вскоре они контролировали уже 6 английских графств. В октябре 1640 г. правительство было вынуждено пойти на новое соглашение с ковенантерами. Шотландское присутствие в английских графствах продлевалось на срок до 6 месяцев. Оплачиваться оно должно было из пустой английской казны. День пребывания армии Лесли в Англии был оценен в 850 фунтов.

Ища поддержки, Карл I созвал Большой Совет пэров, архаичный и по сути феодальный институт, который в XVI в. собирался всего один раз. И пэры настойчиво посоветовали королю вновь поискать помощи у парламента. Те же «просьбы» содержались в петиции, подписанной 10 тыс. лондонцев.

Англия и примыкающие к ней королевства, несмотря на внешние угрозы и внутренние смуты, волнения и восстания, как минимум, почти век находились в устойчивом состоянии. Из относительного равновесия их не могли вывести ни демографический рост, ни удорожание предметов повседневного спроса, ни острые религиозные противоречия. Внешняя угроза, если говорить об Англии, скорее, укрепляла единство общества и власти. И в Англии, и в Шотландии носители суверенитета искренне считали его продолжением высшей божественной воли. Однако и они, и окружающая их политическая элита достаточно хорошо осознавали пределы, за которые можно устремляться в мыслях, но которые лучше не переступать на практике. При Карле I равновесие быстро начало разрушаться. Наверно, можно согласиться с теми, кто считает монарха виновным в последующих событиях гражданской войны. Он и его советники, действительно, вели себя неуклюже. Уже одного того, что елизаветинские вертикальные политические лифты оказались заблокированы, амбиции и честолюбие — не востребованы, с провинциальными элитами перестали контактировать, было достаточно, чтобы Британия начала опасно крепнуть и указывать на утрату былой устойчивости. Представляет

ся тем не менее, что такое объяснение будет слишком простым и поверхностным. Те социальные и экономические сдвиги, которые начались еще в XVI в., требовали соответствующего правового и политического оформления. С 1620-х гг. недовольство регулярно выплескивается в самых разных формах. Обратим внимание: когда при Елизавете Тюдор против короны поднимались провинциальные графства, столица всегда оказывалась на стороне королевы. Отдельные элитные группировки, отодвинутые от пьедестала власти и распределения монарших ласк и милостей, всегда бывают раздражены. Но при Стюартах это раздражение обрело значительную (не отсталую, заметим, не архаичную, а передовую) социальную базу. Отовсюду начинают подаваться сигналы монархии, что необходимо принимать решения. Нам представляется, что Карл I изолировал себя от общества не только потому, что заикался или не любил репрезентаций, а потому прежде всего, что не хотел слышать этих сигналов. Ценностные ориентиры короля и его советников просто не позволяли ни выработать, ни согласиться с теми ответами, которых ждали новые поколения жителей Англии, Шотландии и Ирландии. В предреволюционной Англии принято было проводить аналогию между человеческим телом и телом государства. При Карле I стали очевидны симптомы болезней всех трех подконтрольных ему тел. В Шотландии эти симптомы проявились в религиозной сфере, в Ирландии — в национальной и религиозной, в Англии — в финансовой, налоговой, сословно-представительной, религиозной областях. Но, как известно, болезнь поселяется задолго до обнаружения симптомов. Ее причины носят долговременный характер и коренятся в нашем случае в структурных сдвигах демографического, социального, экономического и политического характера.

РАЗДЕЛ II

РЕВОЛЮЦИОННАЯ БРИТАНИЯ

Глава 4. РЕВОЛЮЦИЯ НАЧАЛАСЬ. КОНСТИТУЦИОННЫЙ ЭТАП (1640 — 1642)

Периодизация

Начало Английской революции принято исчислять ноябрем 1640 г., когда открылось заседание парламента, получившего название «Долгого». Его непрерывная деятельность продолжалась 13, а с перерывами — все 20 лет.

Сознание историка устроено так, что склонно искать логику в прошлом. Оно требует заниматься клинометрией и группировать факты и события. В соответствии с этими принципами можно выделить следующие этапы в истории Английской революции. Первый этап датируется 1640—1642 гг. и называется конституционным. Он продолжался от начала работы Долгого парламента до начала первой гражданской войны. Вторым этапом (1642—1647) длился от начала первой гражданской войны до возникновения конфликта между победившей короля армией и Долгим парламентом. Третий этап (1647—1649) охватывал период второй гражданской войны и продолжался до свержения монархии, казни короля и провозглашения республики. Четвертый этап (1649—1653) — это деятельность республики. Он продолжался до разгона «охвостья» Долгого парламента и создания режима протектората. Пятый этап (1653—1660), который характеризуется попытками Оливера Кромвеля стабилизировать власть, продолжался до его смерти в 1658 г. и восстановления власти Стюартов в 1660 г. Выделение этих этапов обусловлено тем, что в ходе их создавались такие политические конструкции и принимались такие решения, которые казались совершенно не мыслимыми их творцам в недалеком прошлом. Иначе говоря, во время выделенных хронологических отрезков качественно менялась система политических отношений. Но, как известно, «есть у революции начало, нет у революции конца». Англия в полити-

ческом смысле не стояла на месте и в эпоху Реставрации (1660—1688), и во время осуществления Славной революции 1688 г. Сюда можно, впрочем, приписать правление королевы Анны, ведь при ней произошло окончательное объединение Англии и Шотландии, и мечта Якова I о Великобритании стала реальностью.

Начало работы Долгого парламента. Казнь Страффорда. Принятие первых конституционных законов. Мир с Шотландией

С созывом Долгого парламента у различных политических сил были связаны разные надежды. Король, по-видимому, совсем утратив реализм, полагал, что парламента предоставит ему субсидию для продолжения войны, поможет привести в повиновение шотландцев, восстановить в шотландской церкви епископат и ввести там Книгу общих молитв. Тайный совет советовал ему публично отказаться от сбора «корабельных денег» и сделать примирительные шаги в сторону подданных. Казалось, что такие действия могут принести нужные плоды. В ходе выборов в 18 графствах были составлены петиции о «бедствиях» королевства, адресованные парламента. Из них видно, что в начале сессии большинство депутатов помышляли лишь о восстановлении старинных конституционных норм, «фундаментальных прав», которые якобы действовали в славные времена королевы Елизаветы, и желали избавить английскую церковь от арминиан.

Выборы в Долгий парламента оказались еще более конкурентными, чем предыдущие. При Якове I более одной трети депутатов проводились в парламента верными ему придворными. Но сейчас из 552 депутатов придворных креатур было менее 15 %. В течение первых нескольких месяцев в обеих палатах парламента сформировалась оппозиционная группа, которая первые годы определяла поведение большинства депутатов. В верхней палате ее составили графы Эссекс, Уорвик, Бедфорд, виконт Сей, лорд Брук. В нижней палате в нее входили Джон Пим, Джон Гемпдон, Оливер Сент-Джон, Старший (1589—1655) и Младший (1613—1662) Генри Вены, Бенжамен Редьярд (1572—1658), Джон Колпеппер (ум. 1660), Джорд Дигби (1612—1677), Дензил Голлис (1599—1680) и др. Судьбы их сложатся по-разному: одни позже отойдут к пресвитерианам, другие — к индепендентам, кто-то встанет на сторону короля, некоторые погибнут. Но сейчас они были вместе и даже имели собственный план, который через государственного секретаря Генри Вена Старшего и его сына, занимавшего пост казначея флота, довели до сведения короля. Им хотелось продви-

нуть на государственные посты своих людей — отсюда постоянно встречающееся в парламентских документах и речах поношение королевских советников. Они предлагали назначить пресвитерианина графа Бедфорда лордом-казначеем, Джона Пима — его заместителем и сделать парламентские сессии регулярными.

Впервые оппозиционные лидеры опробовали свою силу на Страффорде, которого они обвинили в измене, и добились к концу ноября 1640 г. для него импичмента и заключения в Тауэр. За наместником в Ирландии последовал архиепископ Лод. Отдельное постановление предписывало бросить в тюрьму хранителя Большой королевской печати Джона Финча, который председательствовал в суде над Гемпдоном (дело о «корабельных деньгах»), и остальных судей по этому делу. Нападая на королевскую политику и королевских слуг, лидеры оппозиции опасались трогать короля. В декабре 1640 г. при поддержке вышедших на манифестацию полутора тысяч лондонцев палата общин принимает петицию «о корнях и ветвях», в которой выражается пресвитерианское требование упразднить епископат в Англии. В Лондоне с сентября находится делегация шотландцев, члены которой (а среди них был Уористон) активно контактируют с пресвитерианскими лидерами парламента и проповедают. К Рождеству 1640 г. палата общин в принципе согласилась предоставить королю четыре субсидии, чтобы он мог выплатить жалованье армии. В конце января 1641 г. было готово обвинение против Страффорда. Ему вменялось в вину то, что он выступал за войну с Шотландией и хотел привести ирландские войска в Англию. В ходе процесса граф отвечал, что изменник не он, а те, кто позволяет шотландским войскам находиться на территории страны. Созданный парламентом трибунал приговорил Страффорда к смерти, но Карл I соглашался только лишить графа должностей. Он даже намекнул делегации депутатов, что армейские офицеры намерены освободить советника силой. Джон Пим тут же раструбил эту весть. Весь апрель 1641 г. Лондон находился в состоянии, близком к панике. Толпы черни требовали крови Страффорда, лавочники закрывали амбары, полагая, что вот-вот начнется вторжение в город ирландцев, папистов или верных графу армейских частей. Под давлением народа и Генриетты Марии, которая опасалась за жизни членов семьи, король был вынужден утвердить смертный приговор. Страффорда казнили в мае. Свою кончину он принял достойно, сказав, что «кладет голову на плаху так же бодро и спокойно, как делал это всякий день, отходя ко сну».

В феврале 1641 г., опасаясь, что король из-за дела Страффорда может принять решение о роспуске палат, депутаты приняли очень важный закон, который предписывал собирать парламент раз в три года и предоставлял палатам право самим избирать себе

спикеров. Неохотно подписанный Карлом I «Трехгодичный акт» имел важнейшее конституционное значение, ибо вводил независимую от воли монарха периодичность парламентских сессий. Затем по требованию парламента король утвердил закон, согласно которому данный состав парламента мог быть распущен только с согласия самого парламента. Депутаты при этом ссылались на чрезвычайную обстановку в стране. Дальнейшие события покажут, что именно данный закон позволил парламенту превратиться в «долгий».

Как видно, часть своего плана группе Бедфорда — Пима удалось реализовать, но они не получили должностей, не были поставлены у руля государственного управления. Зачем Карл I шел на такие беспрецедентные уступки? По-видимому, причина была не в слабости или страхе короля, а в том, что он надеялся возобновить войну с шотландцами. Возможно, к лету 1641 г. к нему начало приходить понимание того, что у многих членов парламента существуют договоренности с шотландцами, которые хотят, чтобы пресвитерианская церковь стала единственной на всей территории Британии. Королю становилось ясно, что пока шотландская армия находится на территории Англии, у правительства не будет никакой свободы действий. Он объявляет, что готов заключить с шотландцами мир и собирается посетить Шотландию.

Летом прошел законопроект, упразднивший прерогативные суды — Звездную палату и Высокую комиссию. Затем парламента начал обсуждать вопрос об исключении епископов из палаты лордов и об отмене епископата в Англии. Известие о намерении короля поехать в Шотландию напугало депутатов. Им хотелось самим договариваться с шотландцами. Вскоре выяснилось, что те предпочитают получить решение от Карла I, которого по-прежнему считали государем. Более того, королю на пути в Эдинбург предстояло проехать через территорию, занятую английской и шотландской армиями. У депутатов стали обнаруживаться страхи, что король может договориться с шотландцами до того, что использует их полки для подавления парламента.

Надо сказать, что чем дальше заходили парламентарии в противостоянии, тем больше иррациональных страхов у них появлялось. Эти страхи и опасения звучали в пламенных речах депутатов, которыми они пугали своих соседей по скамьям и жителей столицы, отражались в распространяемых десятками листках и памфлетах. В итоге летом Лондон вновь находился в состоянии, близком к панике, которая собирала толпы вооруженных простолудинов. Их возбуждали парламентские краснобаи. Накалив обстановку, парламента просил Карла I не уезжать. Но когда тот в августе 1641 г. покинул столицу, парламента, расходясь на каникулы, создал во главе с Джоном Пимом специальный комитет,

которому поручил отслеживать ситуацию. Это был шаг на пути создания параллельного королевскому исполнительного органа власти. В дальнейшем парламент будет управлять страной через подобные комитеты.

В Шотландию Карл I прибыл в сопровождении делегации Долгого парламента. Здесь ему пришлось принять практически все условия, исходящие от ковенантеров. Теперь шотландский парламент должен был собираться каждые три года, только с его согласия король мог назначать чиновников и членов Тайного совета. В Шотландии сохранялась пресвитерианская церковь, епископы упразднились. Король амнистировал всех, кто бунтовал против него. Сделал Аргайла маркизом, Гамильтона — герцогом, Александра Лесли — графом, Уористона — рыцарем. Однако приезд короля еще больше ухудшил положение шотландских роялистов. Они потеряли много мест в шотландском парламенте. За спиной короля сопровождавшие его депутаты Долгого парламента вели переговоры с ковенантерами о координации действий. Король отказался назначить Аргайла канцлером Шотландии, но тот по-прежнему имел самое значительное влияние во всех правительственных структурах. С Аргайлом постепенно начал сотрудничать клан Гамильтона. Они оба находились в состоянии вражды с еще одним влиятельным магнатом — маркизом Монтрозом (1612—1650).

Восстание в Ирландии. Великая Ремонстрация. Первые вооруженные столкновения в Лондоне. Отъезд короля из Лондона. Девятнадцать предложений

В октябре 1641 г. открылась новая сессия Долгого парламента. На каникулах настроения многих парламентариев поменялись. Теперь им казалось, что после примирения с Шотландией и упразднения прерогативных судов фундаментальные старинные принципы управления восстановлены. Умеренных стало утомлять то давление, которое исходило от Пима и его сторонников. И здесь по Лондону поползли невероятные слухи о попытке короля организовать в Шотландии убийство Гамильтона и Аргайла. 1 ноября 1641 г. пришли известия о восстании в Ирландии, быстро обросшие фантастическими подробностями. Разнеслась молва о католическом заговоре в Ирландии, о десятках тысяч зверски убитых протестантов, вспоротых животах сотен беременных женщин и десятках поднятых на пики протестантских младенцев. Любопытствующие зеваки могли узнать, как английские и шот-

ландские беженцы, пребывающие в Честер, «свидетельствуют», что вожди ирландских септов действуют от имени Карла I.

В действительности произошло следующее: с началом революции и отъездом Страффорда поддерживаемый последним порядок и баланс сил быстро рухнули. Шотландские поселенцы Ольстера стали предпринимать вооруженные рейды на контролируемые ирландцами территории. Власти Дублина, напротив, начали скрупулезно следовать букве всех антикатолических законов. Ирландцы полагали, что в условиях происходивших в Англии беспорядков власть в Дублине слаба и англичане так и не сумеют договориться о мире с шотландцами.

Восставшие, возглавляемые ирландским магнатом Фелимом О'Нилом (ум. 1653), атаковали шотландские поселения в Ольстере и ряд из них захватили, перебив, действительно, много ни в чем не повинных людей. Другая группа восставших попыталась завладеть Дублинским замком, но его удалось отстоять. В ноябре 1641 г. правительственные войска были разбиты ирландцами у Дрогеды. Главы «старых английских» семей первоначально держались в стороне от происходящих событий. Они обращались к королю с просьбами о возврате «старинных» вольностей, привилегий и предоставлении права свободно исповедовать католичество. Однако Карл I в свете шотландских и английских событий не мог пойти на послабление католикам. Он опасался обострения ситуации в Лондоне. Тогда «старые англичане» провели съезд в Таре и объявили о том, что примут участие в восстании, но действовать будут отдельно от ирландцев.

Восстание ирландцев породило новый кризис в отношениях короля и парламента, позволило радикалам вернуть себе контроль над Долгим парламентом. Пим предложил парламенту сделать заем и оказать помощь шотландцам в Ирландии, дабы подавить мятеж. Кроме того, он возобновил сбор петиций о недостатках, имевших место в 11-летнее беспарламентское правление. Когда в конце ноября 1641 г. Карл I возвращался домой из Эдинбурга, по дорогам выстраивались толпы, чтобы поприветствовать его. Парламент же в это время приступал к дебатам по поводу сочиненной Пимом Великой ремонстрации, в которую были сведены собираемые в течение года обиды и петиции. Это был пространный, дерзкий и конфронтационный документ. Королю ставили в упрек деятельность прерогативных судов, которые уже были упразднены. Ему припоминали плохих советников, которые либо, как Страффорд, были уже мертвы, либо, как Лод, сидели в застенке, либо, как Финч, бежали за границу. Представляется, что парламент принимал данный документ с единственной политической целью — оправдать свое поведение и подготовить почву для дальнейших перемен. В частности, королю предлагалось рефор-

мировать церковь на пресвитерианский манер и назначать должностных лиц с согласия парламента. Ремонстрация принималась в жарких дебатах между умеренными депутатами и радикалами. В результате радикалы победили с перевесом в одиннадцать голосов (159 — «за», 148 — «против») и могли продолжать революцию.

В декабре король отверг Ремонстрацию, уволил Генри Вена Старшего с поста государственного секретаря, а Генри Вена Младшего — с должности казначея флота. Это был кризисный месяц, в течение которого произошло много событий, накаливших обстановку до предела. Отметим лишь некоторые из них. В декабре 1641 г. произошли перевыборы городского совета Лондона, куда прошло много новых близких Пиму по духу и взглядам людей. Одновременно в палате общин разыграли спектакль: с мольбой о помощи к ней обратилась группа поселенцев-протестантов из Ольстера. Они явились одетые в лохмотья, дрожащие от холода и со связанными руками. Еще в течение нескольких часов зачитывались донесения о чудовищных расправах. Современные исследователи подсчитали, что число убитых могло составлять приблизительно 4 тыс. человек, но в Лондоне из уст в уста передавали слух о 150 — 200 тыс. вырезанных ирландцами протестантов. Палата общин ирландского парламента прислала заявление, гласившее, что она «никогда не даст согласия ни на какое послабление в отношении папистов». Шотландцы предложили армейскую помощь для подавления инсургентов в Ирландии. Тогда английские общины, не считаясь с королевской прерогативой, начали рассматривать законопроект о наборе солдат для отправки в Ирландию. Король хотел сменить коменданта Тауэра, но протестующие толпы не дали ему этого сделать. После Рождества насилью со стороны пуритан подверглись несколько епископов. Когда 12 из них обратились к королю с письменным протестом, палата лордов отказала им в праве заседать здесь. Карл I, желая продемонстрировать остаток былой силы и величия, провел ужин со 120 верными офицерами. В ответ 30 декабря 1641 г. Пим пугал палату общин возможным заговором и потребовал выделить для ее охраны отряды лондонского ополчения под командованием графа Эссекса. Накануне нового года вооруженная толпа простого люда окружила Уайт-Холл. Верные королю офицеры и дворянская молодежь вступили с ними в схватку и некоторых ранили. С этого времени сражающихся за короля станут именовать «кавалерами», а сторонников парламента за короткую стрижку — «круглоголовыми».

В первых числах января 1642 г. Карл I сделал попытку напомнить о своей прерогативе и повелел парламенту подвергнуть импичменту одного лорда и пятерых депутатов — Пима, Гемпдона и Артура Гезльрига (ум. 1661), Дензила Голлиса и Уильяма Строда (1599 — 1645). Парламент отказался. Тогда король в сопровожде-

нии 400 вооруженных людей явился в палату общин и потребовал выдать ему пятерых коммонеров. Однако, предупрежденные накануне, они покинули свои места. Под возгласы депутатов «Привилегия! Привилегия!» Карл I был вынужден покинуть стены Вестминстера. На следующий день парламент переподчинил себе лондонское ополчение. В столице то там, то тут возникали собрания и манифестации с криками «Привилегии парламента!».

10 января 1642 г. Карл I покинул опасную для него столицу, чтобы через три дня прибыть в Виндзор и затем отправиться в Йорк. Отъезд короля и поведение парламента уже в начале 1642 г. ясно свидетельствовали, что стороны идут к открытому военному конфликту. Карл I подумывал об отъезде в Голландию и вербовке там солдат, с которыми можно будет вернуться на родину. Палата общин, вновь пытаясь реализовать план Бедфорда — Пима, послала королю требование об увольнении всех членов Тайного совета и о назначении новых, кандидатуры которых предложит парламент.

5 февраля 1642 г. парламент принимает Ордонанс об ополчении, которым переподчиняет себе ополчения графств. После того как король призвал подданных не выполнять закон, принятый без его согласия, обе палаты постановили, что Ордонансу «надлежит повиноваться», поскольку он якобы согласуется «с главными законами нашего королевства». 23 февраля на континент для сбора средств отправилась Генриетта Мария.

Зиму и весну 1642 г. король и парламент вели активную пропагандистскую кампанию друг против друга, стараясь приобрести и удержать контроль над провинциями. К этому времени ирландцы, во главе которых встал ветеран войны в Европе на стороне испанцев Оуэн О'Нил (1590 — 1649), добились значительных успехов. Становилось все очевиднее, что необходимо приступить к формированию армии. В феврале 1642 г. парламент принимает закон, который предполагал получение займа в 100 тыс. фунтов для набора солдат под будущие конфискации ирландских земель. Всего для подавления восстания на зеленом острове намеревались привлечь 1 млн фунтов. Затем деньги должны были быть возмещены земельными участками, отторгнутыми у ирландцев. Общий объем земельных конфискаций предполагалось довести до 2,5 млн акров, что составляло 18 % всех плодородных земельных площадей. Закон был подписан королем. Но всех волновал вопрос, кто будет назначать командиров в набираемые войска. По общему праву назначение должностных лиц являлось фундаментальной прерогативой монарха.

В Ирландии дела шли своим чередом. В апреле 1642 г. на острове высадился первый шотландский контингент — 2,5 тыс. солдат для помощи протестантам Ольстера. В конце октября 1642 г. католическое духовенство собрало в городе Килкенни Генеральную

ассамблею из представителей графств и городов, которая объявила о создании в Ирландии Католической Конфедерации. Генеральная ассамблея, созываемая ежегодно до 1648 г., стала верховной властью Конфедерации. В ее деятельности участвовали и ирландцы, и «старые англичане». Вскоре выяснилось, что среди конфедератов нет единства по поводу дальнейшего устройства страны. Большую часть ирландцев во главе с папским нунцием Джиованни Ринуччини (1592—1653) и католическим клиром мало волновала судьба Карла I. Они считали, что Конфедерация должна в полном объеме восстановить власть и влияние римско-католической церкви в Ирландии и независимость ирландского парламента. «Старым англичанам», некоторым ирландским магнатам и дворянам, напротив, было достаточно того, чтобы их допустили к занятию государственных должностей, не покушались на их земельные владения и проводили политику конфессиональной терпимости. Они призывали к скорейшему соглашению с Карлом I. Конфедерации противостояли «новые англичане» и шотландские пресвитериане Ольстера. Первые по преимуществу оставались роялистами, вторые были солидарны с восставшей против короля родиной. С 1642 г. руководил действиями этих сил Джеймс Батлер, герцог Ормонд (1610—1688). Его предки были католиками, но сам он перешел в протестантизм. От имени короля он командовал войсками, набранными еще Страффордом, и территориальными протестантскими частями. Со временем король назначит его наместником Ирландии. В 1642 г. Ормонд нанес поражение восставшим около городка Килруша.

В Англии окончательный разрыв между сторонами произошел после того, как парламент в начале июня 1642 г. направил Карлу I девятнадцать предложений. Фактически это были условия ультиматума. Королю предлагали впредь назначать всех должностных лиц и судей только с одобрения парламента. Парламент требовал права следить за воспитанием наследника. Кандидатуру его будущей супруги теперь тоже должен был одобрять парламент. Наконец, палаты требовали для себя права назначать лордов-лейтенантов, т.е. командующих провинциальных ополчений. Карл I ответил отказом. В пространном документе он, почти как когда-то Эд. Кок, Дж. Селден, Оливер Сент-Джон и другие юристы, не без основания упрекал депутатов в многочисленных нарушениях английского общего права и старинных установлений. Однако стороны давно уже вышли за рамки неписаной английской конституции. В парламентских листках и памфлетах король все чаще изображался тираном. В них проводилась мысль, что парламент выше монархии. Один из самых известных парламентских публицистов того времени — Генри Паркер (1604—1652) писал, что всякая власть исходит от Бога, но она должна функ-

ционировать в согласии с волей народа. В обычной обстановке, отмечал он, король и парламент являются носителями высшего авторитета и должны действовать в единстве. Если между ними возникают неразрешимые противоречия или монарх начинает превращаться в тирана, то следует повиноваться парламенту, поскольку тот представляет нацию.

12 июля 1642 г. парламент вотирует закон, предписывающий приступить к набору армии. А 22 августа король поднимает штандарт над Нотингемом, что означало начало войны.

Глава 5. ПЕРВАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Расстановка сил накануне гражданской войны

Изначально никто не верил, что война продлится долго. Депутаты полагали, что демонстрация силы принудит короля к переговорам. Роялисты ждали новых предложений парламента. В провинциях надеялись на достижение компромисса. Здесь многие, даже сочувствуя парламенту, не собирались идти за его радикалами, которые угрожали изменить привычный порядок вещей. Прививаемая веками лояльность в отношении монархии не могла быть отброшена в одночасье. Острые памфлеты и пламенные речи проповедников и пропагандистов, конечно, играли свою роль, но эти инструменты, которые с успехом можно было использовать в столице или в крупных городах, оказывались малопродуктивными в деревне. В большинстве графств дворяне сторонились участия в военных действиях. Одни графства официально заявляли о своем нейтралитете, другие отказывались зачитывать и парламентский Ордонанс об ополчении, и приказ короля прислать ополченцев ему в помощь. Нередко графства старались с помощью собственных ополчений не допускать проникновения отрядов противоборствующих сторон на свою территорию. В 1645 г. желание йоменов, зажиточных крестьян, мелкого джентри некоторых центральных, юго-западных графств и юга Уэльса избежать ужасов гражданской войны заставило их самоорганизоваться и породило движение клобменов. Объединившись в ассоциации и вооружившись часто одними дубинками, эти невоенные люди с большим или меньшим успехом оказывали сопротивление и войскам короля, и частям парламента.

Карл I проводил набор солдат и офицеров в Йоркшире и центре королевства, а парламент опирался на ополчение Лондона и восточные районы. В рядах обеих сторон было много ветеранов

войны на континенте. У Карла I, вступающего в войну с подданными, было всего 800 человек кавалерии и еще меньше пехотинцев. В самом начале конфликта король утратил флот, который он с таким трудом создавал последние десять лет. Экипажи кораблей выразили готовность повиноваться назначенному парламентом адмиралу Уорику, а не присланному королем адмиралу Пенningтону. Потеря военного флота означала, что контроль за морскими коммуникациями находится в руках парламента.

Первые победы и поражения. Реорганизация вооруженных сил и управления

Первое столкновение произошло в октябре 1642 г., когда парламентская армия во главе с графом Эссексом и королевские войска сошлись в битве при Эджхилле. Сражение не принесло победу ни одной из сторон, обозначив силу роялистской кавалерии и стойкость парламентской пехоты. После сражения Карл I двинулся на юг и разместил свою ставку в Оксфорде. Затем его войска даже подошли к пригородам Лондона, но, когда в ноябре у них на пути встала 20-тысячная армия, они вернулись в Оксфорд. Военные кампании в те времена напоминали сельскохозяйственные циклы. Весной принято было набирать солдат. Летом — их готовить и тренировать. Осенью — давать сражения. Зимой — договариваться о перемирии и на время затихать.

Появление королевских войск у ворот Лондона испугало парламент и поляризовало его. В нем образовалась группа депутатов во главе с пресвитерианином Дензилом Голлисом, которая получила от парламента полномочия вступить с Карлом I в переговоры по поводу возможных условий мира. Ей противостояли последовательные сторонники ведения войны. Их лидерами были индепенденты — молодой Генри Вен и Генри Мартен (1602—1680). Между этими двумя крайностями оказались сторонники Джона Пима. Парламент предложил королю, по сути, несколько смягченную редакцию тех же девятнадцати предложений, на которые король вновь ответил отказом. Едва начав консультации, стороны закончили их, поняв, что основная схватка впереди.

Поскольку на ополчения графств надежды было мало, то и Карл I, и парламента старались укрепить свои военные силы. В феврале 1643 г. в страну вернулась королева Генриетта Мария с собранными ею на континенте деньгами и закупленным оружием. Для короля солдат набирали влиятельные аристократы, которые командовали, а зачастую и содержали свои контингенты или даже армии. В Уэльсе это делал лорд Герберт (1608—1655), в цен-

тральных графствах — граф Дерби (1607 — 1651), на севере — граф Ньюкасл (1592 — 1676). К 1643 г. у парламента было две армии — в Лондоне под командованием Эссекса и в южных графствах под командованием Уоллера (1597 — 1668). Кроме того, началось формирование отрядов, во главе которых стояли набирающие их полевые командиры. Эти формирования содержались на деньги, собираемые в графствах. Территориально близко расположенные графства явочным порядком объединялись в ассоциации. Так появилась армия Восточной ассоциации, командиры которой признавали общее руководство графа Манчестера (1602 — 1671). В отличие от армий Эссекса и Уоллера, основой которых было лондонское ополчение, отряды восточной ассоциации набирались из волонтеров и содержались за счет местных налогов. В ходе войны как раз такой принцип набора солдат окажется более эффективным. Именно там, возглавляя отряды, встретились два будущих победоносных командующих парламентской армии — Томас Ферфакс (1612 — 1671) и Оливер Кромвель (1599 — 1658).

Революция, независимо от драматичности последствий, — это всегда время реализации человеческих инициатив и совершения не совместимых с традицией поступков. Для того чтобы организовывать жизнь людей в рушившемся мире, навязывать им свои представления о правильном и неправильном, нередко не только вести, но и гнать их к собственному идеалу, требовались личности с совершенно иным, чем прежде, пониманием лидерства или даже миссии. Такие персонажи нашлись и проявились. Довольно быстро в графствах стали возникать экстраординарные органы управления — комитеты, на которые парламент возложил заботу по сбору вводимых им налогов и набору солдат. Очень часто состав этих комитетов формировался из лиц, не входивших в провинциальную элиту и не имевших шанса стать мировыми судьями или получить другую влиятельную должность. Это были богатые фермеры, торговцы, почтенные ремесленники. В прежние времена они могли рассчитывать на членство в судебных жюри, на должности сельских и городских констеблей, церковных старост, попечителей бедняков. Революция и гражданская война предоставили молодым людям с амбициями возможность продвинуться либо в армии, либо в провинциальных комитетах. Нередко инициатива по неучастию графства в войне и сохранению нейтралитета также принадлежала таким личностям, а не традиционным носителям ответственности и держателям высших провинциальных должностей.

В военной кампании лета 1643 г. инициатива принадлежала роялистам, которым удалось одержать победы в целом ряде локальных столкновений. 18 июля кавалеры разбили круглоголовых в бою на Чалгров-фильде, где был убит командовавший полком

Джон Гемпдон, затем 5 июля — у Лэнс-дауна, 13 июля у Раундуэй-Дауна была уничтожена армия Уоллера. Наконец, 26 июля принц Руперт (1619 — 1682) овладел вторым по величине городом в Англии и важным портом Бристолем. Решающее сражение кампании 1643 г. произошло 20 сентября при Ньюбери, где армия во главе с королем встретилась с армией Эссекса. Кавалерия Руперта несколько раз прорывала оборону, но парламентская пехота, имевшая преимущество в артиллерии, отражала все ее атаки. В итоге сражение закончилось ничем. Эссекс вернулся в Лондон, а король несколько расширил контролируруемую территорию.

Смерть Джона Пима. «Торжественная лига и Ковенант»

Зиму 1643/44 года обе стороны потратили на подготовку новой кампании. Пресвитериане стремились продолжить реформирование церкви. Для этой цели с участием шотландцев была учреждена Вестминстерская ассамблея богословов. В декабре 1643 г. парламент потерял Джона Пима, умершего после длительной болезни. Несмотря на страдания, Пим с помощью Генри Вена Младшего сумел подготовить важное соглашение с Шотландией. В шотландском парламенте к этому времени примирительно настроенные в отношении короля ковенантеры утратили какое-либо влияние. Призывы Гамильтона не идти на союз с английским парламентом были услышаны только несколькими пэрами, но лэрды и представители городов поддержали предложение Кирки и Аргайла. В результате в сентябре 1643 г. обе страны заключили «Торжественную лигу и Ковенант» — договор, которым Англия брала на себя обязательства ввести пресвитерианское устройство в церкви в обмен на военную помощь Шотландии в борьбе с королем. По этому соглашению учреждался Комитет двух королевств — для координации ведения войны. Вступление в войну Шотландии кардинально меняло баланс сил в пользу Долгого парламента. Карл I, в свою очередь, уповал на помощь Ирландии, где в сентябре 1643 г. герцог Ормонд по его поручению временно установил религиозную терпимость и заключил перемирие с Католической Конфедерацией. Это дало ему возможность высвободить пять полков и отправить их в помощь королю. В январе 1644 г. по призыву монарха в Оксфорд приехали сохранившие ему верность пэры и примерно треть депутатов парламента. Так появился оксфордский парламента, который, впрочем, не имел ярких лидеров, способных всерьез помочь делу короля. Зимой 1644 г. в Оксфорде у Карла I побывал маркиз Монтроз, которому король

присвоил должность своего наместника в Шотландии и поручил набрать армию роялистов для того, чтобы открыть новый фронт против ковенантеров. Предполагалось на вербовать 2 тыс. солдат в Ирландии из родственных кланов и начать военные действия во владениях Аргайла. Однако экспедиция Монтроза потерпела полное фиаско. Кирка еще больше сплотила ряды ковенантеров. Монтроза предали анафеме, а враждебное население равнинной Шотландии заставило его уже в мае 1644 г. бежать в Англию. Впрочем, он там не задержался.

Реорганизация налогов и финансов

Готовясь к продолжению войны, стороны накапливали финансовые ресурсы. Парламент делал это за счет введения новых налогов. В частности, он установил ежемесячный платеж, расширив при этом число налогоплательщиков. Поскольку Долгий парламент контролировал только часть территории страны, парламентские налоги стали достаточно тяжелым бременем и были крайне непопулярными. Те, кто вчера отказывал королю пусть в сомнительных, но в общем-то скромных просьбах, теперь платил во много крат больше. Например, в Суффольке, где король в 1639 г. с трудом собрал 8 тыс. фунтов «корабельных денег», парламент в 1644 г. собирал по 7,5 тыс. фунтов ежемесячно. Население ненавидело парламентские комитеты, которые собирали налоги и к тому же постоянно конфликтовали с прежними органами управления — мировыми судьями, мэрами городов и др. Особенно раздражали людей многочисленные акцизные сборы на предметы массового спроса — пиво, табак, мясо и соль. Считается, что размер налогообложения за время революции увеличился в среднем в десять раз. Роялистская пропаганда вначале трактовала акцизы как свидетельство парламентской тирании, но затем и король стал взимать их на подконтрольной ему территории. Карл I пытался тоже создать систему сбора ежемесячных платежей, но она не была столь эффективной, как парламентская. Хуже всего было положение тех областей, по которым проходили противоборствующие армии. Там население нередко было вынуждено платить обеим сторонам конфликта. В гражданской войне солдаты противоборствующих армий вели себя так, как будто воевали на чужой территории, т. е. грабили мирных жителей. У роялистов этим особенно прославились части под командованием принца Руперта. Солдаты парламента, которым постоянно недоплачивали жалованье и значительная часть которых насильственно набиралась из разного сброда, тоже не брезговали мародерством. Но современники отмечали, что Кромвель, набиравший перво-

начально кавалерию из своих земляков — кембридширцев, решительно пресекал акты насилия над населением. В его частях, кроме того, было особенно много сектантов, которые воевали не столько за деньги, сколько ради установления царства Божьего на земле и нового пришествия мессии.

Марстен-Мур

Долгий парламент довольно скоро увидел первые плоды военного сотрудничества с Шотландией. Шотландская армия во главе с Александром Лесли вторглась в северные графства и стала концентрироваться под Йорком. После того как шотландцы соединились с армией Восточной ассоциации во главе с Манчестером и отрядами полевых командиров из северных графств, общее число этого парламентского войска составило 28 тыс. человек. Собранные вместе части принца Руперта, отряды Джорджа Горинга (1583 — 1663) и контингенты графа Ньюкасла, король сумел противопоставить им армию в 21 тыс. человек. 2 июля 1644 г. обе армии сошлись в решающем сражении при Марстен-Муре. В этой битве отличились кавалерийские части, которыми командовал Оливер Кромвель. Принц Руперт бросил свои эскадроны против левого фланга парламентской армии, где стояли круглоголовые Кромвеля и шотландская конница Дэвида Лесли (ум. 1682). Роялисты с возгласами «Бог и король» смяли солдат Кромвеля и привели их в замешательство. Сам Кромвель был ранен в шею и на некоторое время вышел из боя. Положение казалось критическим, но тут шотландцы Лесли ударили на Руперта с фланга. Кромвель получил передышку, перестроил свои части и с криком «С нами Бог!» вновь повел их на неприятеля. Кавалерия принца оказалась полностью разбитой. Вслед за соединениями Кромвеля в бой вступила пехота, заставившая роялистов бежать. И только полки герцога Ньюкасла стояли твердо. Истекая кровью, они были уничтожены почти полностью. В сражении роялисты потеряли всю артиллерию и амуницию, около 4 тыс. убитых и раненых, более 4 тыс. попало в плен. По преданию, за упорство, проявленное солдатами Кромвеля в сражении при Марстен-Муре, принц Руперт прозвал их «железнобокими».

После победы при Марстен-Муре парламентская армия быстро овладела Йорком и установила контроль над северными графствами. Победа парламента, по-видимому, произвела сильное впечатление на роялистов-дворян, которые априори были убеждены в своем военном превосходстве над простолюдинами. Опасаясь худшего, король был вынужден отправить королеву вновь в Европу.

Деятельность Монтроза в Шотландии

Свое поражение кавалеры сумели компенсировать на юге, где парламентские армии Эссекса и Уоллера попытались вытеснить короля из Оксфорда.

В конце июня роялистам удалось одержать победу над Уоллером. Карл I оттеснил армию Эссекса к Корнуоллу. 2 сентября 1644 г. король заставил Эссекса и старших офицеров оставить войска и бежать на корабле, а затем принудил саму армию к капитуляции. Удивительным итогом этой операции стало то, что король, разоружив парламентскую пехоту, отпустил ее домой.

Вернувшись в Лондон и получив оружие, солдаты вновь и гораздо более успешно воевали на стороне парламента. Обнадеживающие Карла I вести приходили из Шотландии. Здесь высадился контингент ирландцев, набранный из кланов Макдональдов и Маклинов, во главе с МакКоллой (1570—1647)¹. Вскоре к нему присоединился в качестве наместника короля вернувшийся на родину Монтроз. 1 сентября 1644 г. плохо вооруженный отряд МакКоллы и роялисты Монтроза разбили полностью обеспеченную и более чем вдвое превосходящую их армию ковенантеров под Типпермюером.

Надо сказать, что ирландцы пришли в Шотландию не столько для того, чтобы сражаться за короля, сколько для того, чтобы помочь своим соплеменникам из одноименных кланов свести счеты с кланом Кемпбеллов, возглавляемым Аргайлом. 13 сентября 1644 г., имея 1,5 тыс. человек пехоты и всего 70 кавалеристов, Монтроз наголову разбил у Абердина вдвое превосходящую армию лорда Берли. Сдавшихся ковенантеров беспощадно перебили, а Абердин был отдан на разграбление. Монтроз оказался предприимчив, решителен и удачлив. Он успешно действовал в горах, на севере Шотландии, постоянно обновляя после дезертирств свою маленькую армию. Ему много приходилось маршировать и маневрировать. С крошечными силами Монтроз раз за разом громил ковенантеров. Даже когда его на некоторое время покинули ирландцы МакКоллы, отправившиеся мстить и грабить Кемпбеллов, он с восемьюстами солдат встретил у Фейви-касла пятикратно превосходящую армию Аргайла, дал бой, прорвался и ушел в горы.

В декабре уже вместе с МакКоллой Монтроз вторгается в земли Кемпбеллов. На помощь соплеменникам спешит Аргайл. Армии встречаются в феврале 1645 г. у Иннерлохи, и Монтроз опять выходит победителем.

¹ Не исключено, что имя является прозвищем, поскольку означает «леворукый», «левша».

Противоречия внутри противоборствующих сил

В Англии 19 октября 1644 г. войскам шотландских союзников Долгого парламента сдался Ньюкасл. 27 октября 1644 г. произошло второе сражение при Ньюбери, где объединенные парламентские армии во главе с Манчестером нанесли поражение королю, которому все-таки удалось уйти от полного разгрома. Все призывы Кромвеля настигнуть роялистов и одним махом закончить войну Манчестером не были услышаны.

По мере эскалации войны стали видны противоречия, раскалывающие роялистов и буквально раздирающие сторонников парламента. После поражения при Марстен-Муре в добровольное изгнание во Францию удалился один из самых способных военачальников короля — герцог Ньюкасл, который постоянно конфликтовал с принцем Рупертом. Другой оппонент Руперта лорд Уилмот (1612 — 1658), состоявший в тайной переписке в графом Эссексом, был арестован и по решению Карла I изгнан из Англии.

Внутри парламентской армии нарастал конфликт между графом Манчестером, поддерживающими его шотландскими ковенантерами и Оливером Кромвелем. Помимо расхождений по поводу тактики и стратегии ведения войны это было еще открытое противостояние двух политических и религиозных позиций. Манчестер, парламентские пресвитериане и шотландские ковенантеры начали склоняться к поиску компромисса с королем. Еще в 1643—1644 гг. пресвитериане начинают реализовывать соглашение с ковенантерами и проводить церковную реформу. Они приостанавливают епископат, запрещают лицам, не принявшим Ковенант, занимать руководящие посты, а Вестминстерская ассамблея богословов высказывается за введение в церкви пресвитерианской модели. Пресвитериане пытаются убедить парламент отказаться от верховенства в церковных делах и передать его национальному синоду. Против навязывания пресвитерианами религиозного единообразия решительно выступила другая крупная парламентская группировка — индепенденты. В религиозной сфере индепенденты стояли за широкую свободу вероисповедания и богослужения, которая должна была распространяться на многочисленные диссентерские¹ секты, в большом количестве возникающие с начала революции. Помимо Кромвеля к индепендентам себя относили Генри Вен Младший, Оливер Сент-Джон, виконт Сей, лорд Уортон и др. В марте 1644 г. Кромвелю пришлось противостоять попыткам шотландских ковенантеров арестовать

¹ *Диссентер* (от англ. *dissenter*) — сектант, раскольник, несогласный.

одного из его полковников, по вероисповеданию баптиста, отказавшегося подписывать Ковенант.

В провинциях рос ропот недовольства парламентариями, которые под предлогом защиты абстрактных вольностей и свобод использовали законы военного времени, конфискации и экстраординарные финансовые поборы, т. е. делали все то, что их предшественники порицали в Петиции о праве. Кроме того, молва не без основания обвиняла депутатов в коррупции и стремлении к личному обогащению.

В конце 1644 — начале 1645 г. индепенденты в парламенте продвигают идею реформирования армии, а пресвитерианское руководство начинает новые переговоры с королем в Оксбридже. Парламент требовал введения пресвитерианства, контроля над вооруженными силами и передачи верховенства над Ирландией. В феврале 1645 г. переговоры были прерваны, ибо сторонам в очередной раз согласовать позиции не удалось.

Тем временем Кромвель и Уоллер предлагали объединить все три парламентские армии и заменить командование. Напряжение внутри парламентского лагеря достигло, видимо, такого предела, что в начале декабря 1644 г. пресвитерианские лидеры и шотландские ковенантеры всерьез обсуждали вопрос об импичменте и аресте Кромвеля.

«Армия нового образца». Казнь архиепископа Лода. Победы парламентской армии. Поражение Монтроза в Шотландии. Пленение короля

Выступая в парламенте, Кромвель говорил, что если не изменить методику ведения войны и не добиться быстрой победы, то уставший народ заставит парламентариев заключить с королем такой мир, от которого не будет ни почета, ни результата. Сторонникам решительных военных действий удалось убедить депутатов. В декабре 1644 г. парламент принимает Ордонанс о самоотречении, а в январе 1645 г. — Ордонанс о создании профессиональной армии, которую роялисты иронично назовут «армией нового образца». Первый документ запрещал совмещать должность армейского офицера и парламентария, благодаря которому вооруженные силы предпочли покинуть многие старые командиры. Второй документ создавал армию, подчиненную не своим региональным лордам, бывшим лордам-лейтенантам, полевым командирам, а единому командованию, содержащуюся за счет налогов. Реформа, кроме того, должна была поставить у руля нового мощного

военного образования людей, не принадлежавших к английской аристократии, но сделавших себе имя на полях сражений с войсками роялистов. Поэтому Ордонанс о самоотречении расколол палаты. Общинам потребовалось немало усилий, дабы убедить верхнюю палату одобрить его. Оба Ордонанса были очень важны, поскольку в стране фактически создавались общенациональные и профессиональные вооруженные силы. Принцип территориальности, когда ополчениями командовали представители местного джентри и аристократии, отступил перед требованием военной эффективности и политической целесообразности. Гражданская война на время подорвала влияние местных элит, которые были оттеснены от гражданского и военного управления. Но формирующаяся система и в силу своей экстраординарности, и в силу дороговизны не могла, очевидно, быть слишком долговечной.

Главнокомандующим новой, объединенной армии был назначен Томас Ферфакс, дворянин из Йоркшира, не имевший ни титулов, ни места в парламенте. У него был изрядный боевой опыт, ибо он воевал в составе английского корпуса в Нидерландах. В 1639 г., когда восстали шотландцы, он набрал свой первый отряд драгун и встал на службу короля. В конфликте между королем и Долгим парламентом Ферфакс сразу же принимает сторону парламента. Когда король прибыл в родной для Ферфакса Йорк, дабы призвать жителей города и графства встать на его сторону, Ферфакс участвовал в этом собрании, чтобы представить королю петицию, призывающую Карла I к примирению с парламентом. Перед выстроившимися рядами ополченцев, к которым обращался король, будущий генерал проскакал с листом бумаги и, игнорируя нежелание Карла I принимать петицию, с силой прикрепил ее к луке королевского седла. В гражданскую войну Томас Ферфакс не выказал ни разу политических амбиций, религиозной одержимости и ограниченности, успешно взаимодействовал с шотландскими ковенантерами и отдавал приказы, приводящие войска к победе.

Заместителем Ферфакса был назначен старый опытный вояка Филипп Скиппон (ум. 1660), до этого возглавлявший лондонское ополчение и пехоту в армии Эссекса. На его счету были и победы, и капитуляция собственной пехоты в Корнуолле. Скиппон, как и Ферфакс, не был сторонником ни одной из противоборствующих в парламенте и за его пределами религиозно-политических группировок.

Командующим кавалерии стал провинциальный дворянин из Кембриджшира, отец шестерых детей Оливер Кромвель. В первый год он был едва заметен в Долгом парламенте, ибо не отличался ни красноречием, ни убедительностью. Но он обладал той внутренней убежденностью в правоте избранного дела, которая

заставляла вставших за ним людей признавать его лидерство и повиноваться. Его манеры были просты, одежда — непритязательна. Кромвель по складу характера и образу жизни был практически человеком, обладающим твердым характером и организационными способностями. Именно они были востребованы начавшейся в 1642 г. гражданской войной между королем и парламентом. Набрав солдат, Кромвель из мирного провинциала быстро превращается в авторитетного и твердого командира. В армии Восточной ассоциации он становится одним из заместителей графа Манчестера. Поведение Оливера Кромвеля и его конфликты с армейским руководством свидетельствовали, что он человек принципиальный и политически амбициозный. По религиозно-политическим воззрениям Кромвель принадлежал к индепендентам.

Среди среднего и младшего состава армии нового образца было много людей без значительного боевого опыта, но религиозно убежденных и одержимых. Они не только командовали солдатами, но и постоянно их убеждали своими страстными проповедями.

В январе 1645 г. в период острых дискуссий, роста взаимного недовольства и подозрительности, накануне важных преобразований произошло еще одно существенное событие. После трех лет пребывания в Тауэре был отдан под суд и приговорен к смерти бывший архиепископ Кентерберийский Уильям Лод. Смерть на плахе 72-летний Лод встретил мужественно. Его пуританские оппоненты навязали ему на эшафоте богословский диспут о спасении души. Глядя в глаза смерти и своим многочисленным противникам, он подтвердил свои прежние убеждения, заявив, что надеется на спасение после смерти за сотворенные им при жизни добрые дела.

Накануне кампании лета 1645 г. не было единства внутри отвечающего за стратегию и планирование войны Комитета обоих королевств. Там были люди, которые не верили, что армия нового образца сможет переломить ход войны. Они не прекращали сноситься с эмиссарами короля. Комитет приказал Ферфаксу приступить к осаде Оксфорда, а частям шотландских ковенантеров — прикрыть восточные графства. В то время как руководство армии желало быстро закончить войну, ему фактически навязывали оборонительную стратегию. Она, правда, сыграла злую шутку с роялистами, у которых почему-то возникла иллюзия об изначальной слабости преобразованной парламентской армии. Карл I писал жене, что никогда его дело не казалось ему столь надежным, как сейчас.

Когда Ферфакс подошел к Оксфорду, там уже не было короля. В конце мая 1645 г. армия Карла I после штурма овладела Лестером, важной крепостью, которая прикрывала дорогу на север и восток. Победа короля заставила Комитет обоих королевств

скорректировать свой план и приказать Ферфаксу активизироваться.

14 июня 1645 г. королевская и парламентская армии сошлись у Нейзби, местечка севернее Нортгемптона. Король сам командовал роялистами. У него было намного меньше войск, чем у Ферфакса. «Кавалеры» Карла I рассчитывали стремительным натиском опрокинуть «круглоголовых».

По правилам ведения баталий тех дней в центре расположения войск стояла пехота, по бокам ее прикрывала кавалерия. Сражение началось с молниеносной атаки с правого фланга кавалерии роялистов под командованием принца Руперта. Роялисты занимали очень выгодную позицию на холме и, набрав скорость, врезались в стоящие напротив эскадроны зятя Кромвеля генерала Айртона (1611 — 1651). Айртон пытался удержать фронт. Он сам рубился с неприятелем, был ранен пикой в бедро и попал в плен, а его солдаты обратились в бегство.

Предчувствуя победу, торжествующий Руперт увлекся преследованием. Вслед за кавалерией Карл I повел в бой пехоту. Центр роялистов сошелся с пехотой Ферфакса. Парламентские солдаты заколебались, дрогнули, но Ферфаксу, введя в бой резервы, удалось выправить положение. Исход сражения решили «железнобокие» Кромвеля. Они напали на левый фланг кавалеров и разбили его. Кромвель некоторое время преследовал бегущих, но затем развернул основную массу своей конницы и ударил ею во фланг королевской пехоте. Та пришла в полный беспорядок.

Когда принц Руперт понял свою ошибку и вернулся, у Карла I уже не было пехоты: она либо бежала, либо сдалась в плен. Король сгоряча пытался призвать кавалеристов Руперта предпринять еще одну атаку, но силы были слишком неравны, и от этой идеи пришлось отказаться.

В руки парламентской армии попал весь обоз короля, вся артиллерия, боевые припасы. Король полностью лишился пехоты. Парламентская армия захватила кабинет короля и всю его переписку, которая в пропагандистских целях тут же была опубликована.

Сражение при Нэйзби практически полностью лишило Карла I армии. У него почти не осталось возможности к сопротивлению.

Теперь Долгий парламент мог приступить к подавлению западных графств, которые все это время оставались главным ресурсом роялистов. Ферфакс выделил для этого несколько отдельных бригад. Парламентские части овладевали одним городом за другим. 10 июля 1645 г. Ферфакс разбил роялистскую армию лорда Горинга при Лэнгпорте. 22 июля он овладел Бриджуотером, 30 июля — Батом. В начале сентября 1645 г. принц Руперт неожиданно для короля сдал Ферфаксу Бристоль. В начале 1646 г. кон-

троль парламента над западными графствами стал практически полным. Зиму 1645/46 года король провел в Оксфорде с остатками войск. В мае 1646 г. Карл I, переодевшись слугой, покидает Оксфорд и сдается шотландцам под Ньюарком.

К этому времени ковенантеры покончили с восстанием Монтроза. В течение почти всего 1645 года успех продолжает сопутствовать маркизу. В мае при Алдерне и в июле 1645 г. при Альфорде, потеряв половину личного состава, он по очереди разбил армии Уррея и Бальи. Опасаясь того, что Монтроз может через равнинную Шотландию попытаться вторгнуться в северную Англию, Александр Лесли отправил домой почти половину своей армии. За голову Монтроза была назначена награда в 1,5 тыс. фунтов. Но и Монтроз не собирался уступать. Постоянные победы притягивали в его армию шотландцев из горных кланов. Теперь его армия насчитывала 5 тыс. человек, с которыми он в августе еще раз разбил Бальи у Килсити и занял Глазго. Однако через месяц под Филипхоу он был внезапно атакован переброшенными из Англии частями Дэвида Лесли. Армия Монтроза была сокрушена. Сам он спасся, но воевавшие на его стороне ирландцы, включая сопровождавших женщин и детей, были в значительной части истреблены. Ковенантерам оказалось достаточно одной победы, чтобы вновь вернуть контроль над всей Шотландией.

Победы армии нового образца на поле брани никак не проясняли вопрос относительно условий грядущего мира. Монархическое правление большинству англичан, включая парламентариев (будь они хоть пресвитерианами, хоть индипендентами), казалось настолько естественным, что в 1645 — 1646 гг. никто не помышлял от него отказываться. Поэтому предстояли новые переговоры с королем и новые компромиссы. Бегство Карла I к шотландцам породило трения между ними и Долгим парламентом. Но шотландцы быстро добились согласия короля на сдачу парламенту остававшихся под его контролем крепостей и гарнизонов. Все они, включая Оксфорд, вскоре открыли свои ворота парламентской армии. 30 июля 1646 г. парламентская делегация представила свои предложения королю. От Карла I требовали учредить в стране пресвитерианскую церковь, согласиться на введение 20-летнего парламентского контроля за вооруженными силами и наказать более 50 своих верных сторонников. Но Карл I по-прежнему не желал отказываться от своих прерогатив и установления пресвитерианства. Об этом он заявил шотландцам и парламентским поверенным. Тогда ковенантеры, считавшие Карла I пленником, в начале 1647 г. передали его Долгому парламенту за 400 тыс. фунтов.

В феврале 1647 г. шотландская армия, получив все причитающиеся ей выплаты, покинула Англию и перестала на некоторое время быть фактором английской политики.

В 1646 г. парламент принял закон, уничтоживший право короля как верховного сюзерена над землей. Король лишился возможности опекать малолетних наследников и изымать доходы от их владений в казну. Рыцарское держание, на основе которого джентри владело в Англии землей, упразднилось, и владения превращались в свободно отчуждаемую собственность. Этот закон подтолкнул формирование в Англии земельного рынка.

Победы Католической Конфедерации в Ирландии

Поражение короля имело свои последствия в Ирландии. Герцог Ормонд еще в марте 1646 г. заключил новое соглашение с Католической Конфедерацией. Получив от имени Карла I очередную порцию заверений о том, что католиков допустят к занятию должностей и отменят все наказания за принадлежность к католицизму, конфедераты могли сосредоточиться на борьбе с шотландскими протестантами Ольстера.

В июне 1646 г. Оуэн О'Нил разбил шотландских пресвитериан у Бенбурга, а затем конфедераты овладели важным городом Бантратти. В начале февраля 1647 г. под давлением Ринучини и Оуэна О'Нила Католическая Конфедерация разрывает соглашение с Ормондом. Лидерам Конфедерации кажется, что они могут освободить весь остров. Армия «старых англичан» во главе с Престоном (1585—1655) и ирландцев под предводительством Оуэна О'Нила подступает к Дублину. Тогда Ормонд обращается к Долгуму парламенту, отказывается от должности наместника в Ирландии и просит прислать войска. Парламент откликается быстро и вскоре присылает в Дублин 2 тыс. солдат во главе с полковником Джонсом. Ормонд сначала едет в Англию, а затем, повидав короля, перебирается во Францию.

Глава 6. КРИЗИС 1647 г.

Пресвитериане и армия

Победа над королем должна привести к установлению гражданского мира и сохранить монархию. Таковым было фундаментальное общественное ожидание. Война заставляла многих людей в провинции с ностальгией вспоминать о спокойных предреволюционных временах, о внутреннем единстве страны, о низких

налогах. Стремление пресвитериан навязать религиозное единообразие и ввести аналогичную Шотландии церковную модель пугало английскую знать, дворянство и многих депутатов. Им казалось, что в Англии может возникнуть теократия. С осуждением относились в провинциях к многочисленным сектам и их экзальтированным лидерам, мнившим себя то мессиями, то про-роками.

Пресвитериане в Долгом парламенте вообще не собирались договариваться с королем. Они приступили к реализации плана, разработанного Дензилом Голлисом. Одна его часть касалась введения пресвитерианства в королевстве. В марте 1646 г. парламент принимает Ордонанс о пресвитерианском управлении в английской церкви. Он поручает Вестминстерской Ассамблее богословов систематически изложить символ веры новой церкви и практику богослужения. Пресвитерианские депутаты способствуют учреждению в Лондоне целой сети пресвитерианских классов. В палату общин представляется несколько законопроектов, призванных ограничить число сект, ересей, а также запретить светским лицам проповедовать. Принимается решение о продаже земельных владений епископов, а в октябре 1646 г. упраздняется и сам епископат.

Вторая часть плана имела отношение к подавлению Ирландии и реорганизации армии. Она была вызвана целым рядом экономических и политических обстоятельств. Население устало от войны. К тому же урожаи 1646 и 1647 гг. из-за проливных дождей были скудными, следствием чего стал скачок цен на продовольствие. В отдельных местностях наблюдался голод. Графства и города адресовывали парламенту десятки петиций, прося установить мир в королевстве. Они писали, что у жителей нет больше сил платить сомнительные налоги и содержать солдат. В столице, у стен Вестминстера, нередко возникали манифестации с аналогичными требованиями. Парламент не мог собрать деньги, чтобы содержать вооруженные силы, общая численность которых превышала 40 тыс. человек. Поэтому армию нового образца планировалось расформировать, предварительно выделив из нее те части, которые отправятся на зеленый остров совместно с сосредоточенной в западных графствах бригадой пресвитерианского генерала Эдварда Мэсси (1619 — 1674). Внутри страны планировалось сохранить 5-тысячный контингент кавалерии и гарнизоны в стратегических городах во главе с верными пресвитерианам людьми. Оставшиеся части и офицеры подлежали увольнению. Тем, кто должен был отправиться в Ирландию, не предоставляли выбора. Реализация плана Голлиса больше не предполагала какого-либо соглашения с королем. Его просто намеревались возвратить в Вестминстер, где бы он мог править на условиях, определенных парламентом.

18 февраля 1647 г. палата общин принимает решение о существенном сокращении действующих вооруженных сил. 8 марта парламент голосует за то, чтобы во главе набираемых для отправки в Ирландию частей назначались только офицеры-пресвитериане.

Пресвитерианам было невдомек, что у одержавшей победы армии может быть какое-то иное мнение. Раньше ее голоса не было слышно. Рядовой состав армии был приучен к дисциплине, которая поддерживалась суровыми наказаниями военного времени. Армейские офицеры придерживались самых разных религиозных позиций, но, пока шла война, это не сказывалось на политической сфере. У парламента перед армией накопилась значительная денежная задолженность.

В марте 1647 г. в полках началось брожение. Стали раздаваться требования выплатить задержанное жалованье. Солдаты и офицеры высказывались по поводу намерения отправить их воевать в Ирландию. За разговорами и речами последовали петиции, которые посылались главнокомандующему Томасу Ферфаксу и в Военный совет.

Любое промедление, тем более сопротивление, исходящее от армии, могло расстроить план Голлиса. 30 марта 1647 г. по его предложению парламент издал декларацию, объявляющую всех петиционеров «врагами государства».

Декларация парламента подтолкнула армейские низы к самоорганизации. Ряд полков выбрал из солдатской массы делегатов, «агитаторов», которые должны были координировать поведение армейских низов. Большинство агитаторов не имели ничего против роспуска своих полков, но настаивали на выплате жалованья и оправдании товарищей, объявленных врагами. Денег в казне не было. Их можно было получить только у лондонских финансистов и купцов, которые добивались снижения налогов и призывали к политической стабильности. Тогда Оливер Кромвель и еще ряд высших офицеров выступали против роспуска армии нового образца. Между тем пресвитериане начали вербовать волонтеров среди солдат Ферфакса и Кромвеля для отправки в Ирландию и ставить во главе вновь образованных полков надежных людей.

Ничто так не подталкивает людей к размышлению о собственной судьбе, как ее смутное будущее. Постоянные беседы об этом разогревали солдат и младших офицеров. Их настроения становились все более радикальными. Воюя с королем, многие из них полагали, что ими двигает десница Божья и что они, по меньшей мере, обретут почет и славу после войны. Вместо этого население мечтало об их увольнении. Депутаты подозревали их в измене, намеривались вознаградить участием в новой войне в Ирландии и подвергнуть инфильтрации. В апреле 1647 г. младший командный состав армии заявил о своей солидарности с солдатами. Руковод-

ство армии колебалось. Ферфакс симпатизировал тревогам солдат, но все время помнил о долге перед парламентом. В то время как Томас Ферфакс оставался генералом, Оливер Кромвель обнаруживал в себе черты упорного, ловкого, добивающегося поставленных целей политика.

Король, наблюдавший за происходящим со стороны, напомнил о себе 18 мая 1647 г., когда в палату общин поступило его послание с согласием ввести пресвитерианский церковный строй на ближайшие три года и установить парламентский контроль за ополчением на десять лет. 25 мая 1647 г. палата голосует за роспуск всех пехотных полков армии нового образца с выплатой солдатам 8-недельной задолженности. Тогда колебавшаяся до этого армия решается на открытое противостояние парламенту. 1 июня солдаты захватывают караван, перевозивший в Лондон собранные налоги. 3 июня 1647 г. кавалерийский отряд во главе с Корнетом Джойсом заставляет короля переехать в ставку армии. 4 июня 1647 г. проходит встреча агитаторов, на которой принимается решение, что армия не распустится до тех пор, пока не будут удовлетворены все ее требования. Здесь же принимается специальная декларация, адресованная Ферфаксу, которую подписали большинство офицеров и солдат. 5 июня 1647 г. зять Кромвеля Генри Айртон совместно с другими индипендентами и агитаторами сводит требование армии в специальное «Торжественное обязательство Армии». Еще девять дней спустя из-под пера генералов Айртона, Кромвеля и Ламберта (1619 — 1683) выходит «Заявление армии». В нем говорилось, что армия нового образца «не продажное» наемное войско. Она выступает за чистку Долгого парламента от ее врагов, за четкое определение продолжительности деятельности парламента, периодичность выборов, подтверждение права на подачу петиций и за свободу вероисповедания. Было ясно, что армия нового образца стала важнейшим политическим фактором. Внутри нее был образован Генеральный совет армии, куда кроме генералов вошли агитаторы.

Захват короля армией поставил крест на плане Голлиса. Пресвитерианам казалось, что Карл I может использовать армию нового образца в борьбе с ними. Уволившиеся из армии офицеры-пресвитериане и генерал Мэсси начали призывать парламент и населения Лондона организовать сопротивление взбунтовавшейся против гражданского правления армии нового образца. Король со своей стороны держал в напряжении парламент, намекая на возможность введения более умеренного и толерантного к инакомыслию религиозного порядка. 16 июня армия потребовала от парламента подвергнуть Голлиса и еще десять депутатов-пресвитериан импичменту и объявить их государственными изменниками. Но пресвитериане не спешили его выполнять.

Внутри армии все чаще и чаще слышались разговоры о тираническом режиме, который возник из-за несменяемости парламента, о продажности и коррумпированности депутатов. Агитаторы и армейские низы начали открыто призывать к походу армии на Лондон.

Катализатором событий стали беспорядки в столице, произошедшие в июле. В середине лета в Лондоне оказалось большое количество солдат из бывших парламентских армий, которые добивались выплаты им задержанного жалованья. В отличие от солдат армии нового образца многие из них покинули свои части, подчинившись решению парламента. Они оказались даже в более худшем положении, чем солдаты армии нового образца, поскольку в условиях политического противостояния об удовлетворении их нужд думали меньше всего. В столице начались беспорядки. В конце июля 1647 г. парламента несколько раз подвергался осаде вооруженных толп. Они требовали вернуть короля и организовать оборону столицы от армейских частей. Спикеры обеих палат и еще около 60 депутатов бежали к Ферфаксу, ища у армии защиты. И хотя парламента затем послал главнокомандующему письмо с просьбой воздержаться от введения войск в Лондон, Генеральный совет армии принял решение вступить в столицу. Это был очередной курьезный изгиб революционной политики. Взбунтовавшаяся ранее армия теперь могла войти в Лондон якобы для защиты депутатов и наведения порядка. Чтобы у городского совета и лондонского ополчения не было никаких иллюзий относительно намерений армии, их представителям сообщили, что армия возьмет столицу штурмом, если найдет ворота города запертыми. Накануне похода Генеральный совет армии представляет королю свой план урегулирования, названный «Главами предложений». Этот документ выработывался группой армейских генералов, включающей Кромвеля и Айртона, и парламентскими индипендентами Сейем, Веном, Уортоном, Сент-Джоном и др. В нем в еще более жесткой форме предлагалось реформировать избирательную систему, а также создать для управления страной Государственный совет, перестать преследовать тех, кто отказывается принимать пресвитерианство, и распустить Долгий парламента. От парламента требовалось подчинить все вооруженные силы страны единому командованию.

Перед вступлением армии в Лондон между королем, генералами Айртоном (который действовал с ведома Ферфакса), Кромвелем, полковниками Томасом Рейнсборо (ум. 1648) и Натаниэлем Ричем (ум. 1701) состоялись трехчасовые дебаты. Армейские гранды убеждали короля совместно выступить и подписать какой-либо согласованный план дальнейшего умиротворения и устройства королевства. Без такого документа их политическое

будущее рисовалось очень туманно. Напротив, его наличие в одночасье превращало бывших революционеров в оплот государственной стабильности и общественного порядка. Однако Карл I в очередной раз неадекватно расценил ситуацию. Он не прекращал торга с пресвитерианами. Ему казалось, что в споре бывших соратников право выбора останется за ним и он всегда сможет принять сторону тех, кто предложит бóльшую цену. Король, видя себя наместником Бога, мнил, что он волен поступать так, как вздумается. Карл I разговаривал с армейскими грандами высокомерно. С его уст слетело: «Вы ничего не значите без меня. Вы превратитесь в прах, если я перестану Вас поддерживать». Но лидеры сторон, ведущие с ним торг, были отнюдь не свободны. На них лежал груз ответственности перед массами людей. 3 августа 1647 г. армия входит в Лондон и сопровождает депутатов в Вестминстер. С ней не было короля, который, весьма вероятно, мог бы тогда сохранить собственную жизнь и положить конец противостоянию. Голлис и его соратники по парламенту вынуждены были бежать по большей части за границу. В Лондоне полки Ферфакса демонстрируют отменную дисциплину, показывая, что они не бунтари, а восстановители порядка. Поскольку в столице доминировали пресвитериане, армия сделала все, чтобы привести на ключевые посты индпендентов. Лордом-мэром Лондона и комендантом Тауэра стали назначенцы армии. Сооруженные укрепления вокруг столицы были срыты. Армии было выплачено в полном объеме жалованье за август. В сентябре парламент назначил Ферфакса главнокомандующим всеми вооруженными силами Англии.

Индпенденты и левеллеры

Само по себе появление армии в Лондоне не разрешало политический кризис. Теперь индпенденты контролировали палату лордов, но в нижней палате большинство мест по-прежнему принадлежало пресвитерианам. Они вновь отправили королю свои предложения по урегулированию конфликта. 9 сентября 1647 г. король порекомендовал палате приступить к выработке соглашения, взяв за основу армейские «Главы предложений». Письмо короля не содержало никаких внятных обязательств, однако усилило напряжение внутри радикального лагеря.

Дело в том, что противостояние армии и пресвитерианского парламента способствовало еще весной созданию в Лондоне временного союза между индпендентскими конгрегациями и более радикальной группировкой, именуемой левеллерами (от английского прилагательного *level* — ровный). Как и армейские низы,

левеллеры обращались к парламенту с петициями, требуя более широких гражданских свобод, включая свободу вероисповедания. Парламент, по аналогии с солдатами, объявлял их изменниками и заключал в тюрьму.

Движение левеллеров было основано группой радикалов во главе с Джоном Лильберном (1618 — 1657), Ричардом Овертоном (ум. 1663) и Уильямом Уолвином (1660 — 1681), которые были превосходными проповедниками и памфлетистами. Левеллеры имели свои организации в столице и в провинциях, собрания которых проходили, как правило, в тавернах. Своим наименованием левеллеры были обязаны, вероятно, самому Карлу I, которое в устах короля звучало как презрительная кличка для людей, не признающих различий между членами общества. Самый известный левеллер, Джон Лильберн, в это время сидел в тюрьме по решению палаты общин и время от времени обращал к армейским низам свои послания. Человеком он был неутомимым и харизматичным. Первый раз он попал в тюрьму и был бит плетью по приговору Звездной палаты в 1638 г. В 1643 г., сражаясь на стороне парламента, он оказался в плену у роялистов и, следовательно, в заключении. В 1645 г. за публично выраженное неприятие Ковенанта и проводимой пресвитерианами религиозной политики Лильберн попадает в застенки по решению верхней палаты. Заключение 1647 г. для Лильберна, таким образом, было четвертое. Лильберн много пишет о тирании парламента, обвиняя его в нежелании распуститься и допустить проведение свободных выборов. На его взгляд, тирания парламента может быть свергнута, как и тирания короля, силой оружия. Из тюрьмы Лильберн подбивал армейских агитаторов организовать поход армии на Лондон, дабы изгнать из парламента самых последовательных пресвитериан. Левеллеровская агитация находила живой отклик в сердцах солдат и младших офицеров.

Но уже в июле — августе 1647 г. между левеллерами и индипендентами возникают разногласия. К этому времени в Генеральном совете армии старшие офицеры — «гранды», как их стали называть, — уже полностью подчинили себе полковых агитаторов. В сентябре из Тауэра Лильберн обращается к солдатам армии нового образца с призывом больше не доверять «слишком уступчивым» агитаторам и старшим офицерам. Левеллеры все чаще и чаще демагогически обвиняют Кромвеля и других грандов в готовности принести в жертву примирения с королем пролитую солдатами в боях кровь. В начале октября 1647 г. пять кавалерийских полков, где семена левеллеровской пропаганды дали свои всходы, заявили о намерении сменить своих агитаторов в Генеральном совете армии. 18 октября вновь избранные агитаторы упомянутых пяти полков подписывают и представляют левеллеровскую програм-

му преобразований, озаглавленную как «Дело армии, правильно изложенное», где объявляют народ источником власти. Провозгласив идею народного суверенитета, левеллеры подчеркивали, что после народа верховным авторитетом обладают его представители. Далее в документе шло требование распустить в течение ближайших 9 — 10 месяцев парламент и предоставить населению возможность избрать новый. Предлагалось предоставить избирательное право «всем свободнорожденным» англичанам, достигшим 21 года, не поддерживающим в годы войны короля. Провозглашались требования провести реформу права и гарантировать свободу вероисповедания. Задолженность армии предполагалось выплатить, продав оставшиеся у церкви земли, а текущие выплаты производить за счет налогов, взимаемых с компаний Сити. Еще документ содержал многочисленные обвинения высшему офицерству в соглашательстве с королем, в том, что Генеральный совет армии ничего не сделал для облегчения участи простых солдат и народа страны.

21 октября Кромвель, выступая перед парламентом от своего имени и от имени Ферфакса, заверил депутатов в их твердом намерении оставить монархическое правление во главе с Карлом I. В конце октября — начале ноября 1647 г. произошло несколько заседаний Генерального совета армии в приходской церкви местечка Петни, куда из Лондона Ферфакс перенес свою ставку. Гранды и идущие за левеллерами армейские низы пытались одержать друг над другом полемическую победу. От лица грандов выступал, как правило, Айртон, позиция которого так или иначе была повторением «Глав предложений». Позицию левеллеров представляли полковник Томас Рейнсборо, агитатор Эдвард Сексби (ум. 1658) и лондонский левеллер Джон Уайлдмен (1621 — 1693).

Левеллеры накануне заседаний Генерального совета в Петни выпустили новый документ «Народное соглашение», в котором опять излагали идеи народного суверенитета и требовали расширения избирательных прав. В ходе конференции в Петни выяснилось, что индепенденты хотят восстановить в модифицированном виде старую систему управления с ограниченной властью короля и регулярно собираемым парламентом. А левеллеры и армейские низы называли это «нормандским ярмом», накинутым на шею англичан со времен завоеваний в XI в. Они предлагали создать новую систему правления, принятую по согласию «свободнорожденных людей». Всю полноту законодательной и исполнительной власти следует передать избранному народом парламенту. Но даже парламент, писалось здесь, не может накладывать каких-либо ограничений на свободу вероисповедания. В «Народном соглашении» не нашлось места ни монархии, ни палате лордов.

В ходе дебатов главным стал вопрос о степени соучастия народа в выборах парламента. Гранды не возражали против реформы избирательной системы и расширения числа избирателей, но они настаивали на том, что избирательное право должно принадлежать людям с «прочным интересом», т.е. тем, кто владеет собственностью и поддерживает государство своими налогами. По их мнению, места в парламенте следует распределить соответственно с вносимыми территориями налогами, т.е. более богатые и развитые графства должны были обладать в парламенте бóльшим числом голосов, чем бедные. Левеллеры же настаивали на более широком представительстве, соглашаясь оставить за рамками избирательной системы лиц, работающих по найму. По словам Рейнсборо, самый маленький и самый большой человек в Англии обладают одинаковым правом жить под таким управлением, с которым они согласны.

Бегство короля

8 ноября Кромвель приказывает прекратить прения, всем офицерам и агитаторам вернуться в свои полки до следующего созыва. Желая ободрить офицеров и солдат, он присовокупил к этому приказу письмо, адресованное спикеру нижней палаты с требованием выплатить жалованье армии за последние 6 недель, для чего предлагал увеличить ежемесячные сборы с населения с 66 до 100 тыс. фунтов, а также продать оставшиеся земли церкви.

В литературе давно уже высказывается предположение, что приказ Кромвеля был вызван полученными им сведениями о закулисных переговорах короля с шотландцами. Бывшие союзники обещали Карлу I военную помощь в обмен за введение пресвитерианства в Англии. 22 октября 1647 г. резиденцию короля посетил брат Гамильтона граф Ленарк, заверивший Карла I, что ковенантеры готовы предоставить ему армию, даже если он сам Ковенант не примет. Одновременно распространились слухи, что левеллеры и радикалы не только ведут переговоры с грандами, но и готовят покушение на короля. Существует также предположение, что за этими слухами стоял сам Кромвель, надевшийся подвигнуть короля к бегству, чтобы затем вновь его пленить и заставить принять условия индипендентов.

Как бы там ни было, но 11 ноября 1647 г., нарушая данное ранее слово, Карл I совершает побег из своей резиденции в Гемптон Корте и переправляется на контролируемый армией же остров Уайт. По непостижимой логике или под давлением непонятных обстоятельств он меняет просто одно место пленения на другое. Кромвель и высшие чины тут же восстанавливают дисциплину

и единство в армии. В середине ноября Ферфакс трижды проводил смотры различных полков на Корбушском поле. Некоторые из полков колебались. Их солдаты демонстративно прикрепляли к своим шляпам текст «Народного соглашения». Но лишь один полк выразил открытое неповиновение. Не успевший вспыхнуть мятеж был тут же подавлен. Один из вожаков, выбранный по жребию, был казнен. Левеллеры организовали и провели в знак протеста в Лондоне несколько манифестаций. В результате некоторых из них схватили и приговорили к тюремному заключению. Под предлогом недопущения дальнейших беспорядков армия вновь возвращается в столицу. В начале декабря 1647 г. финансисты и купцы Сити предоставили парламенту заем, позволяющий в течение последующих шести месяцев полностью расплатиться с теми, кто не покинул службу. Подконтрольная индепендентам палата лордов подготовила королю четыре предложения, которые общины облекли в форму законопроектов. Пройдя ускоренную процедуру утверждения, 22 декабря билли поступили к королю. От Карла I теперь требовали передать под контроль парламента все вооруженные силы сроком на двадцать лет; отменить все королевские указы и прокламации, изданные против парламента и армии с начала гражданской войны; аннулировать все пэрские титулы, розданные после 1642 г.; согласиться с тем, что парламент вправе сам определять место и время своих заседаний. Через два дня Карл I отверг парламентские законопроекты и подписал тайное соглашение (*Engagement*) с шотландцами, пообещав выполнить условия когда-то утвержденной парламентом «Торжественной Лиги и Ковенанта». Кроме того, он обязывался искоренить в стране «всех индепендентов, баптистов и сепаратистов любого рода». Возможно, на решение Карла I повлиял рост роялистских настроений среди уставшего от войны и жаждущего мира населения. В Рождество, празднование которого ограничивали аскетичные пресвитериане, случилось несколько манифестаций в Кентербери, Ипсвиче и Лондоне с требованиями вернуть короля и восстановить англиканскую церковь. Лишенные приходов англиканские священники рискнули выступить с церковных кафедр и читать прихожанам англиканский молитвенник. 28 декабря Карл I попытался бежать и переправиться через Ла-Манш. Но встречный ветер помешал его планам. Неудачный побег дорого обошелся королю: караул был удвоен, а верные люди удалены. Карл I превратился фактически в заключенного. 3 января 1648 г. парламент принял Акт о «необращении», запрещающий под угрозой обвинения в государственной измене вступать в какие-либо переговоры с монархом. Затем парламент распустил Комитет обоих королевств. 24 января 1648 г. заседавшие в нем шотландцы покинули Лондон.

Английское общество накануне новой гражданской войны

За год кризиса король полностью утратил доверие армейского руководства и значительной части парламента. Армия осознала свою силу, с помощью которой она, как оказалось, могла добиться нужного от депутатов решения. Больше всего потерял парламент, который в глазах народа Англии представлял власть, инициировал войну и упустил возможность установить мир. Возобновление военных действий для населения должно было обернуться новыми экстраординарными поборами, усилением давления со стороны нелегитимных и порядком надоевших комитетов графств, внесудебными («по законам военного времени») расправами и просто насилием. Ни у дворян, ни у простолюдинов не осталось никаких иллюзий. И действительно, к концу второй гражданской войны только поступления от акцизов составляли сумму в 330 тыс. фунтов ежегодно. Ежемесячный сбор к концу второй гражданской войны вырос до 120 тыс. фунтов, что в годовом исчислении соответствовало 18 парламентским субсидиям. Одна только задолженность армиям равнялась 3 млн фунтов стерлингов. Для сопоставления ежегодный доход королевской казны в предреволюционное время был равен 1 млн фунтов. Продолжает расти недовольство, а то и сопротивление органам экстраординарного управления. Комитеты графств воспринимаются как символы произвола и парламентской тирании. Все чаще и громче раздаются голоса вернуться к «старому, доброму» правлению. Об этом помышляют провинциальные элиты, которые оказались оттертыми от решения местных проблем худородными выдвиженцами. Сочиняются все новые и новые петиции в адрес парламента, где чаще всего встречается глагол «побудить». Парламент хотят «побудить» вернуться к переговорам с королем и восстановить мир. Провинциям кажется, что в противостоянии с королем парламент зашел слишком далеко. А поведение армии нового образца напоминает узурпацию. Учащаются случаи отказа платить налоги. В знак наказания в таких местностях расквартировывают солдат, которые сталкиваются с открытым неприятием идущих из столицы порядков. В Кенте запрет провести футбольный матч вызывает серию бунтов. В Норидже жители открыто празднуют годовщину коронации Карла I.

Провинции бурлят, и, идя им навстречу, Ферфакс и индипендентское руководство вооруженными силами начинают ре-

ализовывать решение о сокращении войск. Зимой 1648 г. была уволена почти половина личного состава, которому выплатили двухмесячное жалованье. Сокращения коснулись в большей степени подразделений, которые создавались на периферии и содержались графствами. В первую очередь были расформированы верные пресвитерианам части. Так, например, были уволены солдаты пяти полков армии Северной ассоциации графств, находящиеся под командованием пресвитерианского генерала Поинтза. Среди офицерского состава увольняли почти исключительно пресвитериан. Армия нового образца сократилась лишь на 4 тыс. человек.

Восстания в провинциях, столичные смуты, мятеж на флоте

Среди уволенных солдат и офицеров Уэльса вспыхнули волнения, которые в апреле 1648 г. переросли в роялистское восстание с требованием вернуть короля и англиканский молитвенник. Вслед за восстанием в Уэльсе последовали другие. В конце апреля поднимаются роялисты на севере. Под предводительством Мармадюка Лангдейла (1598 — 1661) и Филиппа Масгрейва (1607 — 1678) они захватывают города Бервик и Карлайл. Пресвитериане и парламент теряют своих сторонников даже в столице. Столичным жителям не нравится, что в феврале 1648 г. парламент вновь запретил деятельность театров. В Лондоне поднимают голову роялисты и англикане. В марте 1648 г. роялистская молодежь открыто отмечает на улицах столицы годовщину восшествия Карла I на престол, а в апреле проводит демонстрацию с возгласами «За короля Карла!». Для ее разгона вызывают войска, которые убивают нескольких протестующих. В начале мая Вестминстер подвергся осаде 3-тысячной толпы петиционеров из графства Сарри. На ее разгон Ферфакс отправил два полка. В ходе столкновения погибло около десяти человек. В Лондоне быстро растет численность сектантов и диссентеров. Утрачивающий реализм парламент принимает 2 мая 1648 г. Ордонанс о богохульстве, который предписывает карать смертью любой отход от пресвитерианства. Откликаясь на петиции провинций и городов, поток которых будет продолжаться до начала лета 1648 г., палата общин 28 апреля 165 голосами против 99 принимает декларацию, где говорит, что у нее нет намерения менять «фундаментальное правление королевства, состоящее из короля, лордов и общин». Но в конце мая парламент уже решительно заявляет, что не собирается возобновлять переговоры с королем.

В феврале — апреле 1648 г. попытались вернуть себе былую популярность левеллеры. Их лидеры — Лильберн и Уаилдмен — за написанные памфлеты были брошены в тюрьму. Усилия левеллеров возродить в армии институт агитаторов не имели успеха. Перед лицом неприятеля чувство солидарности и долга у солдат и офицеров превалировало над религиозными, идейными и социальными разногласиями.

Вторая гражданская война была серией спонтанных и организованных роялистских выступлений в провинциях, а также шотландским вторжением. По поводу войны с Англией у самих шотландцев были очень существенные разногласия. Им всем не нравилось, что английская армия вышла из повиновения парламента, что, как следствие, вопрос о пресвитерианском единообразии английской церкви поставлен под большое сомнение. В начале марта 1648 г. в Эдинбурге депутаты шотландского парламента бурно обсуждали достигнутое с королем соглашение и ситуацию в Англии. Парламентарии, тесно связанные с Киркой, решительно выступали против вторжения, считая войну слишком высокой ценой за утверждение в Англии пресвитерианства и Ковенанта. Их поддержали доминирующий в правительстве маркиз Аргайл и некоторые другие магнаты. «К месту» оказавшиеся перед окнами парламента женщины громко кричали, что не пустят своих мужей воевать. Противостояние между сторонами было столь острым, что ряд дворян и знатных лиц послали другу дуэльные вызовы. Духовенство организовало целую петиционную кампанию против войны. Одну из таких петиций подписали даже Александр и Дэвид Лесли. Однако сторонники соглашения с королем (ингейджеры) в этот раз оказались в большинстве. 4 мая 1648 г. шотландский парламент распорядился сформировать 30-тысячную армию вторжения. Поскольку ковенантер Дэвид Лесли отказался ею руководить, командование принял лидер ингейджеров герцог Гамильтон.

О планах шотландцев быстро стало известно в Англии, ибо маркиз Аргайл тайно переписывался с Кромвелем.

Первое сражение второй гражданской войны произошло 8 мая 1648 г. при Сент-Фегане, где войска полковника Хортон разбили повстанцев Уэльса. Несколько позже Кромвель привел в Уэльс еще пять полков. Накануне отъезда из Лондона в течение трех дней Кромвель собирал близких ему по духу офицеров-индепендентов и сектантов для совместных молебнов. В ходе их было решено, что король должен быть призван к ответу «за кровь, которую он пролил, и за то зло, которое он причинил Божьему делу и народу». Не успел Кромвель прибыть в Уэльс и осадить Пемброк, как восстал Кент и пресвитериански настроенный Эссекс. Затем вспыхнул мятеж на флоте. Своего нового адмирала, бывшего левеллера Томаса Рейнсборо, команда заставила покинуть флагман на

шлюпке. Только десять кораблей сохранили верность парламенту. Остальные либо поддержали восставших графства Кент, либо ушли на континент, где примкнули к наследнику престола принцу Уэльскому. В середине июня роялисты захватывают находящийся в 50 милях от Лондона Колчестер.

Восстание в Кенте продолжалось недолго. Уже 31 мая Томас Ферфакс полностью разгромил здесь большую, но плохо организованную роялистскую армию. Через неделю он уже контролировал почти все графство. 11 июня Кромвель после долгой осады заставил-таки капитулировать Пемброк. Трое сдавшихся руководителей восстания в Уэльсе были отправлены для суда в Лондон. 5 июля «круглоголовые» разбили роялистов в графстве Сарри, а их предводитель граф Голланд попал в плен. В середине июня Ферфакс приступил к умиротворению Эссекса, где роялисты заперлись в Колчестере. Они держались стойко, отразив предпринятый штурм.

19 июня группа роялистски настроенных подмастерьев захватывает армейский обоз с амуницией в Лондоне. Дабы поддержать порядок, в городе усиливается ополчение, во главе которого уже стоит пресвитерианин Скиппон. Гарнизон Тауэра также переходит под командование пресвитерианина. Пока лидеры армии пытались справиться с мятежом, парламент постарался вернуть себе политическое влияние. В начале июня палата общин снимает все обвинения, выдвинутые год назад против одиннадцати пресвитериан во главе с Голлисом, и некоторые из них появляются на ее заседаниях.

Вторжение шотландцев в Англию и новые переговоры с королем

8 июля 1648 г. границу наконец-то пересекла шотландская армия Гамильтона. Солдаты, которые за ним следовали, были жалким подобием воинов, воевавших когда-то с королем. Пресвитерианские священники и оппозиционная знать сделали все возможное, чтобы затруднить Гамильтону набор армии. В результате вместо 30 тыс. он вел с собой чуть более 10 тыс. плохо обученных и скверно вооруженных солдат. Проливные дожди, которые почему-то в этом году пришлось на июль, сразу же создали его полкам массу проблем и вызвали болезни. Правда, на севере к Гамильтону примкнули еще 3 600 человек Лангдейла. Шотландцы двигались в Ланкашир, дабы пополнить личный состав за счет тамошних роялистов. Им на севере противостоял небольшой, 3-тысячный, но хорошо обученный корпус опытного генерала Ламбарда. Ламбард не мог дать сражение, но сильно затруднял движение шотландцам

на юг. 14 июля из Пемброка вдогонку Гамильтону устремился с 4-тысячной армией сам Кромвель.

В Лондоне палата общин колебалась. В столице кое-кому стало казаться, что маятник успеха качнулся в сторону короля. Вначале депутаты объявляют шотландцев врагами, но затем выражают согласие возобновить переговоры с королем. С требованием освободить короля обращаются к парламенту купцы Сити.

Армейские генералы в эти тревожные дни, напротив, действовали без тени сомнения. В середине августа части Кромвеля и Ламбарда соединились. А 17 — 19 августа 1648 г. произошло сражение двух армий у Престона, в Ланкашире. Объединенные силы шотландцев и роялистов более чем на треть превосходили «круглоголовых». Первым делом Кромвель ударил по роялистской пехоте Лангдейла, которая после 4-часового упорного сопротивления была либо перебита, либо сдалась. Затем настала очередь шотландцев, которых он разбил по частям. Общее число пленных составило примерно 10 тыс. человек, в их числе оказался и Гамильтон. В конце августа Ферфаксу сдался Колчестер.

Но, несмотря на поражение роялистов и шотландцев, парламент отменяет свой Акт о «необращении» и в сентябре начинает с королем новые переговоры о примирении. От монарха вновь требуют принять пресвитерианское устройство церкви и признать парламентской контроль над армией. Виконт Сей, индипендент по религиозно-политической принадлежности, на коленях умоляет Карла I согласиться с предложениями палат. А Кромвель тем временем переходит границу с Шотландией. После того как известие о поражении Гамильтона под Престоном достигло Шотландии, там против его сторонников началось восстание, поддержанное Аргайлом и Александром и Дэвидом Лесли. Сторонники соглашения с королем были вынуждены покинуть Эдинбург, но у них сохранялись значительные военные силы. 4 октября 1648 г. части Кромвеля вошли в Эдинбург. Он не обнаружил среди шотландцев единства. Ковенантеры не приняли условия соглашения (*Engagement*) Гамильтона с королем, но и Кромвель им казался еретиком. Кромвелю не удалось убедить Аргайла и его людей принять английскую помощь, и через три дня он оставил Шотландию. Еще два месяца он провел на севере, подавляя последние очаги недовольства.

Прайдова чистка

На острове Уайт, где парламентская делегация пытается договориться с королем, Карл I неожиданно предлагает вернуть в церковь епископов. Переговоры с королем все больше настраивают солдат армии, сектантов и диссентеров против пресвитериан. Они пого-

варивают, что депутаты палаты общин пытаются ценой восстановления епископата и пролитой ими крови купить себе места в будущем королевском правительстве. И среди армейского руководства уже нет бывшего единства. Ферфакс не имеет ничего против соглашения с королем. Кромвель находится далеко. Айртон вступает в переговоры с солдатами, радикально настроенными офицерами и вернувшимися в политику левеллерами. Штаб-квартира армии опять оказалась засыпанной петициями полков с требованием либо очистить Долгий парламент от пресвитериан, либо, наконец, распустить его. В ноябре заседает Генеральный совет армии, который, несмотря на противодействие Ферфакса, принимает адресованную парламенту «Ремонстрацию». Ее текст, обогащенный идеями левеллеров, был написан Айртоном. «Ремонстрация» объявляет народ источником власти, с которым король разорвал контракт. Армейские победы являются свидетельством того, что Бог давно отказался от Карла I. «Ремонстрация» требовала положить конец переговорам, судить короля, распустить Долгий парламент и изменить систему парламентских выборов. Парламент не спешит рассматривать армейский документ, но как можно быстрее хочет достигнуть соглашения с королем. Тем временем из Йоркшира доставляют в Лондон тело убитого там роялистами легендарного полковника Томаса Рейнсборо. Похороны превращаются в грандиозную демонстрацию. 1 декабря 1648 г. палата общин отвергает армейскую «Ремонстрацию». В этот же день армия вновь входит в столицу и захватывает короля на острове Уайт. 4 — 5 декабря общины обсуждают вопрос о судьбе короля, но большинством голосов высказываются за продолжение переговоров на основе полученных от него ответов. Вечером того же дня Айртон проводит встречу с офицерами и несколькими радикальными парламентариями. Они решают очистить парламент от соглашателей.

Рано утром 6 декабря 1648 г. полковник Томас Прайд (ум. 1658) разместил своих солдат вокруг парламента и отдал приказ никого не впускать. Сам он встал у центральной двери со списком неудобных парламентариев в руках. Ему помогал лорд Грей-Гроби (1623 — 1657), который знал многих парламентариев в лицо. Индепендентов и их сторонников Прайд пропускал, пресвитериан оставлял за дверью. Когда пресвитериане стали протестовать, а некоторые даже попытались прорвать оцепление, Прайд арестовал строптивцев и запер их в подвале. Всего таковых оказалось приблизительно сорок человек. На вопрос, по какому праву их задержали, арестованные получили ответ: «По праву меча!» Всего из палаты было изгнано около 150 парламентариев.

В народе акция полковника Прайда получила наименование «слабительного», или «чистки» (и то и другое на английском языке обозначается одним словом «*purge*»). Оставшиеся члены

парламента, метко прозванные «охвостьем», аннулировали все договоренности с королем и постановили заключить в тюрьму пресвитерианских лидеров.

Суд и казнь короля

Кромвель приехал в Лондон 7 декабря. Однако судьба короля и страны еще не была определена. Сам Кромвель колебался и проводил многочисленные переговоры. Обсуждался план отречения короля и передачи власти его младшему сыну, герцогу Глостерскому. Не исключалась даже возможность сохранения Карла I на троне, если он откажется от реальных властных полномочий. Но и в этот, последний раз король отказывался обсуждать подобные проекты. 1 января 1649 г. палата общин принимает Ордонанс о создании для процесса над королем специального Высокого суда. Поколебавшись неделю, его утверждает верхняя палата. Поскольку главные судьи королевства уклонились от сомнительной обязанности возглавить трибунал, его председателем стал главный судья графства Честер Джон Брэдшоу (1602 — 1659). Он был убежденным республиканцем и другом индпендента, поэта и публициста Джона Мильтона (1608 — 1674). Последний издает в это время трактат «Обязанности королей и магистратов», где доказывает, что подданные вправе сместить и предать казни монарха, если тот начинает править как тиран, не считаясь с народными вольностями и законами страны. Из 135 назначенных судей на заседания являлось не более 60 человек. А такие видные деятели революции, как Вен, Скиппон, Ферфакс и другие, не присутствуют ни разу. 27 января королю Карлу I был вынесен смертный приговор, приведенный в исполнение при огромном стечении народа спустя три дня. Радикалы восприняли этот акт как простое возвращение власти ее источнику — народу, а роялисты — как бунт против установленного самим Господом порядка.

Глава 8. РЕСПУБЛИКА

Провозглашение республики. Новая конфигурация государства

Переворот конца 1648 — начала 1649 г. был подготовлен и реализован политически активным армейским и парламентским меньшинством. В 1650—1651 гг. с теоретическим обоснованием

произошедшего выступил узкий круг республиканцев-интеллектуалов, включающий Милтона и Нидхэма. Они апеллировали к республиканскому опыту Античности и мечтали превратить Англию в «новый Рим» западного мира. Однако их умозрительные построения мало кого убеждали. Казнь законного, Богом помазанного монарха ужаснула страну и шла абсолютно вразрез с представлениями и желаниями столичных и провинциальных элит. Никто не знал, когда этому будет положен конец. Но все задумывались над тем, какая конструкция возникнет на месте старой. Большинство, как в Средние века, продолжали верить в то, что правильным и истинным является тот порядок вещей, который опирается на вековую традицию. Данное обстоятельство делало изначально положение «охвостья» и возникающего режима нестабильным и ненадежным. Его основной опорой была армия, главными союзниками — разнородные сектанты, предрекающие скорое установление царства Божьего на земле и второе пришествие Христа.

После чистки в палате общин осталось всего 70 политически активных депутатов. Поскольку представительный орган выглядел, таким образом, малопредставительно, депутаты позволили вернуться на скамьи еще 70 своим коллегам, согласившимся отозвать свои голоса при голосовании 5 декабря 1648 г. Проведенные в стране довыборы также несколько пополнили палату. Однако ее общая численность едва превысила 200 человек. На заседаниях, как правило, никогда не присутствовало более 50 депутатов. В начале февраля 1649 г. общины упраздняют верхнюю палату и монархию. Парламент становится высшим и единственным носителем суверенитета. В мае 1649 г. Англия провозглашается республикой. Вся полнота исполнительной власти передается новому органу — Государственному совету. В Государственный совет вошел 41 человек, из которых 31 являлись депутатами парламента. Армию представляли Кромвель, Ферфакс и Скиппон. Кандидатуры Айртона и полковника Томаса Гаррисона общины отвергли. Поскольку Кромвелю вскоре пришлось воевать то в Ирландии, то в Шотландии, а Ферфакс старался по возможности не появляться на заседаниях, победившая армия практически не имела прямого влияния на Государственный совет. Надо сказать, что Государственный совет так и не сумел превратиться в настоящее правительство. Чуть ли не половина его членов тут же ушли в отставку. Заседания проходили, как правило, в присутствии 10 — 15 членов.

Наиболее влиятельными членами парламента и Государственного совета времен республики являлись Оливер Кромвель, Артур Гезльриг и Генри Вен Младший. Они не хотели, чтобы республика превратилась в олигархический режим, опирающийся только на армию. Одновременно их пугали планы, исходящие от

многочисленных сектантов и радикалов. Кромвель никогда не был радикалом. Он всегда последовательно ратовал за английские традиции, право частной собственности и за свободу совести, вступая в конфликт в первых двух случаях с королем и левеллерами, а в третьем — с шотландскими ковенантерами и английскими пресвитерианами. Присущий Кромвелю традиционализм или даже консерватизм заставлял его еще в декабре 1648 г. пытаться договориться с королем.

Однако мэры провинциальных городов и мировые судьи графств ничего не знали о традиционализме и консерватизме «охвостья» и лидеров Республики. Они с тревогой ждали, что перемены в гражданском управлении коснутся и провинций. Угроз, исходящих из столицы, которая, по их мнению, и так зашла слишком далеко, становилось все больше.

Предлагаемые альтернативы. Секты

Если элиты графств были напуганы, то левеллеры и сектанты оказались разочарованными. Они ждали дальнейших перемен, включая социальные. В своих памфлетах левеллеры заявляли, что режим во вновь созданной республике является простой сменой тирании короля на тиранию парламента и Государственного совета. По их мнению, следовало облегчить участь бедных, провести перераспределение богатств, начать реформу избирательной системы. Они зовут солдат армии разорвать «новые цепи» Англии и захватить власть от имени народа. В марте 1649 г. Лильберн и еще трое лидеров движения были брошены в Тауэр. Очень быстро выяснилось, что левеллеры растеряли в столице изрядную долю былой популярности. На поданную в защиту Лильберна с товарищами петицию женщин никто особенно не обращает внимания. А вставшая было на их защиту влиятельная в Лондоне община баптистов вскоре заявляет о своей лояльности к властям. Несколько бóльшего успеха левеллеры добились в армии, которая опять выражала недовольство накопившейся задолженностью и желанием уже нового руководства страны сократить численность вооруженных сил и использовать войска для войны в Ирландии. В полках даже начинает ходить молва, что Кромвель превращается во второго Голлиса. В апреле в Лондоне восстал полк под руководством левеллера Роберта Локира, быстро усмиренный грандами, а его командир был казнен. В мае подняли мятеж два полка в Оксфордшире, преследовать которых отправились лично Ферфакс и Кромвель. Генералам удалось окружить мятежников в Берфорде и вынудить к сдаче. Лидеры мятежа были расстреляны. События весны 1649 г. показали, что армейское руковод-

ство сумело извлечь уроки из событий 1647 г. и что армия в своем большинстве остается верна командованию. Выпущенные затем из тюрьмы лидеры левеллеров отходят на время от активной политической жизни.

После объявления республики главными ее оппонентами являлись недовольные победой индепендентов пресвитериане и несогласные со свержением монархии роялисты. Но были еще и ратующие за установление социального и политического равенства многочисленные сектанты. С началом революции в Англии появилось большое количество различных сект, лидеры которых нередко отвергали всякую власть и полагали, что постичь Бога можно и без чтения Библии. В годы гражданской войны сектанты воспринимались как естественные союзники армии. Кроме того, ряд высших офицеров разделяли верования тех или иных сект. После победы революции сектанты, — видимо, самая активная и беспокойная часть английского общества — жаждали дальнейших перемен. Свое видение будущего Англии они представляли в проповедях и многочисленных отпечатанных памфлетах и листках, которые просто наводнили крупные города. Лондонский книготорговец Джордж Томасон (ум. 1666), как будто желая облегчить жизнь будущих исследователей, собрал обширную (хотя и не полную) коллекцию таких публикаций. Она показывает, что между 1640-м и 1660-м гг. в стране было издано свыше 21 тыс. памфлетов и листов. Но если в пульсации глоток и вен сектантов слышалось: «Перемен мы ждем, перемен!», то влиятельные элиты графств и городов давали понять Кромвелю и «охвостью», что нуждаются в стабильности. Всю дальнейшую политику 1650-х гг. можно считать своеобразным колебанием между этими двумя крайностями с целью формирования устойчивого политического и административного порядка.

Парламент и власти 1640 — 1650-х гг. многократно издавали Ордонансы против печатания памфлетов и листов, но эти меры не были действенными. Наиболее известными и влиятельными сектами того времени были «люди пятой монархии» (милленарии), диггеры, баптисты, рантеры, квакеры. Члены сект отошли от положения, что к Богу можно прийти только через Писание. Они считали, что Господь непосредственно влияет на человека. Через благодать Бога необразованный простолюдин может познать истину лучше, чем величайший богослов. Далее следовало отвержение государственной церкви и поставленного ею духовенства.

Все сектанты жили в эмоциональном ожидании скорейшего второго пришествия Христа, или, по их выражению, «короля Иисуса», который в течение последующей тысячи лет будет править на земле вместе с воскресшими праведниками. По мнению «людей пятой монархии», казнь Карла I можно расценивать как

знак, свидетельствующий о приближении царства Христа¹. Но пока Иисус не пришел и не стал править персонально, следует образовать синагог из праведников, которые будут осуществлять контроль за правительством. «Люди пятой монархии» были политически очень активны: они подавали петиции в парламент и вербовали сторонников в армии. Сам Кромвель разделял многие миллениаристские взгляды, считая, правда, что установление «царства Христа» следует понимать в духовном плане — как его укоренение в человеческих сердцах, а не как его материализацию на земле.

Диггеры и квакеры считали, что Бог не является чем-то внешним по отношению к человеческой душе. Он находится в ней, проявляясь в виде праведного озарения, или «божественного света». По мнению лидера диггеров Джерарда Уинстенли (ок. 1609 — ок. 1676), люди изначально должны были жить общинами и совместно обрабатывать землю, которая была для них сотворена Богом. Диггеры ратовали за возврат к общинному образу жизни и коллективному владению землей. Выступая за социальное равенство, диггеры сами иногда называли себя «истинными левеллерами». Особенность движения состояла в том, что оно носило исключительно мирный характер. Его последователи пытались вдохновить людей личным примером, начав в 1648 — 1649 гг. обрабатывать пустоши в графстве Сарри. Но под давлением соседей и войск поселения диггеров вскоре были ликвидированы, а само движение сошло на нет. За устранение всяких социальных различий выступали и квакеры², поскольку внутренний свет, пребывающей в душе, учил их вождь Джордж Фокс (1624 — 1691), не делает различия между богатым и бедным, знатным и простолюдином. Сам он демонстративно ни перед кем не снимал шляпы и обращался ко всем на «ты».

Рантеры заявляли о том, что подлинные праведники стоят выше закона. Избранные и чистые всегда таковыми остаются. Они не занимаются трудом. В общинах рантеров широко была распространена общность жен и не возбранялось богохульство. Пожалуй, только баптисты, считавшие истинными христианами тех, кто принял крещение в сознательном возрасте, не до-

¹ Представление о «пятой монархии» строилось на истолковании пророчества библейского пророка Даниила, который предсказал царю Навуходоносору, что на развалинах его царства (Вавилонского) возникнут последовательно «другое царство... и еще третье царство, медное... А четвертое царство будет крепко, как железо... и во дни тех царств Бог Небесный воздвигнет царство, которое во веки не разрушится, ...оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно». В этом же пророчестве Даниил предсказывает появление Христа. См.: Дан. II, 39, 40, 44; X, 24 — 27.

² От англ. *quaker* — трепещущий, трясущийся.

ставляли большого беспокойства, поскольку их доктрина предполагала признание действующих законов и существующей власти.

В целом религиозная политика «охвостья» была толерантной. Оно окончательно упразднило епископат и обязательный ранее официальный молитвенник. Упразднено было, таким образом, ненавистное сектантам и католикам обязательное посещение официально установленных богослужений. Но и индипенденты не собирались мириться с открытым поношением Господа или проявлениями адюльтера. Между апрелем и июнем 1650 г. парламент принял несколько законов против сектантов и восстановил обязательность посещений воскресных богослужений. В августе 1650 г. был издан Акт о богохульстве, нацеленный преимущественно против рантеров. В сентябре были отменены старые законы против католиков-рекузантов. Однако новый закон предполагал обязательное участие католиков в каких-либо других формах публичного богослужения.

Роялистские угрозы

Главными активными противниками нового режима стали роялисты и отстраненные от власти пресвитериане. Очень скоро Шотландия провозгласила сына казненного монарха своим королем Карлом II. Ирландские территории, находящиеся под контролем роялистов, также признали его своим монархом. Большинство населения Англии было готово последовать их примеру. «Охвостье» Долгого парламента не без оснований ожидало численного роста роялистов. Косвенным свидетельством того, что число сторонников монархии ширилось, стал выход из печати написанного священником Джоном Годеном (1605 — 1662) произведения «Царский лик». Оно содержало пересказ размышлений и личных переживаний покойного короля Карла I в плену. Это сочинение, позднее дополненное молитвами, речами и фрагментами из личной переписки короля, выдержало в год его казни 35 изданий и стало по меркам тех дней бестселлером. В итоге в сентябре 1649 г. парламенту пришлось ужесточать специальным актом цензуру и контроль за печатной продукцией. Время от времени суду предают и потом казнят видных роялистов — Гамильтона, Голланда, Кейпла и др. Ощущая собственную слабость и неуверенность, в феврале 1650 г. «охвостье» приняло специальный Акт, обязывающий каждого англичанина, достигшего 18 лет, поставить подпись под тем, что он признает страну «республикой... управляемой представителями народа в парламенте... без короля и палаты лордов».

Непопулярная республика

Депутаты «охвостья» субъективно желали поднять собственную популярность и учрежденной ими Республики. Но различные факторы мешали этому. Парламент хотел сократить ежемесячные платежи, но флот принца Руперта и готовность Голландии оказать помощь Карлу II заставляли депутатов выделять деньги на строительство новых военных кораблей. Начавшееся в 1649 г. подавление Ирландии привело к увеличению армии с 50 до 70 тыс. человек. Значит, вновь увеличились налоги. После провозглашения Республики «охвостье» заявляло о том, что оно распустится, как только будет принят избирательный закон. В парламенте даже был образован специальный комитет во главе с Генри Веном Младшим, которому поручили разработать проект избирательной реформы. Но, страшась ответственности за прошлое, ни парламент, ни комитет Генри Вена не спешили с новациями. В конце концов появился документ, который предполагал перераспределение мест в парламенте между городами и графствами. Однако все действующие депутаты должны были продолжить свою деятельность во вновь избранном представительном органе. Палата общин тянула с требованием армии реформировать правовую систему и упростить общее право.

Многие депутаты и члены парламентских комитетов, как когда-то министры Стюартов, использовали свое положение для личного обогащения. В 1649 г. было принято решение о продаже земель, принадлежащих ранее короне, а в 1651 г. — о продаже земель роялистов. В результате значительная их часть попала в руки видных парламентариев и деятелей революции. Однако за годы республики был только один случай, когда депутата за явные факты коррупции приговорили к штрафу в 10 тыс. фунтов и посадили в Тауэр. Остальные расхищали конфискованное без каких-либо последствий.

Завоевание Ирландии и Шотландии

В 1648 г. в Ирландию из Франции возвратился герцог Ормонд. Он предлагал Конфедерации заключить еще одно соглашение, надеясь привлечь силы «старых англичан» в Англию для участия во второй гражданской войне. Одновременно он вел переговоры с шотландскими поселенцами, полагая, что после вступления Шотландии в войну они также встанут на сторону короля. Против соглашения с Ормондом решительно выступили лидеры католиков Ринучини и О'Нил. Но шотландские пресвитериане Ольсте-

ра поддержали Ормонда и даже отправили в помощь роялистам бригаду под командованием полковника Монро. Весной 1649 г. Ормонд непосредственно угрожал Дублину. Но в начале августа его многочисленная, но рыхлая армия терпит поражение от полковника Джонса у Ратмайнса.

15 августа 1649 г. в Ирландии высаживается 10-тысячная армия Кромвеля. Намереваясь установить контроль над северным побережьем Ирландии, генерал спустя несколько дней осаждает хорошо укрепленную крепость Дрогеду. Он сразу же блокирует гавань и начинает бомбардировку южных стен форта, стремясь сделать пролом. Когда в стене города появились бреши, командующий дважды бросал своих людей на штурм, но защитники держались стойко и нападавшие с большим уроном отходили. В третий раз Кромвель сам повел «круглоголовых» на приступ, и город пал. Взбешенный упорством врага генерал приказал никого не щадить. Все пленные солдаты и офицеры были перебиты. Безногий комендант Дрогеды был забит насмерть собственным копытлом. Католические священники были приравнены к воинам и уничтожены. Забаррикадировавшихся в церкви Святого Петра горожан просто сожгли. Всего солдаты Кромвеля уничтожили около 3 500 человек, а спасшихся в этой резне вывезли в качестве рабов на Барбадос. Потери парламентской армии составили полторы сотни человек.

После взятия Дрогеды Кромвель отправил 5-тысячный контингент под командованием полковника Венэбля (1612 — 1687) на север. Тот сумел овладеть несколькими городами, включая Белфаст. Сам же главнокомандующий на юго-западном побережье осадил базу ирландских пиратов — город Уэксфорд. Он начал переговоры об условиях сдачи. Но, поскольку осажденные их затягивали, Кромвель стал бомбардировать Уэксфордский замок, примыкающий к городу и над ним господствующий. Изменивший роялистам комендант замка впустил солдат парламента внутрь. Овладев замком, «круглоголовые» немедленно бросились на штурм города. Неожидавшие их конфедераты бежали. В Уэксфорде парламентские войска произвели еще одно массовое истребление пленных и горожан. Около полутора тысяч жителей и защитников города были убиты.

Напуганное население юга Ирландии стало сдавать Кромвелю свои города без боя. Осень приостановила военные действия. Зимой Кромвель решил провести в городе Югхала. Здесь среди его войск вспыхнула эпидемия. От болезни погибло около тысячи солдат, несколько боевых офицеров, включая полковника Джонса. Сам Кромвель весь ноябрь 1649 г. провалялся в горячке.

В январе 1650 г. Кромвель покинул Югхала и продолжил завоевание Южной Ирландии. Города и крепости сдавались практи-

чески без сопротивления. В марте 1650 г. капитулировала столица конфедератов — Килкенни. Только город Клонмел оказал Кромвелю серьезное сопротивление. Дважды «круглоголовые» ходили на штурм укреплений Клонмела и дважды отступали. Их потери превысили 2000 убитых. Но и силы защитников были истощены. 17 мая 1650 г. войска, оборонявшие Клонмел, покинули город, который на другой день сдался Кромвелю. В конце мая парламент отозвал Кромвеля в Англию. Объединенные Карлом II силы роялистов и шотландцев вновь угрожали английской республике, и она остро нуждалась в полководческом таланте главнокомандующего.

Завоевание Ирландии продолжил зять Кромвеля Генри Айртон, которому осенью 1651 г. удалось овладеть городом Лимерик. Практически сразу после взятия города Айртон заболел и умер. Этому деятелю революции было тогда только 40 лет. На посту командующего парламентскими войсками Айртона сменил Эдмунд Ледлоу (ок. 1617 — 1692), которому удалось в апреле 1652 г. взять Голуэй. Осенью 1652 г. английский парламент на своем заседании констатировал полное подавление мятежа и подчинение Ирландии. Зеленый остров был завоеван. Англичане могли продолжать политику изгнания ирландцев с их земли и распределение ее между солдатами и предпринимателями, которые оплачивали завоевание своими займами. По Акту об устройении Ирландии (1652) из шести ирландских графств выселялись все землевладельцы-католики, а их владения переходили к «новым англичанам», т.е. протестантам. В результате 40 % оставшейся у ирландцев и «старых англичан» земли было конфисковано и перешло в руки рожденным в Англии протестантам. Полученные от продажи земель суммы были потрачены на выплату займов и жалованья армии.

В июне 1650 г. из Голландии в Шотландию приплыл Карл II. Правда, для этого ему пришлось признать Ковенант 1637 г., осудить политику своего отца и деда, согласиться править в соответствии с принципами, декларируемыми Киркой. Еще до отплытия Карла II в Шотландии свое последнее сражение дал Монтроз. Маркиз высадился на родине в середине апреля 1650 г., но вскоре его небольшая армия, не имевшая кавалерии, была полностью разбита. Монтроз был пленен и по приговору трибунала повешен.

После того как Карл II появился в Эдинбурге, война между двумя соседними государствами становилась неизбежной. Парламент намеревался поручить командовать походом на север генералу Ферфаксу, но тот отказался. Тогда выбор остановили на Кромвеле, который назначался командующим всеми сухопутными войсками республики. Кромвель на войне всегда был решите-

лен. В июле 1650 г. он вторгся в Шотландию и 3 сентября разбил имеющую двойное превосходство армию своего боевого соратника Дэвида Лесли в сражении при Денбари. Затем английские войска заняли Эдинбург и Глазго. Однако силы шотландцев не были еще сломлены. Они сохранили армию, перешли к обороне, и война стала затягиваться. Кромвелю и его солдатам пришлось провести трудную зиму в Шотландии. Затем Кромвель поменял план кампании. В 1651 г. он отправил часть войск в тыл шотландцам, отрезав их от северных территорий. И шотландская армия вместе с Карлом II устремилась на юг, в Англию, надеясь на вооруженную поддержку английских роялистов. Оставив в Шотландии военный контингент под руководством генералов Ламберта и Монка (1608 — 1670), Кромвель 3 сентября 1651 г. настиг армию шотландцев у Вустера (местечко недалеко от Лондона) и почти полностью ее уничтожил. Карлу II едва удалось спастись бегством. 12 сентября Лондон встречал Кромвеля как триумфатора. Уже тогда многие депутаты парламента опасались, что он может овладеть властью в стране. Однако, как писал Уйтлок (1605 — 1675) в своих мемуарах, главнокомандующий вел себя скромно, больше говорил о заслугах офицеров и солдат и приписывал победу промыслу Божьему.

3 декабря 1651 г. Шотландия капитулировала. Поскольку Кромвель остался в Англии, капитуляцию подписывал генерал Монк. Первоначально «охвостье» намеревалось просто присоединить Шотландию к Англии. Но вскоре планы поменялись. «Охвостье» Долгого парламента было к Шотландии более милостиво, чем к Ирландии. В Шотландии были конфискованы владения только активных роялистов. Самой стране было предложено «добровольное» объединение и «такая же свобода вероисповедания, как в Англии». Идущая из Англии религиозная терпимость крайне отрицательно была встречена пресвитерианским духовенством Кирки. Вскоре в Шотландию прибыли делегаты от английского парламента для обсуждения деталей унии двух государств.

Внешняя политика республики. Англо-голландская война

Казнь законного монарха превратила Англию в глазах других европейских государств в маргинальную страну. Ожидая явных и скрытых недружественных действий, республика приступает к восстановлению и укреплению военного флота и усиливает свое присутствие на морях. Учреждается специальный Морской ко-

митет. Престарелого адмирала Уорика отправляют в отставку, назначив вместо него трех армейских полковников Роберта Блейка (1599 — 1657), Ричарда Дина (1610 — 1653) и Эдварда Похема (ок. 1610 — 1651). После чего производится чистка офицеров и команд от нелояльных к республике элементов. Наказаниями и жесткими мерами укрепляется дисциплина на военных судах. Поскольку часть флота была потеряна, республика приступила к его пополнению новыми боевыми кораблями. За первые три года существования республика построила 20 новых военных кораблей и еще 25 судов были либо куплены, либо захвачены у противника.

В то время как армия воевала в Ирландии и Шотландии, флот обеспечивал защиту коммуникаций и побережья. В мае 1649 г. английские корабли блокировали флотилию Руперта на юге Ирландии, в Кинсейле. Руперт обеспечивал плацдарм для возможной высадки Карла II. Кроме того, принц нападал на английские торговые суда. Однако сразу покончить с Рупертом не удалось. В октябре 1649 г., воспользовавшись штормом, с пятью фрегатами он вырвался из окружения.

Сначала Руперт перебрался в Испанию, а затем в Португалию, где начал захватывать английские корабли, идущие через Гибралтар. Приплывшему в марте 1650 г. в Португалию флоту Блейка не удалось заставить короля Джоана IV (1640 — 1656) отказать Руперту в базировании, а предпринятая англичанами атака гавани Тагуса была отбита огнем береговых батарей. Тогда Блейк захватил семь португальских торговых кораблей, идущих из Бразилии. После чего король Джоан был вынужден отказать Руперту в гостеприимстве. С оставшимися у него шестью кораблями Руперт ушел в Средиземное море, где вновь стал захватывать и жечь английские суда. В ноябре 1650 г. Блейк настиг Руперта и полностью уничтожил его флотилию. Правда, сам Руперт ускользнул во французский город Тулон. Франция снабдила его новыми кораблями, с которыми он начал промышлять вдоль западного берега Африки и на Карибах. В 1653 г. он потерял и эту флотилию и вернулся во Францию.

В 1651 г. Блейк провел операции по установлению контроля над находящимися пока в руках роялистов стратегически важными островами Джерси, Мэн и островами Силли. В 1652 г., после получения известий о разгроме роялистов под Вустером, под контроль республики перешел остров Барбадос, а затем американские колонии Виргиния и Мэриленд.

Основательное утверждение Англии на море и только что закончившаяся Фронда подтолкнули Францию в декабре 1652 г. к признанию Английской республики.

«Охвостье» попыталось установить союзнические отношения с протестантскими Нидерландами. Весной 1651 г. с предложением заключить союз в Гаагу прибыло английское посольство во главе с

Оливером Сент-Джоном. Голландские республиканцы восприняли намерение Англии с радостью, но представители могущественного дома герцогов Оранских, которые не приняли казнь Карла I и установление в Англии республики, были против. В итоге миссия Сент-Джона закончилась ничем. Голландия же заключила договор с Данией, который ущемлял деятельность английских торговцев на Балтике. Раздосадованный неудачей Сент-Джон в октябре 1651 г. провел через парламент Навигационный акт, который разрешал ввозить в Англию и ее Северо-Американские колонии товары либо только на отечественных кораблях, либо на кораблях стран-производителей. Голландия получала значительные доходы от фрахта своих торговых судов, поэтому Навигационный акт серьезно задевал ее интересы. Результатом разногласий стала Англо-Голландская война, которая началась с того, что в мае 1652 г. знаменитый голландский адмирал Мартин Тромп (1598 — 1653) приказал своим кораблям не салютовать, как было принято, проходя по Ла-Маншу и Северному морю, английскому флагу. Произошло столкновение, в ходе которого голландцы потеряли два судна. В июне 1652 г. Блейк атаковал голландских рыбаков, промысляющих сельдь, и сопровождающий их военный конвой у Оркнейских островов. Три голландских судна пошли ко дну, 9 были захвачены. 26 июня 1652 г. Блейк попытался у Шетлендских островов перехватить караван, перевозивший пряности из Индонезии, и встретил эскадру Тромпа. Сражения не случилось, ибо обе стороны попали в сильный шторм. Тромпу удалось спасти караван, но его эскадра потеряла 16 кораблей. Флот англичан после бури был очень сильно потрепан, однако все суда остались на плаву. 2 июля 1652 г. в проливе Ла-Манш англичане во главе с Эскью напали на большой торговый флот. Шесть судов удалось захватить, три были сожжены, 26 оттеснены на мель, и только семь кораблей достигли Голландии. В июле Англия официально объявила войну Голландии. Для ведения войны на море Англия обладала преимуществом в виде большого числа крупных кораблей, оснащенных тяжелым вооружением. Голландский флот состоял из переоборудованных легких, часто весельных, торговых судов. В сражениях английские корабли просто выстраивались в линию и расстреливали издали пытающихся приблизиться к ним голландцев. Но Тромпу все же удалось разбить Блейка в декабре 1652 г. в битве у Дангенеса. В середине 1653 г. английская эскадра, которой к этому времени командовали Блейк и Монк, стала применять тактику захвата или уничтожения всех торговых судов, идущих под голландским флагом. Тромп не смог обеспечить торговые караваны надлежащим конвоем. Затем Монк блокирует голландские города. Дальнейшая история войны относится уже к периоду протектората. В июле 1653 г. голландский флот попытал-

ся прорвать блокаду у Скевенингема, но был разбит. В сражении погиб и адмирал Мартин Тромп. Поражение у Скевенингема и гибель Тромпа ослабили позиции «оранжистов» и усилили республиканцев во главе с Яном де Виттом (1625 — 1672). Тому удалось согласовать с Кромвелем довольно приемлемые условия мирного договора, который был заключен в апреле 1654 г. Но Голландия должна была примириться со статьями Навигационного акта и ограничить власть и влияния родственного Стюартам Оранского дома.

Разгон «охвостья»

В результате побед в Ирландии и Шотландии еще больше выросло влияние армии. После викторий на море рос авторитет флота. Кромвель и другие старшие офицеры вернулись в Вестминстер, на главную в стране политическую сцену. Им совсем не понравилось то, что они там встретили. Внутри армии крепло убеждение, что она является выразителем интересов народа и целей Провидения, которое дарует ей одну победу за другой. Армия считала, что в сражениях она обрела право голоса. Армия и Кромвель рассматривали «охвостье» как временный элемент, который должен выработать новую модель государственного устройства страны и сразу распуститься. Давно, говорили они, пора дать другим людям поучаствовать в управлении страной. Но «охвостье» не спешило с этим. В 1651 — 1652 гг. потребность в переменах становилась все более и более очевидной.

Религиозный вопрос по-прежнему оставался одним из самых щекотливых, материальное положение священников — незавидным. Во многих приходах во время республики также не было священников, как во времена Тюдоров и Стюартов. Духовенство ожидало отмены десятин, которые достались светским лицам еще в ходе Реформации. Однако «охвостье» сохраняло эти платежи в пользу лендлордов, поскольку считало их частной собственностью. Создание в 1650 г. за счет проданных епископальных и церковных земель 13 специализированных фондов для поддержания священников не решило проблемы. Радикальных сектантов, вошедших в состав двух официальных комиссий для «пропаганды Евангелия» в Уэльсе и северных графствах, не устраивало то, что в их составе оказалось не так уж много «святых». Близкий Кромвелю проповедник Джон Оуэн (1616 — 1683) предложил учредить такую церковную модель, которая бы допускала широкую вариативность богослужения и ассоциированное членство общин. Но этот проект так и остался за кулисами парламентской рутины. Разрабатываемые в течение 18 месяцев комиссией юристов Мэ-

тью Хэйли (1609 — 1676) законопроекты по реформе права в своем большинстве так и не были поставлены на голосование. От парламента ждали новых законов, направленных на расширение благотворительности и помощи бедным. Но и здесь не было никаких сдвигов. Основная тяжесть заботы о бедных по-прежнему лежала не на центральном правительстве, а на мировых судьях графств и приходах.

Больше всего армейское руководство ожидало появления избирательного закона, роспуска парламента и новых выборов. В 1651 г., после победы Кромвеля под Вустером, «охвостье» Долгого парламента пообещало самораспуститься через три года, а за это время, наконец, выработать избирательный закон, дающий возможность провести всеобщие выборы. Но в течение первых двух лет никакой работы в этом направлении не велось. Зато копилась обида и претензии к парламента у старших офицеров армии. Известный милленарий, соратник Кромвеля и генерал Томас Гаррисон (1606 — 1660) в 1651 г. был выведен из состава Государственного совета. Более того, депутаты, которые в своем большинстве не любили сектантов, попытались исключить его из числа парламентариев. В том же году парламентарская комиссия по обложению передала в графстве Дарем конфискованные у роялистов угольные поля депутату Артуру Гезльригу, а не претендовавшему на них полковнику Джорджу Лильберну. Когда его дядя, известный левеллер, опубликовал против Гезльрига и комиссии инвективу, он был приговорен к огромному штрафу в 7 тыс. фунтов за оскорбление и под страхом смертной казни должен был отправиться в изгнание за границу. После смерти Айртона должность лорда-наместника в Ирландии должна была перейти к генералу Ламберту, но парламента ее аннулировал, и амбициозный Ламберт был вынужден удовлетвориться менее престижным и доходным постом главнокомандующего войсками в Ирландии.

В августе 1652 г., после собрания под председательством Кромвеля совета офицеров, в адрес парламента направляется резкая петиция, в статьях которой звучат упреки в затягивании ожидаемых страной реформ. В конце 1652 г. в Лондон прибывают все новые и новые офицеры из разных частей. Ежедневно из уст многочисленных радикальных проповедников несутся проклятия в адрес «охвостья». В последний день декабря 1652 г. парламента под предлогом растущих затрат на флот в ходе Англо-голландской войны принимает решение продать дворец Гемптон-Корт, который стал резиденцией Кромвеля после победы при Вустере. Весной 1653 г. Кромвель несколько раз встречается с офицерами и обсуждает вопрос, как поступить с парламентам. В начале марта на офицерском совете впервые прозвучали предложения распустить парламента и избрать новый. 1 апреля 1653 г. парламента отклонил законопроект

о необходимости продлить деятельность комиссии по пропаганде Евангелия в Уэльсе, лоббируемый Гаррисоном и миллиариями. Это вызвало новую волну возмущения сектантов в Лондоне и армии. За день до этого парламент принял решение о введении избирательного права для всех англичан, обладающих собственностью стоимостью в 200 фунтов. В середине апреля в разрабатываемый законопроект вошла поправка о том, что будущими депутатами должны быть «люди, известные своей честностью, богобоязненные и не скандальные в речах». Эта поправка могла таить в том числе и возможность переизбрания для членов «охвостья», и угрозу устранения от выборов неудобных лиц. Тогда офицерский совет предложил парламенту приостановить обсуждения избирательного закона и принять акт о переходном правительстве, которое будет действовать после роспуска «охвостья» до выборов нового парламента. Предполагалось, что правительство будет состоять из 20 офицеров и 20 парламентариев. Узнав 20 апреля, что парламент продолжает дебатировать законопроект о реформе избирательной системы, Кромвель с солдатами явился в палату и, понаблюдав за прениями, со словами «Вы — не парламент. Я положу конец вашей говорильне!» закрыл заседание. Время республики закончилось. 22 апреля появилась декларация, объясняющая разгон «охвостья». Кромвель и офицеры писали, что действовать их заставил рассматриваемый парламентом билль, который дал бы депутатам возможность «увековечить собственное сидение».

То, с какой поспешностью разгоняли остатки парламента, показывает, что к весне 1653 г. реформа избирательной системы для армейского руководства превратилась скорее в повод, чем в главный мотив. Армия, действительно, боялась, что всеобщие выборы приведут в палату либо тех же депутатов, либо бывших пресвитериан. Желание контролировать страну и остаться у власти, видимо, стало главным мотивом политического поведения старших офицеров. Разгон «охвостья» увеличил число оппонентов Кромвеля, армии и формирующегося режима. К пресвитерианам и роялистам добавились республиканцы-индепенденты.

Глава 9. ПРОТЕКТОРАТ КРОМВЕЛЯ

Бэрбонский парламент

После роспуска «охвостья» внутри командного состава армии сложилось два сценария устройства Англии. Одна группа офицеров, идущая за генералом Ламбертом, предлагала Кромвелю стать

единоличным правителем, возглавляющим небольшой компактный совет. Прежде чем приступить к работе, совету надлежало проходить утверждение в парламенте. Другой план исходил от генерала Гаррисона. Будучи милленарием, он предлагал созвать широкую ассамблею из числа благочестивых и авторитетных людей, которая вызывала аналогии с древнееврейским синедрионом. Надо сказать, что идея единоличного правителя не отрицалась и милленариями. Такие известные в их среде проповедники, как Джон Спиттлхауз (1612 — ок. 1657) и Джон Роджерс (1627 — 1665), утверждали тогда, что Провидение уже не один раз указало на Кромвеля как на подобного Моисею руководителя нации. Кромвель, желая отложить проведение ожидаемых реформ до выборов нового парламента, принял проект Гаррисона. Было решено собрать ассамблею из 140 человек (включая пятерых представителей от Ирландии и шестерых — от Шотландии), имена которых должен был назвать совет офицеров. Тут же в офицерский совет посыпались письма от разного рода сект, которые предлагали своих кандидатов. Надо отдать должное армии: в отобранном ею собрании оказалось много разного рода пылких проповедников и визионеров (среди них — 13 милленариев), но почти не было офицеров. Вместе с тем не остались без внимания и представители провинциальных элит. В ассамблее были широко представлены мировые судьи и бывшие шерифы. Ассамблея собралась 4 июля 1653 г. и уже через три дня объявила себя парламентом. По имени одного из отобранных депутатов — светского проповедника Прейзгода Бэрбона¹ — это собрание получило наименование бэрбонского парламента. Вполне вероятно, что многие английские офицеры, включая самого Кромвеля, в это время искренне верили, что общими усилиями с избранными ими «святыми» они смогут приблизить установление «царствия Христа» в Англии.

Депутаты бэрбонского парламента были полны энтузиазма. Они являлись на свои заседания почти в полном составе. Работали по шесть дней в неделю. Как правило, начинали заседания с молитвы. Они предлагали заменить церковный брак гражданским и освободить должников из тюрем. Но прежде всего им хотелось наконец-то решить религиозную проблему. Радикальные сектанты предлагали отказаться вообще от какого-либо единообразного общенационального церковного порядка. В сфере духа люди сами вправе определяться со своими предпочтениями и объединяться в сообщества. Умеренные депутаты полагали, что какая-то ясная большинству, унифицированная протестантская церковь все же необходима. Умеренные предлагали вернуть церкви принадлежа-

¹ Имя, по-видимому, представляет из себя насмешливое прозвище. Оно происходит от англ. *Praise God* — Похвала Господа или Восхваленный Бог и *Barebone* — кость, скелет, мощи.

щие светским лицам десятины. Сектанты ратовали вовсе за отмену десятин, поскольку, по их мнению, общины сами должны решать, как им содержать своих пасторов. Следующей неразрешимой проблемой стал вопрос о реформе права. Кромвель полагал, что Англия должна сохранить общее право, предварительно очистив его от многочисленных архаичных элементов. Он склонялся к тому, что необходимо руководствоваться проектом, разработанным комиссией Мэтью Хэйли. Другие, вслед за левеллерами, считали, что общее право является «нормандским ярмом» на английской шее. Его следует отбросить и приступить к кодификации норм. Милленарии настаивали, что следует руководствоваться теми предписаниями, которые содержатся в Священном писании. По поводу правовой реформы парламентские группировки устраивали бурные перепалки, иногда перерастающие в потасовки. Фракции не собирались придти к согласию. Умеренные и радикалы одновременно с надеждой и разочарованием обращали свои взоры к Кромвелю. Постепенно и у Кромвеля, и у самих депутатов улетучивалась надежда на скорое установление «царствия Христова».

В середине ноября бэрбонский парламент поставил на обсуждение вопрос о праве светских лиц владеть церковными бенефициями. Радикалы предлагали лишить джентри указанных имущественных прав. Это создавало дополнительную социальную напряженность в стране, которая и так была далека от стабильности.

Кромвель не хотел новой гражданской войны, а идеализм и радикализм новоявленного парламента грозили ее возобновлением. Поэтому, когда 12 декабря, начав утреннее заседание, умеренные депутаты обнаружили, что их численность превышает число радикалов, они проголосовали за роспуск собрания. Известно, что часть парламентариев осталась сидеть на скамьях. На вопрос офицера, прибывшего очистить палату, чего они медлят, депутаты ответили, что ждут Господа. На что последовала саркастическая реплика: «Поищите в другом месте. Определенно, он не появлялся здесь уже много лет». Судьба бэрбонского парламента развела Кромвеля и Гаррисона, умеренных генералов и офицеров из числа индепендентов и сектантов. Радикалы считали, что распущенный парламент оказался бесплодным из-за нежелания Кромвеля твердо встать на путь Провидения и «святых». Кромвель, как практический человек, хотя и не чуждый визионерства, ясно видел, что, несмотря на организованность сектантов и производимый ими в столице шум, они не обладают значительной общественной поддержкой. А их ограниченность и упрямство в политике могут обернуться для него и страны новыми угрозами и потрясениями.

«Орудие управления». Контуры нового правления

После роспуска парламента Кромвель обратился к конституционному проекту Ламберта, получившему название «Орудие управления». «Орудие управления» вводило в Англии должность лорда-протектора, которым становился Кромвель. Он возглавлял исполнительную власть. Ему подчинялись вооруженные силы. Протектор определял внешнюю политику страны. Он должен был принимать решения по согласованию с компактным Государственным советом, насчитывающим не менее 13 и не более 21 члена. Протектор и члены Государственного совета назначались пожизненно. Помимо совещательных функций Государственный совет наделялся правом проверять полномочия вновь избранных членов парламента и избирать преемника лорда-протектора в случае его смерти. Англия, таким образом, отчасти возвращалась к еще дореволюционной практике. Новая конструкция предполагала, что суверенитет принадлежит не одному представительному органу, а высшему несменяемому должностному лицу, совету и парламенту. Законодательная власть оставалась в ведении парламента, насчитывающего 460 депутатов. Кроме Англии и Уэльса по 30 мест отводилось Шотландии и Ирландии. «Орудие управления» инкорпорировало в себя норму, предлагаемую еще «охвостьем». Избирательная система менялась. Места между графствами и городами перераспределялись. Правом принимать участие в выборах наделялись мужчины, имеющие собственность стоимостью не мене 200 фунтов. По конституции выборы в парламента должны были проходить каждые три года. Протектор мог распустить парламента только через пять месяцев после начала его работы. Законопроекты, утвержденные парламентом, через 20 дней становились законами, даже если их не подписывал лорд-протектор. Но для поправок к «Орудии управления» согласие протектора было обязательным. «Орудие управления» определяло численность вооруженных сил страны в 30 тыс. человек. «Орудие управления» специально содержало пассаж, защищающий конфессиональные права верующих, гласивший, что все «мирные» христиане, за исключением католиков и англикан, имеют свободу богослужения, которую ни протектор, ни парламента не могут ограничить. Надо сказать, что правительство Кромвеля на практике было очень толерантным, распространяя терпимость и на англикан, и даже на католиков. В 1656 г. без принятия какого-либо правового акта было разрешено евреям жить в Англии, отправлять свой культ и иметь собственную синагогу. Сам Кромвель считал, что церковь должна быть едина и подконтрольна светской власти, но допускал

и существование независимых конгрегаций, если только они не отрицают режим и не доходят до прямого богохульства и нарушения общепринятых моральных устоев, как делали рантеры.

Бытует мнение, что режим протектората был военной диктатурой. Возможно, что и так. Однако из 18 членов назначенного Государственного совета только 4 или 5 были боевыми офицерами. 10 человек являлись гражданскими лицами с административным и судебным опытом. По-видимому, сам Кромвель к этому времени уже уверовал, что выполняет миссию Провидения. Оно вело его к победе, а теперь предназначает установить мир и стабильность в стране. По мнению Кромвеля, управление устанавливается Господом для народа, но не благодаря воле народа. Поэтому он и поддерживающий его Государственный совет не стремились менять доставшуюся от прошлого экономическую и социальную систему. Общество, состоящее из разрядов, отличающихся по степени благородства, доходам и регламентированной степенью соучастия в управлении, казалось им правильным. Порядок, по их мнению, не возможен там, где нет социальной и политической иерархии. Такие принципы соответствовали представлениям джентри и состоятельных горожан. Думается, что подобные воззрения разделяло значительное число окружающих Кромвеля и изменивших свой социальный статус за годы революции офицеров. Однако, как покажут дальнейшие события, новый режим не имел широкой общественной поддержки. Социальная база протектората была узкой. Главной его опорой оставалась армия, хотя и внутри нее находились сомневающиеся оппоненты. Гораздо больше оснований, на наш взгляд, называть режим протектората авторитарным, чем диктаторским.

Инаугурация Кромвеля в новой должности прошла 16 декабря 1653 г. Первые девять месяцев режим протектората функционировал без парламента и показал свою высокую эффективность. Ему пришлось сосредоточиться на решении давно поставленных жизнью вопросов. Демонстрируя желание вернуться к гражданскому и ординарному правлению, протектор и Государственный совет оперативно назначили мировых судей и членов различных комиссий. Причем доля военных при этих назначениях составила всего 2—3%. С целью повысить религиозное просвещение населения были созданы аттестационные комиссии, которые занялись проверкой священников на компетентность. Отдельная комиссия провела ревизию церковных бенефициев и приходов с целью определить их величину. В результате небольшие приходы были объединены, а на севере страны, где нередко один священник приходился на десятки населенных пунктов, созданы новые. Было принято более 20 ордонансов, дабы упрочить финансовую и налоговую систему.

Теперь все доходы, собираемые в стране, должны были поступать в единое казначейство. Ежемесячные сборы с населения сократились до 60 тыс. фунтов. Были восстановлены запрещенные ранее светские развлечения, театральные постановки и т.п. Началось церемониальное оформление нового режима. Значительных успехов добилась дипломатия Кромвеля. Был подписан договор с Данией, которая возвращала два десятка захваченных английских судов и разрешала английским кораблям свободно проходить из Северного моря в Балтийское по проливу Зунд. Режиму удалось заключить мирный договор с Голландией, который сохранял все положения Навигационного акта и включал пункт о депортации английских роялистов с голландской территории. Был подписан торговый договор со Швецией. В следующем году был заключен договор с Португалией.

Первый парламент Кромвеля

3 сентября 1654 г., в годовщину побед при Денбари и Вустере, начал работать первый парламент протектората. Выступая перед депутатами, Кромвель выразил надежду, что они будут «лечить и обустроивать» государство. Но в парламент вернулась группа пресвитериан и ряд республиканцев. Среди сторонников республики выделялись Генри Вен, Джон Брэдшоу и Артур Гезльриг. Западные графства послали в парламент большое число роялистов. Все они собирались не столько лечить, сколько открывать старые раны. Пресвитериане мечтали о навязывании своей церковной модели и об ограничении деятельности сект. Республиканцы были за то, чтобы устранить должность лорда-протектора и отказаться от «Орудия управления». И действительно, парламент сразу же приступил к детальному разбору и обсуждению статей этого конституционного документа. Последовала незамедлительная реакция со стороны Кромвеля. Он потребовал, чтобы депутаты принесли «присягу признания», т.е. публично согласились, что власть в стране принадлежит протектору и парламенту. Более 70 депутатов отказались приносить присягу. Они заявили, что только парламент имеет право определять форму правления, а «Орудие управления» есть продукт деятельности армейской клики. Отказники были выведены из состава парламента, и общая атмосфера была изначально отравлена этим, видимо, неизбежным со стороны протектора и Государственного совета шагом. Однако и у оставшихся депутатов были претензии к «Орудю управления». Дебаты об управлении страной продолжались. Пресвитериане попытались внести законопроект, ограничивающий свободу вероисповедания. Многие ставили под сомнение

необходимость стране иметь в мирное время столь значительные вооруженные силы и право протектора руководить ими. По мере истечения обязательного для работы парламента пятимесячного срока критицизм сессии нарастал. Количество направленных против режима законопроектов множилось. Кромвелю не хотелось излишней конфронтации, поэтому он стремился выдержать установленный временной порядок. Но потом, заявив, что в «Орудии управления» речь идет о лунных месяцах, распустил палату на 12 дней раньше.

Новые тревоги

Поведение парламента явственно показывало, что у режима нет массовой опоры в стране. Все время приходили тревожные известия, что в армии и вне ее разворачивают свою пропагандистскую деятельность радикалы. Все отчетливее обозначали себя роялисты. Дабы нейтрализовать милленариев, пришлось отправить домой из армии генерала Гarrisона. Однако он, а также полковники Натаниэл Рич (ум. ок. 1701) и Роберт Овертон внушали определенные опасения. В сентябре — октябре 1654 г. в армии от лица трех полковников начинают собирать подписи под петицией, сочиненной бывшим левеллером Джоном Уайльдменом. Она призывала солдат перестать поддерживать «тираническую власть» и выступить в защиту вольностей народа и «полного и свободного парламента». Вскоре текст петиции опубликовывают, и она в больших количествах попадает в войска не только Англии, но и Шотландии и Ирландии. Одновременно республиканец Роберт Овертон способствует распространению в Шотландии упомянутой петиции и еще целого ряда враждебных Кромвелю памфлетов, а также пытается организовать офицерский заговор с целью повернуть армию против режима протектората. В это же самое время вице-адмирал Джон Лоусон (1615—1665) проводит собрание капитанов кораблей, призывая их поддержать требования петиции Уайльдмена. Вскоре Роберт Овертон и Джон Уайльдмен были арестованы. В начале 1655 г. число арестованных дополнили шесть милленариев, включая генерала Гarrisона и Клемента Айртона, родного брата умершего зятя протектора. На личной встрече с Кромвелем милленарии заявили, что не признают его власть, поскольку она «противоречит царству Христа», венец которого протектор «снял и водрузил на свою голову». Однако никто не был казнен. Большинство несогласных через несколько месяцев вышли на свободу. Лишь немногие, как Роберт Овертон, томились в заключении до самой смерти протектора. Кромвель, видимо, не собирался репрессировать бывших соратников. Ему

было важно сохранить над армией контроль, заменив в ней республиканцев и религиозных фанатиков на прагматичных и преданных ему лично людей. В это же время Кромвель встречался с основателем движения квакеров Джорджем Фоксом, который полагал, что Бог пребывает в сердце человека и открывается ему в виде непосредственного откровения, внутреннего озарения, или, как он сам говорил, Божественного Света. На пути к Богу человеку не нужны священники, церковные таинства, специальное образование. Внутренний поиск Бога, по Фоксу, важнее и правильнее богослужений, проповедей и даже чтения Священного Писания. По рассказам самого Фокса, беседа произвела на протектора сильное впечатление. Он просил проповедника посещать его еще и еще. Отметим, что, несмотря на встречи Кромвеля с Фоксом, элитам графств не нравилась активность квакеров. Мировые судьи в провинциях десятками заключали квакеров в тюрьмы.

В марте 1655 г. был раскрыт заговор, готовящий роялистское восстание в западных графствах. Многие участники роялистского подполья были схвачены заранее. Только в Уилтшире небольшому отряду полковника Джона Пенраддока (1619 — 1655) удалось на несколько дней захватить город Солсбери и заставить поволноваться окрестности.

Вскоре регулярные части легко подавили мятеж. Мятежников и заговорщиков судили за измену, многих сослали в колонии и небольшую группу повесили.

Генерал-майоры

Роялистское восстание продемонстрировало, что протекторат не может доверить свою судьбу воссозданным гражданским магистратам. Поэтому страна была разделена на 12 военно-административных округов во главе с генерал-майорами. В подчинение им придали регулярные части кавалерии и пехоты. Генерал-майоры приступили к ликвидации роялистского подполья и сбору с роялистов особого 10 %-го налога (децимация). На генерал-майоров возлагалась обязанность охраны большаков, оказания помощи бедным, «поощрения благочестивого поведения». Последнее давало им право ограничивать деятельность таверн и питейных заведений, ужесточать правила проведения спортивных состязаний и увеселительных мероприятий по воскресеньям. Генерал-майоры представляли в графствах центральную власть. Они были здесь чужаками, как правило, вступающими в конфликт со сложившимися вертикальными взаимоотношениями внутри местных сообществ. Они лишали мировых судей

их должностей, вмешивались в деятельность местных судов, навязывали местному населению свои религиозные предпочтения. Собирая децимацию, которая по замыслу шла на содержание размещенных в графствах войск, генерал-майоры допускали злоупотребления.

Кроме того, очень скоро надежда на то, что армию можно будет содержать за счет роялистов, не оправдала себя. Денег на вооруженные силы по-прежнему не хватало. Бюджет страны в это время выглядел приблизительно так: ежемесячные сборы с населения приносили 920 тыс. фунтов в год, пошлины и акцизы давали еще 700 тыс., 100 тыс. поступало из других разнохарактерных источников. В итоге в казне оказывалось 1 млн 720 тыс. фунтов. Из них армия потребляла 1 млн 57 тыс. фунтов, флот — 768 тыс., на прочие расходы приходилось еще 214 тыс. Простые подсчеты показывают, что ежегодный дефицит бюджета равнялся 320 тыс. фунтов. К этому нужно прибавить вечное недовольство подданных. Становилось очевидным, что сложные проблемы невозможно решить простыми рецептами. Подмена гражданского управления военным сделала режим протектората еще более непопулярным в глазах людей.

Приглашенные в мае 1656 г. генерал-майоры жаловались Кромвелю на отсутствие средств, необходимых для содержания и выплат жалования приданным им частям. Действительно, финансовое положение режима было сложным. Ежегодный бюджет страны как минимум в три раза превосходил предреволюционные доходы короны. Но Англия готовилась к войне с Испанией, и правительство осознавало, что с ее началом расходы возрастут, по меньшей мере, вдвое. Кромвелю приходила мысль распространить децимацию на всех подданных, однако Государственный совет опасался проявлений открытого недовольства. Протектор не хотел собирать парламент. Но недостаток средств в казначействе заставил его, как когда-то короля, в сентябре 1656 г. собрать представительный орган.

Второй парламент протектората. «Покорнейшая петиция и совет»

Летом 1656 г. во время парламентских выборов вновь зазвучали порицающие протекторат голоса. Генри Вен опубликовал памфлет «Целительный вопрос», в котором призывал возродить «доброе старое дело» и отдать полный суверенитет парламенту как органу, представляющему все государство. В итоге правительство отправило Вена в тюрьму, на остров Уайт. Лидеры левелле-

ров вступили в открытый альянс с роялистами и испанцами. Они разрабатывали планы по свержению Кромвеля и восстановлению на престоле Карла II. Один из них — бывший агитатор армии Нового образца Эдвард Сексби, добрался с таким проектом даже до Мадрида. Видные республиканцы и милленарии провели две встречи с целью выработать общую линию поведения. И хотя им соглашения достигнуть не удалось, становилось ясно, что если в будущий парламент попадут непримиримые, то результаты его деятельности и судьба будут не лучше предыдущего.

Поскольку правительство не имело возможности обеспечить преобладания своих сторонников в парламенте, было решено пускать в палату только тех депутатов, которые получили от Государственного совета специальные документы о благонадежности. Такая операция лишила около 100 депутатов права заседать в парламенте. Надо отдать должное остальным парламентариям, которые в ходе работы пытались принять специальный документ, позволяющий исключенным занять свои места.

Проведенная чистка обеспечила протектору и Государственному совету лояльность парламента, который тем не менее не во всем соглашался с министрами. Например, лоббируемый генерал-майорами билль о всеобщей децимации был забаллотирован парламентом при открытой поддержке некоторых членов совета. Одновременно, правда, парламент предоставил Кромвелю субсидию в 400 тыс. фунтов для подготовки войны с Испанией.

Довольно много времени депутаты отвели движению квакеров и, воспользовавшись принадлежащей парламенту судебной властью, приговорили одного из их лидеров — Джемса Нейлера к бичеванию и клеймению.

В основном парламент сосредоточился на обсуждении вопроса об устройстве страны. Можно утверждать, что палата и протектор продолжали искать путь перехода от военного правления к более стабильному и предсказуемому — гражданскому. Протектор, Государственный совет и парламент осознавали, что режим нуждается в дальнейшей легитимации. В январе 1657 г. стало известно о замыслах Сексби свергнуть и убить протектора. Сразу же зазвучали голоса наиболее последовательных адептов Кромвеля, предлагавших возложить на него власть, «соответствующую старинной конституции», т. е. возродить монархию и объявить Кромвеля королем. Мнения членов в Государственном совете резко разошлись: гражданские его члены поддержали, а может быть, сами инициировали это предложение, другие во главе с Ламбертом были решительно против. На этот раз сторонники восстановления монархии под скипетром Кромвеля были в большинстве. Они подготовили свой проект реставрации, названный «Покорнейшая петиция и совет». Проект предлагал Кромвелю

принять титул короля, воссоздать верхнюю (по терминологии документа — «другую») палату, править вместе с назначаемым им Советом. Петиция предполагала выделение на содержание армии и гражданского правления 1,3 млн фунтов в год. Авторы петиции считали, что с восстановлением монархии будет завершен переход к гражданскому правлению, установится твердый порядок и армейские генералы и офицеры, наконец, утратят политическое влияние. Некоторые из них говорили откровенно: «Мы знаем, что может делать король, но мы не знаем, как должен поступать протектор».

Ответ армии был молниеносным. В Лондоне независимо друг от друга прошли встречи офицеров расквартированных в столице полков и генерал-майоров. Затем благодаря Ламберту оба собрания выработали общую позицию, которую делегация из сотни офицеров представила протектору в конце февраля 1657 г. В ходе дискуссии Кромвель упрекал соратников в том, что они не сумели создать твердого управления, а генерал-майорам пенял за то, что не провели в парламент лояльных людей, которые проголосовали бы за децимацию. Он говорил, что в таких политических условиях ему самому приходится заниматься совершенствованием и настройкой системы.

Дальнейшие дебаты были перенесены в стены парламента, где сторонники восстановления монархии оказались в большинстве. Однако армейские генералы, за исключением Монка, который командовал войсками в Шотландии, и еще немногих, были решительно против. Парламентский комитет и Государственный совет продолжали дорабатывать и совершенствовать предложения по укреплению порядка и восстановлению монархии. До весны Кромвель колебался. Но в начале мая 1657 г. ответил отказом, заявив, что «не может управлять, нося титул короля». Современные исследователи полагают, что решение протектора было обусловлено двумя соображениями: во-первых, позиция армии, значительная часть которой продолжала выступать за «доброе старое дело» и грозила волнениями; во-вторых, его вера в Провидение. Вера не была для политика Кромвеля просто риторической фигурой. Генерал не был лицемером. Он ценил мнение «благочестивого» меньшинства и постоянно искал свидетельства, что Господь одобряет принятые решения. Кромвелю казалось, что он был орудием Бога, разрушая монархию, отсюда его сомнения относительно права на ее восстановление. В результате в Англии сохранялась высшая должность протектора, который получил право назначать себе преемника. «Покорнейшая петиция» стала новой конституцией протектората. Летом, желая продемонстрировать армии свою силу, Кромвель уволил генерала Ламберта со всех занимаемых им должностей.

Образ жизни Кромвеля в это время напоминал монархический. У него появился собственный двор. А преобладающие в Государственном совете гражданские лица сделали все возможное, чтобы правление протектора если не «по имени», то по факту было монархическим. Сам Кромвель, видимо, осознавал, что он один способен контролировать армию, а через нее — страну, и пытался выиграть время, надеясь, что вырастет новое поколение людей, в массовом порядке преисполненное «благочестия». Должность лорда-протектора он сравнивал с обязанностями «доброего констебля, поставленного охранять мир в приходе».

20 января 1658 г. начала работать вторая сессия второго парламента протектората. К этому времени была уже отобрана верхняя палата, и парламент, как прежде, стал двухпалатным. Таким образом, страна должна была увидеть, что дело идет к горячо ожидаемой ею «доброй старой конституции». Однако в самом начале сессии, видимо, по какому-то административному небрежению, а может быть, из-за самоуверенности протектора и его министров изгнанным ранее депутатам-республиканцам позволили занять их места. Они тут же сочинили петицию, обращенную ко всем республиканцам, радикальным пуританам, солдатам и офицерам армии. Только с роялистами и милленариями республиканцы отказывались сотрудничать. Петиционеры обвиняли Кромвеля в желании установить произвольную власть, пренебрежении волей народа, которая может быть выражена только в избранном парламенте, в незаконных финансовых поборах с населения. 4 февраля Кромвель, взбешенный поведением депутатов и повергая в шок советников, распустил палаты. Собственному зятю и генералу Чарльзу Флитвуду (ум. 1692), явившемуся возражать против уже принятого решения, протектор заявил: «Ты — тряпка, именем Бога живого я распушу палату!»

Почти единодушно решение Кромвеля поддержала армия. Незначительное количество несогласных офицеров было уволено. Ни баптисты, ни милленарии ничего серьезного противопоставить не смогли. Роялистское подполье ожидало вторжения из Фландрии испанских войск. Однако адмиралу Лоусону удалось блокировать приготовленные для этого корабли и несколько из них уничтожить. Десант не состоялся. В Англии же часть роялистов арестовали и бросили в тюрьму по решению специальных экстраординарных комиссий. Несколько человек предали казни.

Еще при открытии парламентской сессии в январе 1658 г. современники стали отмечать, что протектор болен. В августе умирает дочь Кромвеля Элизабет Клейпол, к которой он был очень привязан. Смерть любимой дочери оказала на протектора сильное воздействие. Он во многом утратил мотивацию жить и сопротивляться болезни. В конце месяца его навещил лидер квакеров

Джордж Фокс. Стоя с протектором рядом, он «увидел и ощутил дыхание смерти». Умер Кромвель 3 сентября, в день победы при Денбари и Вустере.

История взаимоотношений Кромвеля с армией, пик влияния которой приходится на 1654 г., с парламентом и сектантами убеждает в том, что режим все эти годы держался исключительно на заслугах и авторитете самого лорда-протектора. Как правитель он показал себя личностью противоречивой, над которой довлели разные культурные коды. Как выходцу из среды джентри ему хотелось основать надежный и конституционный порядок. Как религиозный протагонист он желал приблизить установление Божьего царства. Как депутат парламента он ценил авторитет этого представительного органа. Как армейский генерал он знал, каким инструментом является власть и насколько решительно нужно действовать, чтобы получить необходимый результат. К исходу жизни он видел, что ему так и не удалось создать стабильный порядок и покончить с раздирающими страну религиозными распрями.

Шотландия и Ирландия при протекторате

В 1652 г., еще при «охвостье», в Шотландию прибыла комиссия уполномоченных из восьми человек. Они создали в Шотландии 89 округов, представителей которых собрали в феврале 1652 г. в Делкейте, небольшом городке рядом с Эдинбургом. Здесь им представили условия будущего объединения и получили на них, несмотря на возражение Кирки, согласие. После чего в Англию для переговоров была снаряжена шотландская делегация.

На своих уполномоченных Лондон, кроме того, возложил обязанность восстановить и реорганизовать управление страной. Новая система центральной и местной власти должна была обеспечивать надежный контроль над Шотландией. «Охвостье» и его уполномоченные осознавали, что ответственность за инициативу признания Карла II государем и последовавшую затем войну лежит на знати и лэрдах. Поэтому они постарались очистить от феодальных пережитков определяющие социальную жизнь правовые регуляторы. Были упразднены суды лордов, которые разбирали дела держателей. Местная юрисдикция передавалась двум шерифам, один из которых обязательно должен был быть англичанином. Правовую систему на национальном уровне возглавила комиссия из семи (трех шотландцев, четырех англичан) судей. Простолюдины получили право вести имущественные тяжбы с людьми, превосходящими их статусом и богатством. Примером положительного воздействия английских судей на шотландские

нравы стало многократное сокращение выносимых здесь уголовной юстицией приговоров против ведовства.

Английские уполномоченные создали специальные комиссии для конфискации земель у воевавших на стороне Карла II шотландских лордов, заменили канцлеров университетов лояльными к Англии людьми, назначили мэра Эдинбурга.

В 1653 г. началось восстание ряда высокогорных кланов и населения некоторых областей равнинной Шотландии. Оно не было массовым. Аргайл со своими людьми заявил о лояльности к англичанам. Жители равнинной части боялись склонных к грабежу горцев больше, чем дисциплинированных и плативших за все наличными «круглоголовых». После восстания Монтроза многие кланы были обескровлены и не желали воевать.

В апреле 1654 г. Кромвель подписал Ордонанс об объединении обоих государств, ранее принятый бэрбонским парламентом. Ордонанс упразднял монархию и парламент в Шотландии, которая получала 30 мест в английском представительном органе. На всей территории острова устанавливались режим свободной торговли и единая налоговая система. Все архаичные нормы права упразднялись. На местном уровне в Шотландии должны были появиться назначаемые мировые судьи. Предполагалось, что эти должности займут шотландские магнаты и лэрды. Все повинности держателей по отношению к лордам, кроме рент, отменялись. Был также принят отдельный акт, объявляющий амнистию для всех воевавших против Англии, за исключением 24 лендлордов, земли которых подлежали конфискации, и еще 73, которым надлежало заплатить крупные штрафы.

Весной 1654 г. командование над английскими вооруженными силами в Шотландии принял генерал Монк, который начал решительно подавлять очаги восстания. Он издал прокламацию, обещая амнистию всем, кроме лиц, упомянутых в парламентском акте. В июле 1654 г. Монк разбил шотландских роялистов на севере. С августа по декабрь 1654 г., выговорив прощение и право сохранить оружие, основная масса восставших предпочла сдаться. Монк, понимавший, что это оружие нужно кланам, чтобы совершать рейды и обороняться друг против друга, не возражал. Таким образом, он быстро и без большой крови восстановил в Шотландии мир.

В 1655 г. в Шотландии был создан Государственный совет, в котором преобладали англичане. Для того чтобы сделать пресвитерианскую Кирку более уступчивой, был принят закон, по которому церковь только номинировала пасторов, а получать свое назначение они должны были из рук Государственного совета. Политика веротерпимости, поддерживаемая Государственным советом, позволила свободно функционировать в Шотландии индипендент-

ским конгрегациям и общине квакеров. Однако усилилось давление на католиков. В 1656 г. было объявлено, что обнаруженные в Шотландии католические священники будут предаваться смерти. Хотя формально объединение было добровольным, многие шотландцы воспринимали его как оккупацию и завоевание. В стране оставалась наполовину сокращенная английская армия, на ежегодное содержание которой требовалось 270 тыс. фунтов. Армия и новые налоги, особенно акцизы и ежемесячные платежи, тяжким бременем ложились на гораздо более бедных, чем англичане, шотландцев. Надо сказать, что администрации никогда не удавалось собрать их в полном объеме. Войска и структуры управления в Шотландии в очень большом объеме оплачивали английские налогоплательщики. В 1659 г., проведя специальное расследование, комиссия английского парламента констатировала, что за год в Шотландии было собрано 144 тыс. фунтов налогов, а на ее содержание Лондон потратил 307 тыс.

Отношение Лондона к бывшей союзнице по гражданской войне было демонстративно мягким и дружеским. Совсем по-другому Лондон вел себя в католической Ирландии. Ирландцам все время поминали миф о массовой резне протестантов. Проведенное Кромвелем завоевание Ирландии предполагало, что должен, наконец, начаться расчет земель с теми, кто «инвестировал» свои деньги в это предприятие. Всего таких «предприимчивых людей» оказалось немногим больше полутора тысяч, а полученных от них денег — 300 с небольшим тысяч фунтов. Более половины инвесторов были жителями Лондона, а 119 — членами Долгого парламента. Подавляющее большинство составили мелкие инвесторы. Англичане боялись рисковать. Но успех сулил существенную прибыль, поскольку ирландская земля была недооценена примерно в 10 раз.

Ко времени завершения ирландской кампании было принято еще одно решение. Оно предполагало, что участвующие в подавлении восстания 35 тыс. английских солдат и офицеров должны будут получить земельные участки в счет погашения имеющейся перед ними задолженности. Предприниматели, вложившие деньги в подавление Ирландии, теперь требовали добавить к изначальным обязательствам еще землю в качестве платы за терпение. Иначе говоря, предполагавшиеся изначально обширные конфискации должны были существенно вырасти.

В августе 1652 г. парламент принял Акт об устройении Ирландии, который провозглашал обширные конфискации земель, смертную казнь всем активным участникам восстания, католическим священникам и иезуитам. В Ирландии учреждался Высший суд правосудия, который приговорил захваченного в плен Фелима О'Нила и несколько сотен его соратников к смертной казни. Множество сдавшихся солдат и офицеров подлежали изгнанию с

родины. По подсчетам современника тех событий политэконома и статистика Уильяма Пети (1623—1687), около 34 тыс. жителей покинули страну и отправились искать счастья в качестве наемников в иностранные европейские армии. Изрядное количество захваченных в плен ирландцев выслали в качестве кабальных работников на плантации в Вест-Индию. В 1660-е гг. общее число таких работников-ирландцев составляло около 12 тыс. человек. Для сравнения, там же трудились еще 50 тыс. чернокожих рабов. Всем ирландским католикам запретили участвовать в торговых гильдиях, что породило эмиграцию ирландского купечества.

Участвующие в восстании ирландцы и «старые англичане» изгонялись со своих земельных наделов и переселялись в отдаленную провинцию Коннаут. Прежде чем получить землю, солдаты и офицеры наделялись от государства соответствующими сертификатами, или обязательствами. Понятно, что изрядная их доля продавалась ниже номинальной стоимости. К моменту раздачи земель половина «предпринимателей» продала полученные от государства расписки. Иначе говоря, земельные конфискации в Ирландии и продажа государственных обязательств способствовали созданию в Ирландии земельного рынка, а в Британии помогали становлению рынка ценных бумаг. По подсчетам Уильяма Пети, около 12 тыс. бывших солдат получили землю и поселились в Ирландии.

Очень быстро провинция Коннаут оказалась перенаселенной из-за устремившихся сюда изгнанников. В 1655 г. сын Кромвеля Генри (1628—1674), назначенный в Ирландию командующим, и зять Кромвеля Флитфуд, ставший наместником, предписали переселять только владельцев земель, но не их держателей. Этого требовали и новые хозяева поместий, ибо им неоткуда было брать рабочие руки.

С точки зрения политического устройства право участвовать в выборах и управлять страной сохранили и обрели только землевладельцы-протестанты и оккупационные войска. Даже на муниципальном уровне католикам запретили участвовать в голосовании. В 1654 г. в Ирландии был назначен сплошь состоявший из англичан Государственный совет. Вскоре в Ирландии появились мировые судьи, т. е., следовательно, гражданские органы управления.

Ирландии было еще труднее, чем Шотландии, нести расходы по содержанию оккупационной армии и органов управления. В конце 1654 г. английский армейский контингент в Ирландии насчитывал 23 тыс. человек. На его ежегодное содержание требовалось 500 тыс. фунтов. И хотя к концу режима протектората армия сократилась до 12 тыс., расходы на нее оставались значительными — около 330 тыс. фунтов. Гражданская администрация поглощала еще 46 тыс. фунтов ежегодно. Акцизы, ежемесячные платежи и прочие налоги не покрывали расходов, и приходилось

привлекать деньги английских налогоплательщиков. Дефицит только в 1658 г. составил 96 тыс. фунтов.

В решении религиозного вопроса в Ирландии превалировало два подхода. Оккупационная армия хотела бы видеть Ирландию протестантской страной, где бы преобладали индипендентские конгрегации, общины квакеров и баптистов. Однако Генри Кромвель придерживался более умеренных позиций, давая возможность существовать епископальной англиканской церкви и пресвитериям Ольстера. После завоевания английский парламент переназначил священников и проповедников в Ирландии и установил им жалованье. Надо сказать, что происходило это в более или менее равных пропорциях. Среди 376 назначенцев были и англикане, и пресвитериане, и индипенденты, и баптисты. Правда, большинство баптистов в соответствии со своими убеждениями отказались принимать от власти деньги за веру. По аналогии с Англией в Ирландии вскоре появились комиссии по аттестации и назначению священников, которые одновременно пересмотрели границы приходов. Последнее мероприятие позволило улучшить материальное положение духовных лиц и сократить выплаты из казны.

В отношении католиков проводилась политика строгого ограничения и подталкивания их к переходу в протестантизм. Однако протекторат добился в этом направлении не больше, чем Тюдоры и ранние Стюарты. Кроме того, у протектората по-прежнему не было проповедников, способных говорить по-гэльски. Несмотря на наказания, католические священники продолжали тайно вести свою деятельность. В первые годы после завоевания было казнено около двух сотен католических священников. Однако при протекторате такие казни стали единичными, а с приездом в Ирландию Генри Кромвеля вообще прекратились.

Проблема государственной стабильности и власти в общественной мысли республики и протектората

В 1650-е гг. ключевой проблемой общественной мысли стал вопрос о подобающей Англии форме правления. В 1651 г. Томас Гоббс (1588 — 1679), бывший секретарь Френсиса Бэкона, публикует обширный трактат «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского», где утверждает, что государство возникло в результате общественного договора между людьми, желающими избежать насилия, которое преследовало их в догосударственную эпоху. Объединившись, люди принесли свои естественные права в жертву миру и стабильности. Обязан-

ность поддерживать порядок возложена на государство, власть которого вследствие договора неограниченна и абсолютна. Абсолютистское государство, по мнению Гоббса, может принимать разные формы, но монархия кажется ему предпочтительной по сравнению с прочими.

После разгона бэрбонского парламента и установления протектората, в 1654 г., появляются две апологии новому режиму, который, как казалось, гарантирует стабильность. Первая принадлежала перу Марчмонта Нидхэма (1620—1678) и называлась «Истинное состояние изложения республики». По мнению автора, наличие в Англии протектора, Государственного совета и парламента, которые уравнивают друг друга, свидетельствует о том, что форма правления здесь стала смешанной, что позволяет избежать злоупотреблений властью, свойственных республике, монархии и аристократии. Вторую написал поэт и публицист, секретарь Кромвеля по иностранным делам Джон Мильтон. Его трактат получил наименование «Вторая защита английского народа». Мильтон утверждал, что Кромвель уже неоднократно доказал в сражениях, что он один подходит для управления Англией и такое решение больше всего угодно Богу.

В 1656 г. выходит в свет «Республика Океания» Джеймса Гаррингтона (1611—1677), который считал, что стабильное правление должно опираться на законы и ответственных людей. Человеческая ответственность базируется на наличии земельной собственности. Поэтому принимать участие в управлении и выборах надлежит собственникам, круг которых, однако, должен быть достаточно велик, чтобы государство не превратилось в олигархию. По убеждениям Гаррингтон был республиканцем. Власть в его республике должна была принадлежать избираемому собственниками сенату и народной ассамблее.

Внешняя политика протектората

Кромвель в должности лорда-протектора проводил активную внешнюю политику, руководствуясь торговыми и религиозными интересами страны. В 1654 г. ему удалось заключить мирные договоры с Голландией, Данией, Португалией, договор о дружбе со Швецией. Он стремился поддерживать дружеские отношения с протестантской Голландией, особенно после того, как в 1654 г. Оранский дом, неизменно выступавший за реставрацию Стюартов, на время был отстранен от власти. Кромвель был глубоко заинтересован в развитии колоний и колониальной торговли. Он запретил выращивание табака в Англии, дабы поддержать торговлю им американских колонистов.

При Кромвеле флот стал постоянным фактором присутствия Англии в Средиземном море. В 1654 г. адмирал Блейк провел морскую операцию против арабских пиратов Туниса и полностью уничтожил их флотилию из 9 кораблей. Эта победа произвела сильное впечатление на соседний Алжир, быстро согласившийся выдать Блейку всех находящихся в рабстве англичан.

По традиции главным конфессиональным и торговым врагом Англии Кромвель считал Испанию. В 1654 г. Государственный совет под давлением Кромвеля принимает решение (без объявления войны) отправить флот из 38 кораблей с десантом в Вест-Индию. Но в Карибском море дела у англичан не заладились. Попытка захватить Эспаньолу закончилась полным фиаско. Некоторой компенсацией за это поражение стала оккупация в мае 1655 г. Ямайки. Затем флот воротился в Англию.

В 1655 г. Испания пошла на формальный союз с Карлом II. Хотя Кромвель не опасался интервенции с моря, но стал действовать более решительно. В октябре 1655 г. Англия вступила в союз с Францией, нацеленный против Испании, и почти сразу же объявила последней войну. Английская эскадра под командованием стареющего Блейка и назначенного ему в помощь тридцатилетнего адмирала Монтагю (1625 — 1672) в 1656 г. очень хорошо показала себя у Пиренеев и в Средиземном море. Английские корабли уничтожили испанскую флотилию у берегов Малаги и сожгли город. Им удалось организовать блокаду Кадиса, перехватить испанский серебряный флот, захватить два корабля с сокровищами и еще два отправить на дно. В апреле 1657 г. Блейк уничтожил морскую эскадру испанцев в гавани Санта-Круз, у острова Teneriff. Правда, испанцы все же сумели выгрузить перевозимое кораблями серебро, но тем не менее остались без денег, ибо Блейк лишил их средств доставки. В 1657 г. Кромвель согласился поддержать военные действия французов на континенте, отправив во Фландрию 6-тысячный корпус. В июне 1658 г. французские и английские войска сошлись с испанцами у Дюнкерка. Произошло сражение, в котором на стороне испанцев воевали английские, шотландские и ирландские роялисты и католики во главе с герцогом Йоркским. Испанцы и британские роялисты были разбиты. Дюнкерк по соглашению с французами отошел Англии.

Определенную озабоченность Кромвелю внушали отношения между протестантскими странами Северной Европы, где Швеция воевала с Данией. Уже после смерти протектора в войну вступила Голландия, разбившая шведский флот. В 1660 г., после дипломатического вмешательства в конфликт Франции и Англии, опасавшихся закрытия для их кораблей пролива Зунд, был заключен Копенгагенский мир, сделавший пролив Зунд открытым для торговых кораблей.

ГЛАВА 10. ВТОРАЯ АНГЛИЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА. РЕСТАВРАЦИЯ СТЮАРТОВ

«Незадачливый Дик», армия и парламент

Наследником Кромвеля стал его 31-летний сын Ричард. Передача власти прошла без потрясений. Довольно быстро в качестве правителя Англии Ричарда Кромвеля (1626 — 1712) признали главы европейских государств. Свою лояльность новому протектору выразили графства, Шотландия и Ирландия. Армия заявила, что готова быть опорой главе государства.

«Незадачливый Дик», как прозвали Ричарда Кромвеля современники, не обладал качествами отца. До того времени как судьба вознесла его на вершину власти, он вел жизнь сельского эсквайра. Ни в гражданской войне, ни в управлении Ричард заметного участия не принимал. У него не было политических амбиций и должной жесткости, т. е. качеств, которые только и могли помочь человеку, небесспорным образом ставшему у руля правления, удержать власть и вести государственный корабль.

Существующие внутри Государственного совета и армии группировки, соперничество которых подавлялось и нейтрализовывалось покойным протектором, быстро дали о себе знать. На Ричарда пыталась воздействовать фракция его армейских родственников — Флитвуда и Десборо (1608 — 1680), одновременно являвшихся членами Государственного совета. Первый был мужем сестры Ричарда, второй приходился ему дядей. Оба хотели манипулировать протектором. Им противостояли гражданские члены совета, рекомендациям которых он предпочитал следовать. У Ричарда был и свой круг доверенных людей за пределами Государственного совета.

Флитвуд командовал армией, дислоцирующейся в Англии. Ее полки и эскадроны давно не участвовали в сражениях, но были политически активны. В этой армии были сильны республиканские настроения. Ее офицеры и солдаты негативно относились к тем элементам монархической власти, которые появились в стране в последние годы. Еще одна армия под командованием Генри Кромвеля была расквартирована в Ирландии. Она обладала высокой боеспособностью, поскольку находилась во враждебном окружении. Наконец, в Шотландии располагалась боевая армия под началом генерала Джорджа Монка.

Для боевых генералов Ричард, не имеющий армейского опыта, не был авторитетом. Армия, находящаяся в Англии, была бледной тенью прославленной армии Нового образца. Ветеранов войн с

королем после естественной убыли, увольнений и чисток в ней оставалось немного. Эту армию раздирали противоречия. Ее старшие офицеры группировались вокруг генералов Флитвуда и Десборо, проводя встречи в Уоллингфорд-хауз. Молодые офицеры собирались на собрания в Сент-Джеймском дворце. Младший командный состав и солдаты постоянно требовали выплаты почти годового жалованья. В массе своей они были настроены республикански и ожидали дальнейших политических и религиозных реформ. Не побывав с Флитвудом в сражениях, молодые офицеры и солдаты не питали к нему глубоких симпатий.

Вместе с властью Ричарду Кромвелю достался по наследству огромный бюджетный дефицит — в 2 млн фунтов. Основной причиной государственного долга были военные расходы последних лет правления Оливера Кромвеля, в особенности война с Испанией. Отсутствие денег стало неразрешимой проблемой для режима, и Государственный совет почел за лучшее обратиться за деньгами к парламенту. Парламент, кроме того, надеялся Ричард, признает его статус и подтвердит законность конституции, которая обеспечила ему приход к власти. Армейское руководство со своей стороны боялось парламента, до этого уже не раз высказывавшегося за сокращение вооруженных сил и добивавшегося полного подчинения военных гражданской власти. В ноябре 1658 г. младшие офицеры потребовали восстановить в армии ранее уволенных старших офицеров, таких, как Гаррисон, Роберт Овертон, Ламберт, а также милленариев, баптистов и др. Они заявили о том, что следует ограничить право протектора производить армейские назначения.

Выборы в палату общин провели по старой избирательной системе, надеясь таким образом обеспечить в ней преобладание сторонников нового протектора. Были приглашены и все члены «другой палаты». Собрался парламент в конце января 1659 г. В него прошло довольно много настроенных лояльно — хотя это кажется странным — по отношению к Ричарду пресвитериан. Самой активной, хотя и малочисленной, фракцией в парламенте оказались республиканцы, возглавляемые неутомимым Артуром Гезльригом. Республиканцы постоянно апеллировали к опыту гражданской войны и республики, «доброму старому делу», как они говорили. Риторика «добраго старого дела», звучавшая в разных комбинациях в речах республиканцев и заполнившая их памфлеты, быстро накалила общественную атмосферу. Коллекция памфлетов Джорджа Томасона за 1659 г. насчитывает 652 наименования, тогда как (для сравнения) за 1658 г. — всего 282.

С первых же дней работы парламента республиканцы организовали кампанию против признания Ричарда Кромвеля. Их пропаганда нашла сторонников среди младших офицеров и солдат, а

также среди радикальных индепендентов, милленариев и приверженцев других радикальных сект. Республиканцы много и долго поносили «другую палату», которая, по их словам, заполнилась назначенцами протектора для умаления статуса «истинных представителей народа». Наконец, последовали нападки на армию, которую республиканцы надеялись сравнить с парламентом. Они распространяли слухи, что депутаты помышляют о восстановлении монархии во главе с Ричардом и о замене армии ополчениями графств, подчиненных не офицерам, а местным аристократам и дворянам.

С созывом парламента возникла патовая политическая ситуация, ибо лебедь (Ричард Кромвель), рак (армия) и щука (парламент) бессмысленно тянули в разные стороны. Подозрения армии в отношении парламента укреплялись день ото дня. Парламент не торопился вотировать субсидии и решать проблему задержанных выплат. Выработанный еще в конце 1658 г. пасторами 120 индепендентских конгрегаций символ веры, призванный примирить индепендентов и пресвитериан и провозглашавший принцип свободы совести, не получил поддержки в Вестминстере. В тюрьмах продолжали томиться около 140 квакеров. Парламентское большинство настойчиво продвигало пресвитерианские статьи, подобные тем, которые в годы гражданской войны выдвинула Вестминстерская ассамблея. Предполагалось, что ни одно духовное лицо не будет получать государственную поддержку, если не подпишет их. Боясь потерять влияние и контроль над солдатами и ситуацией, Флитвуд и высшие офицеры убедили Ричарда созвать Генеральный совет армии, на который приглашались представители всех расквартированных в столице или поблизости полков.

2 апреля 1659 г. Генеральный совет армии, насчитывающий около 500 человек, начал заседать. Ход дебатов показал, что ни Флитвуд, ни другие генералы не могут контролировать младших офицеров. В сформированный советом комитет для выработки петиции парламенту попали почти только республиканцы. Там не оказалось ни сторонников Флитвуда, ни лояльных протектору людей. Вскоре петиция была подана протектору и парламенту. Армия выражала озабоченность значительной задолженностью, судебными преследованиями солдат, растущими монархическими настроениями. Парламент фактически петицию армии проигнорировал, заявив, что не намерен поднимать сумму ежемесячных сборов выше 50 тыс. фунтов. Кроме того, нижняя палата инициировала дело против генерал-майора Ботлера, который несколькими годами ранее присвоил себе владения некоторых роялистов.

В середине апреля 1659 г. противостояние парламента и армии достигло предела. Небольшая часть верных протектору офицеров предлагала даже арестовать генералитет, собиравшийся

в Уолингфорд-хаузе. 18 апреля 1659 г. палата общин объявила, что запрещает офицерам проводить собрания, если на то не будет согласия протектора и обеих палат. Ричард следом приказал всем офицерам покинуть столицу и вернуться в свои части. Тогда, 21 апреля, Флитвуд вновь созвал представителей полков, которые вынудили протектора подписать ордер о роспуске парламента.

Армия вновь одержала победу над гражданской властью. Однако она оказалась недолгой. На этот раз армия не имела признанного лидера. Флитвуд и его люди надеялись этой акцией укрепить свое влияние в полках. Совет офицеров, действительно, сразу же объявил Флитвуда главнокомандующим всеми вооруженными силами страны и снял с командных должностей сторонников Ричарда, но он же восстановил в армии Ламберта и многих полковников и генералов, уволенных Оливером Кромвелем. Набравшие в этой политической кампании вес республиканцы и вернувшиеся в политику отправленные еще Оливером Кромвелем в отставку офицеры теперь требовали восстановления республики.

3 и 5 мая 1659 г. в доме Генри Вена прошли две встречи между республиканцами и восстановленными в армии офицерами, включая генерала Ламберта, где было принято решение созвать распущенных депутатов «охвостья» как единственных представителей законной власти. Надо сказать, что Ричард Кромвель пытался бороться. Он обратился за военной поддержкой к Монку, т. е. к армии в Шотландии, своему брату Генри, т. е. к армии в Ирландии, Монтагю, т. е. к флоту и английским частям во Фландрии. Однако во Фландрию и на флот его послания не попали. Монк в тот момент поддержал Совет офицеров, а вооруженные силы в Ирландии оказались из-за последних событий в Англии разобщенными.

6 мая 1659 г. 42 депутата «охвостья» вновь заняли свои места в палате. 25 мая, после того как палата общин согласилась выплатить все долги протектора, Ричард Кромвель подписал указ о восстановлении власти «охвостья» и тем самым ушел в отставку. В этом же месяце он отправился во Францию, где провел несколько лет, а затем надолго уехал в Швейцарию. Все вооруженные силы и флот выразили лояльность восстановленной республике. Ричард Кромвель предпочел удалиться вслед за братом в изгнание. Так бесславно закончился режим протектората.

Вторая республика

Преобразованный Государственный совет, куда теперь вошли республиканцы и восстановленные генералы, и собравшиеся парламентарии вновь задумались о конституционном устройстве

страны. Депутаты, желая контролировать армию, постановляют, что теперь все армейские назначения будут производиться парламентом и подписываться спикером. Они принимают акт, дарующий прощение за все, что было совершено после апреля 1654 г., т. е. после установления режима протектората. Но парламентские дебаты были вскоре прерваны мятежом.

Летом становится известно, что недовольные восстановлением «охвостья» и республики роялисты, бывшие офицеры парламентских армий, сторонники протектората, пресвитериане вступили в союз и готовят восстание. Созданная при Кромвеле секретная служба выявила почти все очаги мятежа и арестовала большое число заговорщиков. И все же участнику первой гражданской войны на стороне парламента Джорджу Буту (1622 — 1684) удалось в начале августа 1659 г. поднять в Ланкашире и Чeshire 4 тыс. сторонников. Они требовали либо проведения новых свободных выборов, либо передачи власти обеим палатам Долгого парламента в полном составе. Через полмесяца восставшие были рассеяны войсками генерала Ламберта.

С подавлением восстания армия вновь стала подавать свой голос. Солдаты требуют выплаты жалованья и призывают не трогать религиозных радикалов. Часть армейского руководства, идущего теперь за Ламбертом, добивается назначения пожизненного сената и объявления даты новых выборов. 12 октября 1659 г., дабы нейтрализовать верхушку армии, палата общин постановляет уволить из армии Ламберта и еще восемь высших офицеров. Вместо них высшее руководство армии должно было пополниться Гезльригом и еще рядом республиканцев. Уже на следующий день верные Ламберту и парламенту войска стояли друг против друга у стен Вестминстера. Первоначально обе стороны были настроены решительно, но вскоре части, охраняющие парламент, перешли на сторону генералов. «Охвостье», таким образом, было разогнано армией вторично. В конце октября 1659 г. Совет офицеров учреждает «Комитет безопасности», который теперь олицетворял высшую власть и должен был разработать конституцию.

Рестаuration

Разгон «охвостья» решительно не понравился генералу Джорджу Монку (1608 — 1670). Он не признал произошедший переворот. У этого военного была любопытная биография. Решительный нрав Джорджа Монка проявился еще в юности, когда он поколотил помощника шерифа и, не дожидаясь последствий, отправился воевать на континент. В голландской армии Монк дослужился до чина подполковника. В 1638 г. Монк вернулся на родину, чтобы

в составе королевских войск воевать сначала с шотландскими, а затем ирландскими подданными Карла I. В 1644 г. Монк уже в Англии, сражаясь на стороне короля, попадает в плен. Храня верность присяге, он отказался служить парламенту и следующие два года провел в заключении. После пленения короля Монк вышел на свободу и отправился в Ирландию, но уже в составе парламентской армии. Когда Кромвелю было поручено усмирить Шотландию, будущий протектор взял с собой Монка, которому пришлось доводить (иногда с излишней жестокостью) дело усмирения Шотландии до конца. В Шотландии Монк проявил себя не только как хороший генерал, но и как прекрасный администратор. Удивительное дело, но он всегда изыскивал деньги, чтобы платить жалованье войскам, чем разительно отличался от других генералов.

Монк не питал никаких иллюзий относительно депутатов «охвостья», но все же надеялся, что они установят какой-то легитимный порядок во всех трех королевствах. Захват власти офицерской кликой не сулил стране, на его взгляд, ничего, кроме анархии. Он, кроме того, терпеть не мог вновь оживившихся религиозных фанатиков и прозелитов. Прежде чем отправиться в английский поход, Монк очистил свою армию от сотни ненадежных офицеров. В конце ноября он созвал в Эдинбурге представителей шотландских графств, сообщил, что с войсками покидает Шотландию, и попросил поддерживать мир и порядок. В начале декабря Монк разрешил равнинным графствам создать свои вооруженные отряды для отражения возможных набегов горцев.

В Англии политическая ситуация менялась стремительно. 24 ноября в Лондоне собрались члены последнего Государственного совета и отправили Монку письмо, которым вверяли ему командование над всеми вооруженными силами страны. Тем временем горожане Лондона и многих провинциальных графств стали отказываться платить налоги, ссылаясь на то, что они не утверждены парламентом. 3 декабря Артур Гезльриг с некоторыми членами Государственного совета взяли под свой контроль Портсмут. 5 декабря произошли волнения подмастерьев в Лондоне. Молодые люди призывали созвать новый «свободный парламент». Прибывшие войска были вынуждены открыть огонь и убили несколько человек. В декабре в защиту разогнанного «охвостья» высказались флот под командованием адмирала Лоусона и ирландская армия. В последней произошел переворот. Офицеры, поддерживающие «Комитет безопасности», были отстранены от командования, а власть над армией в Ирландии перешла к Гардреззу Уоллеру.

В декабре 1659 г. постепенно на сторону разогнанного «охвостья» стали переходить армейские части. Многие из них делали это под предлогом скорейшего созыва «свободного парламента».

Оказалось, что у Флитвуда нет ни воли, ни характера, дабы противостоять новым вызовам. У него была только неистовая вера в Бога, которому он чуть что начинал молиться, но этого оказывалось явно недостаточно. 23 декабря по требованию спикера Уильяма Лентолла (1591 — 1662) Флитвуд передал ключи от залы, где заседала палата общин. 26 декабря «охвостье» собралось на сессию, вернувшись к власти в третий раз. Был преобразован Государственный совет, в котором все места заняли люди Гезльрига.

Только Ламберт на севере Англии во главе ненадежных и ропшущих войск готовился встретить Монка. Но его армия из-за дезертирства таяла, как снег под лучами солнца, пока не исчезла вовсе. 1 января 1660 г. Монк, которого «охвостье» уже не ждало, приказал своим войскам оставить Шотландию и начать движение на Лондон. У Марстон-Мура к Монку присоединились соединения, вставшие под командование решившего напомнить о себе генерала Томаса Ферфакса. Оба генерала затем овладели Йорком. В начале февраля 1660 г. Монк занимает столицу и очень быстро понимает, что реставрированное «охвостье», в котором преобладали республиканцы, не имеет массовой поддержки. В это время «охвостье» вступило в конфликт с мэром и городским советом Лондона, которые отказались платить налоги и ратовали за созыв «свободного парламента». Для Монка поддержать «охвостье» означало лишить солдат своей и других армий жалованья. Выступить вместе со столицей за «свободный парламент» значило оказаться в лагере сторонников восстановления монархии, поскольку новые выборы, очевидно, принесли бы победу роялистам и пресвитерианам. 11 февраля он занял сторону Городского совета и решительно потребовал от «охвостья» восстановить в правах изгнанных из парламента Прайдом пресвитериан и объявить дату новых выборов. 21 февраля места в палате заняли примерно еще 90 депутатов. В этом восстановленном Долгом парламенте республиканское «охвостье» оказалось в явном меньшинстве.

Долгий парламент переназначил Монка главнокомандующим и совместно с Монтагю поручил командовать флотом. Был учрежден новый Государственный совет, включивший в себя Ферфакса и пресвитериан. Оставшийся без солдат генерал Ламберт был заключен в Тауэр. 16 марта 1660 г. Долгий парламент добровольно распустился, и были объявлены новые выборы.

Видимо, в это время Монк начинает склоняться к реставрации Стюартов на английском престоле. Он ведет интенсивную переписку с королем. 4 апреля 1660 г. Карл II (правл. 1660 — 1685) во Фландрии, в Бреде, издает декларацию, в которой в случае возвращения гарантирует всеобщее прощение участникам революции, за исключением тех, кто осудил на казнь его отца, свободу вероисповедания и неприкосновенность перешедшей в другие

руки собственности. Бредская декларация стала основой для реставрации.

10 апреля из заключения бежал Ламберт, который призвал своих сторонников продолжить борьбу. Ему удалось собрать 4 эскадрона кавалерии, с которыми он 22 апреля встретил у Эджхилла посланный против него отряд полковника Инголдсби (ум. 1685). После нескольких выстрелов Ламберт и его части капитулировали. Оставшиеся 23 года жизни Ламберт провел в тюрьме, где в конце концов обезумел.

25 апреля собрался так называемый парламентский Конвент¹. В нижней его палате преобладали пресвитериане. Около 100 депутатов были последовательными роялистами. Верхняя палата собралась, за исключением епископов, так, как она собиралась при первых Стюартах. Революции приходил конец. Лорды вскоре заявили, что управление в стране должно принадлежать королю, палате лордов и палате общин, а также предложили послать приглашение Карлу II вернуться на родину. 1 мая обе палаты парламента приняли решение восстановить монархию. Вскоре Карл уже принимал парламентскую делегацию и дал согласие приехать в страну. 25 мая Карл II высадился в Англии, а 29 мая его процессия была уже в Лондоне. Повсюду короля встречали уставшие от потрясений толпы народа. Пожалуй, самым ярким свидетельством того, что революция закончилась, была фигура генерала Ферфакса, придерживавшего руками коня, который ввозил августейшего седока в Лондон.

¹ Представительный орган получил такое название, поскольку созыв парламента вновь стал считаться исключительным правом короля.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обычно под революцией понимают решительный разрыв с прошлым, произведенный посредством насилия, и установление нового общественного устройства. Однако в отношении событий в Британии середины XVII в. определенно можно говорить, пожалуй, только о насилии и разрыве, поскольку следовавшие за ними социальные и экономические изменения были не столь радикальными и очевидными. Конечно, упразднение королевского сюзеренитета над землей и отмена некоторых других ограничений способствовали формированию земельного рынка, ускорили концентрацию пашен и пастбищ в руках лендлордов и обезземеливание крестьян. Но эти процессы начались еще при Тюдорах, к началу революции население к ним в определенной мере адаптировалось, и, кроме того, они продолжались затем еще весь XVIII век. Перемещения земельной собственности в ходе Революции были довольно масштабными, но после Реставрации бóльшая доля отчужденных земель вернулась к прежним владельцам (за исключением Ирландии, где местные жители-католики потеряли почти все). Окончательное упразднение монополий открыло перспективы для более свободного развития промышленности и торговли, но в целом экономический уклад и социальный порядок не претерпели значительных изменений. Более того, воспоминания о пустых и утопических обещаниях скорого установления царства Божьего и общей справедливости в определенном смысле консервировали иерархическую социальную упорядоченность. Можно, наверное, утверждать, что после революции экономическое развитие Британии значительно ускорилось, что благодаря ей британская экономика спустя век превратится в ведущую экономику мира и что существует причинно-следственная связь между революцией XVII в. и Промышленной революцией конца XVIII — начала XIX в. Но почему Британия не могла иметь того же без революции? На этот вопрос никто не может дать убедительного ответа.

В политике произошел возврат от республиканской формы правления к монархической. Вплоть до первой половины XIX в. избирательная система Англии оставалась архаичной, а реальное участие большинства населения в избирательных процедурах минимальным. Революция не приблизила формальной Унии

между Шотландией и Англией. Это произойдет спустя почти полвека.

Институциональные перемены были наиболее заметными, хотя и не столь уж радикальными. Впредь английским монархам уже не удавалось обходиться без парламента. В общественном сознании постепенно закреплялась идея баланса властей. Началось формирование политических партий, утвердились институты постоянной армии и прямого налогообложения. Начал формироваться и функционировать механизм сменяемости и циркуляции политических элит, исключаящий в значительной степени возможность повторения революции.

После революции религиозная сфера стала обретать большую независимость от власти. Пресвитериане в Англии почти исчезли, но число различных сект, имевших сторонников и защитников среди самых различных социальных слоев, осталось значительным. Идея толерантности и свободы совести, преодолевая культурные стереотипы, становилась все более актуальной, несмотря на то что восстановленная англиканская церковь продолжала упорно настаивать на единообразии.

Для Шотландии и Ирландии последствия революции были более значительными. Протекторат создал законодательные гарантии для держателей в Шотландии, фиксирующие их ренты и упраздняющие любые дополнительные поборы и повинности. Была отменена судебная власть лордов в отношении держателей и передана мировым судьям. Практика наследственного исполнения магнатами обязанностей шерифов также ушла в прошлое. Кроме того, временное упразднение шотландского парламента и выделение мест для шотландцев в английской палате общин, а также понижение статуса шотландского совета до регионального и подчинение его английскому Государственному совету наметили контур дальнейшего институционального объединения двух королевств.

Для Ирландии революция обернулась настоящей трагедией. То, что произошло на зеленом острове после высадки Кромвеля, Дж. Моррилл называет «величайшей этнической чисткой в Европе раннего Нового времени»¹. Ирландский Тайный совет, как и совет в Шотландии, приобрел статус регионального и потерял самостоятельность. Был упразднен парламента. Во второй половине XVII в. казалось, что степень интеграции Ирландии в единое королевство и ее зависимость от Лондона достигли предела и такое положение дел сохранится навсегда. На деле же интеграция католического населения в Британию, скорее, замедлилась.

¹ *Morrill J. The Rule of Saints and Solders: The Wars of Religion in Britain and Ireland 1638—1660 // The Seventeenth Century // ed. by J. Wormald. — Oxford, 2008. — P. 112.*

Ирландские католики сохранили веру и культуру. Идентичность ирландцев в значительной мере опиралась на память о революционных избиениях и этнических чистках, после которых 80 % автохтонных жителей острова удалось сохранить всего лишь 20 % земель и состояний.

Английские историки долгое время избегали употребления термина «революция» в отношении событий середины XVII в., предпочитая называть их «Великим мятежом». Тем не менее понятие «Английская революция», или более современно — «революция в Британии», имеет право на существование. Хотя бы потому, что в истории Британии не было другого такого периода, когда столь широкие массы народа пришли в движение, ведомые смешанными чувствами социального недовольства, конфессиональной, правовой и политической ущемленности, религиозной экзальтации и надежды на установление всеобщей свободы и справедливости.

В то же время Революция привила британцам стойкое неприятие утопических призывов к быстрому переустройству мира. Она способствовала формированию общества, в котором уважение к традициям, законности и полученному от предков общественному достоянию уживается с идеями индивидуализма, свободы и народного суверенитета. Революция научила англичан тому, что размахивать кулаками и пиками из-за несовершенства мира опасно и непродуктивно и что усовершенствование общества сродни медленному пути в гору.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Даты	События
1558 — 1603	Правление Елизаветы I в Англии
1567 — 1625	Правление Якова VI в Шотландии
1603 — 1625	Правление Якова I в Англии и Шотландии
1625 — 1649	Правление Карла I в Англии
1542 — 1567	Правление Марии Стюарт в Шотландии
1485 — 1603	Правление династии Тюдоров в Англии
1587 — 1604	Война между Англией и Испанией
1588	Разгром «Непобедимой Армады»
1600	Основание английской Ост-Индской компании
1604	Заключение мирного договора с Испанией
1605	«Пороховой заговор» английских католиков
1607	Восстание крестьян против огораживаний в Центральной Англии
1607	Начало заселения Ольстера шотландскими пресвитерианами
1614	Проект Уильяма Кокейна, отмена привилегий компании купцов-авантюристов
1618 — 1648	Тридцатилетняя война в Европе
1623	Поездка герцога Бэкингема и принца Карла в Испанию
1626	Начало сбора «принудительного займа» и дело «пяти рыцарей»
1628	Принятие парламентом «Петиции о праве»

Даты	События
1628	Убийство Бэкингема
1633—1640	Наместничество Томаса Уэнтворта, графа Страффорда в Ирландии
1633	Назначение Уильяма Лода архиепископом Кентерберийским
1634	Начало сбора «корабельных денег»
1637	Процесс над Джоном Гемпдоном
1637	Начало восстания в Шотландии
1638	Учреждение Ковенанта в Шотландии
1639	Начало Епископальных войн с Шотландией
1640, апрель — май	Короткий парламент
1640, ноябрь	Открытие Долгого парламента
1640, ноябрь	Арест Страффорда и Лода
1640, декабрь	Петиция о «корне и ветвях»
1641, февраль	Принятие «Трехгодичного акта»
1641, май	Казнь Страффорда
1641, июль	Упразднение Звездной палаты и высокой комиссии
1641, август	Создание особого исполнительного комитета во главе с Джоном Пимом
1641, октябрь	Начало ирландского восстания
1641, декабрь	«Великая ремонстрация»
1642, январь	Неудачная попытка короля арестовать пятых депутатов
1642, январь	Отъезд короля из Лондона
1642, февраль	Ордонанс об ополчении
1642, февраль	Акт о земельных конфискациях в Ирландии

Даты	События
1642, июнь	Девятнадцать предложений, адресованных королю
1642, июль	Учреждение Комитета безопасности
1642, июль	Постановление парламента о наборе войск
1642, август	Начало гражданской войны
1642, октябрь	Сражение при Эджихилле
1642, октябрь	Создание Католической конфедерации в Ирландии
1642, ноябрь	Размещение королем ставки в Оксфорде
1643, февраль	Ордонанс о «ежемесячных платежах»
1643, июль	Ордонанс об акцизах
1643, июль	Открытие Вестминстерской ассамблеи богословов
1643, сентябрь	Подписание союзного договора («Торжественная лига и Ковенант»)
1643, 20 сентября	Сражение при Ньюбери
1643, декабрь	Смерть Джона Пима
1644, январь	Созыв «Оксфордского парламента»
1644, январь	Начало работы Комитета обоих королевств
1644, январь	Шотландская армия вступает на территорию Англии
1644, 2 июля	Сражение при Марстен-Муре, победа парламентских войск
1644, сентябрь	Капитуляция парламентской армии в Корнуолле
1644, сентябрь	Начало активных военных действия Монтроза в Шотландии
1644, 27 октября	Второе сражение при Ньюбери
1644, ноябрь	Конфликт Кромвеля с Манчестером и начало формирования армии нового образца

Даты	События
1644, декабрь	Принятие ордонанса о самоотречении
1645, январь	Ордонанс об армии нового образца
1645, январь	Казнь архиепископа Лода
1645, 14 июня	Сражение у Нейзби
1645, сентябрь	Разгром Мантроза в Шотландии
1646, февраль	Упразднение Суда по делам опеки
1646, март	Ордонанс о введении пресвитерианства в Англии
1646, май	Бегство короля к шотландцам
1646, октябрь	Ордонанс об уничтожении епископата в Англии
1647, февраль	Выдача короля шотландцами Долгому парламенту
1647, февраль	Решение парламента о роспуске армии нового образца
1647, апрель — май	Выборы «агитаторов» в полках армии нового образца
1647, июнь	Захват короля отрядом корнета Джойса
1647, 5 июня	«Торжественное обязательство армии»
1647, август	Опубликование «Глав предложений», исходящих от армии. Вступление армии в Лондон
1647, октябрь	Опубликование программы левеллеров «Дело армии, правильно изложенное»
1647, октябрь	«Народное соглашение» левеллеров
1647, октябрь — ноябрь	Заседания и дебаты Генерального совета армии в Петни

Даты	События
1647, ноябрь	Бегство короля на остров Уайт
1647, декабрь	Король подписывает соглашение с шотландцами (Engagement)
1648, январь	Акт «о необращении», роспуск Комитета обоих королевств и создание Комитета безопасности
1648, март	Первые роялистские восстания и начало второй гражданской войны
1648, май	Ордонанс о богохульстве
1648, май	Решение шотландского парламента о наборе армии для вторжения в Англию
1648, июнь	Вторжение шотландцев в Англию
1648, 17 — 19 августа	Кромвель и Ламбард разбивают шотландцев у Престона
1648, октябрь	Английская армия входит в Эдинбург
1648, 6 декабря	Прайдова чистка
1649, январь	Суд и казнь короля
1649, февраль	Провозглашение Карла II королем Шотландии
1649, март	Упразднение монархии и палаты лордов
1649, март — апрель	Выступления левеллеров
1649, апрель	Диггеры основывают общины в графстве Сари
1649, 19 мая	Акт, провозглашающий Англию республикой
1649, август	Начало завоевания Кромвелем Ирландии
1650, август	Вторжение Кромвеля в Шотландию

Даты	События
1650, 3 сентября	Кромвель разбивает шотландцев при Денбари
1651, июль	Акт о продаже земель роялистов
1651, 3 сентября	Кромвель разбивает Карла II и шотландцев при Вустере
1651, октябрь	Навигационный акт
1652 — 1654	Англо-голландская война
1652, август	Акт об устройении Ирландии и начало обширных земельных конфискаций
1653, 20 апреля	Кромвель распускает «охвостье»
1653, июль — декабрь	Деятельность Бэрбонского парламента
1653, декабрь	Принятие «Орудия управления»
1653, 16 декабря	Кромвель становится лордом-протектором
1654, апрель	Ордонанс об объединении Англии и Шотландии
1654, сентябрь	Деятельность первого парламента протектората
1654 — 1655	Деятельность английского флота в Карибском море
1655, май	Захват Ямайки
1655, октябрь	Формальное объявление войны Испании
1655, март	Роялистское восстание Джона Пенраддока в Уилтшире
1655, август	Введены должности генерал-майоров
1656, сентябрь	Деятельность второго парламента протектората

Даты	События
1657, февраль	Принимается «Покорнейшая петиция и совет»
1658, июнь	Англичане овладевают Дюнкерком
1658, 3 сентября	Смерть Кромвеля
1658, сентябрь — 1659, апрель	Протекторат Ричарда Кромвеля
1659, май	Созыв «охвостья»
1659, лето — осень	Борьба между армией и «охвостьем»
1660, 2 февраля	Вступление армии Монка в Лондон
1660, март	Самороспуск Долгого парламента
1660, 4 апреля	Бредская декларация Карла II
1660, 14 мая	Карл II провозглашен королем в Лондоне
1660, 29 мая	Прибытие Карла II в Лондон

Источники

- Англия в эпоху абсолютизма: (статьи и источники). — М., 1984.
- Английская реформация: (документы и материалы) / под ред. Ю. М. Сапрыкина. — М., 1990.
- Гоббс Т.* Избранные сочинения. — М.; Л., 1926.
- Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. — М., 1936.
- Говорит сам Джордж Фокс / пер. Т. А. Павловой. — М., 2000.
- Законодательство Английской революции 1640—1660: хрестоматия / под ред. Е. А. Косминского. — М.; Л., 1946.
- Лавровский В. М.* Сборник документов по истории Английской буржуазной революции XVII в. — М., 1973.
- Локк Д.* Избранные философские произведения: в 2 т. — М., 1960.
- Локк Д.* Два трактата о правлении // Соч.: в 2 т. — М., 1964. — Т. 1.
- Уинстенли Дж.* Избранные памфлеты. — М., 1950.
- «Я берег покинул туманный Альбиона...»: Русские писатели об Англии. 1646—1945 / сост. О. А. Казнина, А. Н. Николюкин. — М., 2001.
- Political Ideas of the English Civil Wars, 1641—1649: A collection of representative texts with a commentary / ed. by A. Sharp. — London, 1988.
- The Constitutional Documents of the Puritan Revolution, 1625—1660 / ed. by A. R. Gardiner. — 3th ed. — Oxford, 1951.
- The Constitutional Documents of the Reign of James I / ed. by J. R. Tanner. — Cambridge, 1930.
- The Stuart Constitution / ed. by J. R. Kenyon. — Cambridge, 1966.
- Wilson T.* The State of England, anno Dom. 1600 // Camden Miscellany. — 3rd ser. — London, 1936. — Vol. XVI.

Литература

- Айзенштат М. П.* Британия Нового времени: Политическая история. — М., 2007.
- Акройд П.* Лондон: биография. — М., 2005.
- Английская буржуазная революция XVII века / под ред. Е. А. Косминского. — Т. I—II. — М., 1954.
- Английская революция середины XVII века. — М., 1991.
- Архангельский С. И.* Аграрное законодательство Великой Английской революции. — Ч. 1—2. — М.; Л., 1935—1940.
- Барг М. А.* Кромвель и его время. — М., 1960.
- Барг М. А.* Народные низы в Английской буржуазной революции XVII века. — М., 1967.

- Барг М. А.* Великая английская революция в портретах ее деятелей. — М., 1991.
- Винокуров М. В.* Мир английского манора. — М., 2004.
- Гардинер С. Р.* Первые Стюарты и пуританская революция. 1603—1660 гг. — СПб., 1896.
- Дмитриева О. В.* Социально-экономическое развитие Англии в XVI в. — М., 1990.
- Дмитриева О. В.* Елизавета I: Семь портретов королевы. — М., 1998.
- Дюшен М.* Герцог Бекингем. — М., 2007.
- Донскова И. И.* Шотландия. Мистическая страна кельтов и друидов. — М., 2007.
- Зверева Г. И.* История Шотландии. — М., 1987.
- Исаенко А. В.* Пуританская Реформации в Англии XVI в. — Орджоникидзе, 1980.
- История буржуазного конституционализма XVII—XVIII вв. — М., 1983.
- Кареев Н.* Две английские революции XVII в. — Пг., 1924.
- Клаут Х.* История Лондона. — М., 2002.
- Кертман Л. Е.* География, история и культура Англии. — М., 1979.
- Книга для чтения по истории Нового времени. — М., 1911. — Т. 2.
- Ковалевский М. М.* От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Рост государства и его отражение в истории политических учений. — М., 1906. — Т. 2.
- Ковалевский М. М.* История Великобритании. — СПб., 1911.
- Кондратьев С. В.* Юристы в предреволюционной Англии. Политические и правовые воззрения. — Шадринск, 1993.
- Кондратьев С. В.* Идея права в предреволюционной Англии. — Тюмень, 1996.
- Кондратьев С. В.* Революция XVII века в Англии: (вспомогательные материалы к спецкурсу). — Шадринск, 2006.
- Кузнецов К. А.* Английская палата общин при Тюдорах и Стюартах. — Одесса, 1915.
- Кузнецов К. А.* Опыты по истории политических идей в Англии (XV—XVII вв.) //Известия Восточного института. — Т. 46. — Владивосток, 1913.
- Лавровский В. М., Барг М. А.* Английская буржуазная революция. — М., 1958.
- Левин Г. Р.* Демократическое движение в Английской буржуазной революции. — Л., 1973.
- Маколей Т. Б.* Англия и Европа. — СПб, 2001.
- Мортон А. Л.* История Англии. — М., 1950.
- Осипова Т. С.* Освободительная борьба ирландского народа против английской колонизации. — М., 1962.
- Очерки истории Англии. Средние века и Новое время / под ред. Г. И. Левина. — М., 1959.
- Очерки истории Великобритании. — М., 2002.

Павлова Т. А. Вторая английская республика (1659 — 1660). — М., 1974.

Павлова Т. А. Кромвель. — М., 1980.

Павлова Т. А. Уинстэнли. — М., 1987.

Павлова Т. А. Народная утопия в Англии XVII века. — М., 1998.

Павлова Т. А. Милтон. — М., 1997.

Поршнев Б. Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. — М., 1970.

Репина Л. П. Английская революция середины XVII века // Согрин В. В., Г. И. Зверева, Репина Л. П. Современная историография Великобритании. — М., 1991.

Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. — М., 1998.

Россия и Британия в поисках достойного правления. — Пермь, 2000.

Савин А. Н. Лекции по истории Английской революции. — Ленинград, 1924.

Сапрыкин Ю. М. Политическое учение Гаррингтона. — М., 1975.

Сапрыкин Ю. М. Народные движения в Англии во второй половине XVI — начале XVII в. — М., 1981.

Сапрыкин Ю. М. Английское завоевание Ирландии (XII — XVII вв.). — М., 1982.

Серегина А. Ю. Политическая мысль английских католиков второй половины XVI — начала XVII в. — СПб., 2006.

Татаринова К. Н. Очерки по истории Англии. — М., 1959.

Тремельян Д. М. Социальная история Англии. — М., 1959.

Тремельян Д. М. История Англии от Чосера до королевы Виктории. — Смоленск, 2001.

Федоров С. Е., Кондратьев С. В., Питулько Г. Н. Англия XVII века: социофессиональные группы и общество. — СПб., 1997.

Федоров С. Е. Пуританизм и общество в стюартовской Англии (позднее индипендентство). — СПб., 1993.

Федоров С. Е. Раннестюартовская аристократия (1603 — 1629). — СПб., 2005.

Фортунатов С. Ф. Представитель индипендентов Генри Вэн. — М., 1875.

Шарифжанов И. И. Современная английская историография буржуазной революции XVII в. — М., 1982.

Шенбаум С. Шекспир: краткая документальная биография. — М., 1985.

Штокмар В. В. Очерки по истории Англии XVI века. — Л., 1957.

Хилл К. Английская революция. — М., 1947.

Хилл К. Английская Библия и революция XVII века. — М., 1998.

Хеншел Н. Миф абсолютизма. — СПб., 2003.

Юм Д. Англия под властью дома Стюартов. — Т. 1, 2. — СПб., 2001, 2003.

Эйлмер Дж. Восстание или Революция? Англия 1640 — 1660 гг. — СПб., 2004.

Aylmer G. F. The Struggle for the Constitution, 603 — 1689. England in the seventeenth century. — London, 1963.

Cambridge History of Political Thought, 1450 — 1700 / ed. by J. H. Burns. — Cambridge, 1991.

Carlin N. The Causes of the English Civil War. — Oxford, 1998.

Collinson P. The Elizabethan Puritan Movement. — London, 1966.

Collinson P. The Religion of Protestants: the Church in English Society, 1559 — 1625. — Oxford, 1982.

Conflict in Early Stuart England / ed. by R. Cust and A. Hughes. — London, 1989.

Coward B. The Stuart Age: a History of England, 1603 — 1714. — London, 1980.

Coward B. Social Change and Continuity in Early Modern England, 1550 — 1750. — London, 1988.

Cust R. Charles I — A Political Life. — London, 2005.

Hill C. The Century of Revolution, 1603 — 1714. — Edinburgh, 1962.

Hirst D. Authority and Conflict. England, 1603 — 1658. — Cambridge, 1986.

Hughes A. The Causes of the English Civil War. — 2nd ed. — New York, 1998.

Hutton R. Debates on Stuart History. — London, 2004.

Kishlansky M. A Monarchy Transformed. Britain, 1603 — 1714. — London, 1997.

Lockyer R. The Early Stuarts. A Political History of England, 1603 — 1642. — London, 1989.

MacInnes A. I., Ohlmeyer J. H. The Stuart Kingdoms in the Seventeenth Century: awkward neighbors. — Dublin, 2002.

Morrill J. The Nature of the English Revolution, 1994.

Morrill J. Oliver Cromwell. — Oxford, 2007.

Richardson R. C. The Debate on the English Revolution: revisited. — 2nd ed. — London, 1988.

Russel C. Parliaments and English Politics, 1621 — 1629. — Oxford, 1979.

Russel C. The Causes of the English Civil War: the Ford Lectures delivered in University of Oxford. — Oxford, 1990.

Russel C. Unrevolutionary England, 1603 — 1642. — London, 1990.

Russel C. The Fall of the British Monarchies, 1637 — 1642. — Oxford, 1991.

Sharpe K. The Personal Rule of Charles I. — New Haven, 1992.

Sommerville J. P. Royalists and Patriots. Politics and Ideology in England 1603 — 1640. — London, 1999.

Stoyle M. Soldiers and Strangers: An Ethnic History of the English Civil War. — New Haven, 2005.

Stone L. The Causes of the English Revolution, 1592 — 1642. — London, 1972.

The English Civil War / ed. by R. Cust and A. Hughes. — London, 1997.

The Seventeenth Century / ed. by Jenny Wormald. — Oxford, 2008.

Tyacke N. The English Revolution C. 1590 — 1720 : Politics, Religion and Communities. — Manchester, 2008.

Woolrych A. Britain in Revolution, 1625 — 1660. — Oxford, 2002.

Wrightson K. Earthly Necessities. Economic Lives in Early Modern Britain. — New Haven, 2000.

Интернет-ресурсы

<http://www.yspu.yar.ru/hreader/5/>

<http://rulers.narod.ru/cromwell/cromlife.htm>

<http://feelosophy.narod.ru/leist/L093.HTM>

<http://history.wisc.edu/sommerville/361/>

<http://marxists.anu.edu.au/history/england/english-revolution/index.htm>

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
РАЗДЕЛ I. ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННАЯ БРИТАНИЯ	34
Глава 1. Экономика и социальный порядок	34
Географические, культурные, социальные и экономические особенности Шотландии, Ирландии и Англии	34
Демография и рост цен	39
Поземельные отношения в Англии	39
Социальные отношения и социальная мобильность в Англии	42
Миграции	46
Промышленность и торговля в Англии	47
Города	50
Лондон	51
Ухудшение жизненных стандартов. Филантропия	52
Глава 2. Политический порядок	54
Представления о королевской власти	54
Двор, политика, центральные органы управления	56
Провинции, местное управление	60
Парламент	62
Шотландия	65
Ирландия	67
Конфессиональная проблема	69
Внешняя политика	76
Глава 3. Правление Карла I	77
Личностная характеристика Карла I	77
Конфликты короля с парламентом	78
Правление без парламента	80
Арминиане и пуритане	83
Волнения в Шотландии	87
Война с Шотландией. Созыв Короткого парламента	90
РАЗДЕЛ II. РЕВОЛЮЦИОННАЯ БРИТАНИЯ	95
Глава 4. Революция началась. Конституционный этап (1640—1642)	95
Периодизация	95

Начало работы Долгого парламента. Казнь Страффорда.	
Принятие первых конституционных законов. Мир с Шотландией	96
Восстание в Ирландии. Великая Ремонстрация. Первые вооруженные столкновения в Лондоне. Отъезд короля из Лондона.	
Деятельность	99
Глава 5. Первая гражданская война	104
Расстановка сил накануне гражданской войны	104
Первые победы и поражения. Реорганизация вооруженных сил и управления	105
Смерть Джона Пима. «Торжественная лига и Ковенант»	107
Реорганизация налогов и финансов.....	108
Марстен-Мур	109
Деятельность Монтроза в Шотландии.....	110
Противоречия внутри противоборствующих сил	111
«Армия нового образца». Казнь архиепископа Лода. Победы парламентской армии. Поражение Монтроза в Шотландии.	
Пленение короля.....	112
Победы Католической Конфедерации в Ирландии	117
Глава 6. Кризис 1647 г.	117
Пресвитериане и армия	117
Индепенденты и левеллеры.....	122
Бегство короля	125
Глава 7. Вторая гражданская война	127
Английское общество накануне новой гражданской войны	127
Восстания в провинциях, столичные смуты, мятеж на флоте	128
Вторжение шотландцев в Англию и новые переговоры с королем.....	130
Прайдова чистка	131
Суд и казнь короля.....	133
Глава 8. Республика	133
Провозглашение республики. Новая конфигурация государства.....	133
Предлагаемые альтернативы. Секты	135
Роялистские угрозы	138
Непопулярная республика.....	139
Завоевание Ирландии и Шотландии	139
Внешняя политика республики. Англо-голландская война	142
Разгон «охвостья»	145
Глава 9. Протекторат Кромвеля	147
Бэрбонский парламент	147
«Орудие управления». Контуры нового правления.....	150
Первый парламент Кромвеля.....	152
Новые тревоги	153
Генерал-майоры	154

Второй парламент протектората. «Покорнейшая петиция и совет».....	155
Шотландия и Ирландия при протекторате	159
Проблема государственной стабильности и власти в общественной мысли республики и протектората.....	163
Внешняя политика протектората	164
Глава 10. Вторая Английская республика. Реставрация	
Стюартов	166
«Незадачливый Дик», армия и парламент	166
Вторая республика	169
Реставрация	170
Заключение	174
Хронологическая таблица.....	177
Список литературы	184

Учебное издание

Кондратьев Сергей Витальевич

Английская революция XVII века

Учебник

Редактор *Г. Ф. Кученкова*

Ответственный редактор *С. В. Новикова*

Технический редактор *О. Н. Крайнова*

Компьютерная верстка: *И. В. Постникова*

Корректор *В. Н. Рейбекель*

Изд. № 101115305. Подписано в печать 24.05.2010. Формат 60×90/16. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 12,0. Тираж 1 000 экз. Заказ № 30164.

Издательский центр «Академия». www.academia-moscow.ru

Санитарно-эпидемиологическое заключение № 77.99.60.953.Д.007831.07.09 от 06.07.2009. 125252, Москва, ул. Зорге, д. 15, корп. 1, пом. 266.

Адрес для корреспонденции: 129085, Москва, пр-т Мира, 101В, стр. 1, а/я 48.

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленных издательством электронных носителей в ОАО «Саратовский полиграфкомбинат».

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59. www.sarpk.ru